АЛЕКСАНДР ЯШИН

1

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ
ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

•

ПОЭМЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Составление, подготовка текстов, комментарии
З. К. Яшиной, Н. А. Яшиной

Предисловие
Ф. Ф. Кузнецова

Оформление художника
Н. И. Крылова

●

Я $\frac{4702010200\text{-}415}{028(01)\text{-}84}$ подписное

САМАЯ КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Подлинно высокое, благородное понимание темы родины, отмеченное предельно душевной деликатностью и одновременно гражданственностью и социальностью, пронизывает все творчество Яшина — поэта и прозаика. Убежденнейший интернационалист и гуманист, он представляет себе любовь к родине только как активное, действенное, горячее и участливое к людям чувство: «Спеши на выручку, других зови,— пусть не найдется душ глухих и жестких! Без этого к чему слова любви о родине, о речках, о березках?!»

«Босиком по земле» (1965) — называлась одна из книг поэта. Его любовь и близость к родной русской северной природе диктовалась судьбой: «Я тутошний, из Блуднова, и это моя судьба» (стихотворение «Земной поклон»). Это было не холодное, но опять-таки глубоко нравственное, одухотворенное человеческое чувство.

Как бесценный завет, хранил А. Яшин шутливые слова Михаила Михайловича Пришвина, который во время одной из совместных прогулок с ним «подошел к толстой березе с поперечными черточками на коре, словно строчками стихов, разбитыми лесенкой, осмотрел ствол с одной, с другой стороны и сказал:

— Тут записей разных немало. Поэзии на целую книжку может хватить. Сколько разберете — все ваше».

Об этом рассказано А. Яшиным в цикле лирических миниатюр «Вместе с Пришвиным». «Пристальность, с какой вглядывался он в окружающий нас мир, в даль полей и лугов и в лесное многоэтажье, поражала меня,— пишет Яшин.— ...Пришвин видел и небо, и землю, всю глубину леса с его многонаселенностью, и все луговое многотравье, каждое зернышко в колоске, и каждую тычинку в соцветии, и никогда ни к чему живому не был равнодушен. Многие десятилетия он как одержимый бро-

дил по земле-матушке от зари до зари то с ружьем, то с записной книжкой — то вскинув голову к небу, то не отрывая глаз от земли. Он дружил с природой, не заискивая, без низкопоклонства, дружил на равных началах, и природа ничего от него не прятала».

Яшин мечтал, чтобы так же дружили с природой все люди. На худой конец — хотя бы его дети, выросшие в городе. Его рассказ «Угощаю рябиной» (1965) — глубоко личностное повествование о наивной попытке писателя «докричаться» до них, горожан детей, да и до всех людей, «доказать им, что деревенское детство не только не хуже, а во многих отношениях даже лучше детства городского». Не рассказ, а своего рода лирическое размышление на тему, чрезвычайно близкую и важную для него. Размышление о деревенской России и низкий писательский поклон ей.

Поклон — и вопрос. Вопрос, адресованный времени, детям — и самому себе.

«Дело в том,— повествует А. Яшин,— что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани,— а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — мне легко живется и пишется».

Об этом же А. Яшин написал и свою «Вологодскую свадьбу». А в «Угощаю рябиной» он рассказывает: «Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля от снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу я не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же наконец будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого.

А еще: сколько талантливых ребятишек растет сейчас в моей деревне, и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?..»

Как видите, отношение Александра Яшина к родной север-

ной деревне глубоко и активно социальное, оно объемлет все стороны реальной, а отнюдь не иллюзорной, мечтательной жизни колхозного села. Это отношение кровной, жизненной сопричастности, за которым — подлинная любовь к родной стороне и ее жителям, глубокое знание ее нужд и чаяний. По глубочайшему убеждению А. Яшина, равно как и его земляков, счастье народной жизни надо искать не позади, не в некоем обособленном, наивном, нетронутом патриархальном мире русской деревни, но — впереди, в наиболее полном и всестороннем развитии социалистических начал.

Как справедливо писал Константин Симонов в предисловии к «Избранным произведениям» в 2-х томах Александра Яшина (М., 1972): «...Едва начав писать прозу, Яшин сразу заявил себя мастером. О его прозе немало спорили. Пожалуй, особенно много о «Вологодской свадьбе». Видели в ней недостатки и оплошности, порой действительные, порой мнимые. Но все это не отменяло главного — ощущения той глубокой любви к жизни и к людям, которой дышала эта проза».

Смысл «Вологодской свадьбы» (1956) мне видится как раз в постижении судеб старых обычаев деревни в современных условиях жизни. Повесть начиналась описанием районного аэропорта, колоритных пассажиров «АН-2», направляющихся из деревень «на города» и возвращающихся из городов в родные деревни, — и как итог: «Все очень будничпо. Но именно эта будничность и волнует: авиация вошла в быт».

Писатель-реалист, в совершенстве владеющий бытописательным рисунком, А. Яшин воссоздал в своем, как сказали бы в прошлом веке, «физиологическом очерке» предельно точную, почти документальную картину деревенской свадьбы, которая играется в условиях современной северной деревни, но еще во многом — по старинному обычаю. Повесть эта — художественный документ времени, свидетельствующий, сколь причудливо переплеталось еще два десятилетия назад в суземной, лесной глухомани старое и новое в быте деревни, как неудержимое движение действительности преобразило старые обычаи, весь прежний уклад крестьянской жизни.

Вникнем в вычеканенный писателем, непростой узор повести:

«Я уже не очень верил, что сохранилось что-нибудь от старинных свадебных обрядов, и потому не особенно рвался за тысячу верст киселя хлебать, когда получал время от времени приглашения на свадьбы»,— приступает А. Яшин к рассказу об этом событии в жизни племянницы Гали из далекой вологодской деревни, сразу же обнаруживая свой особый, писательский интерес к этому действу.

И, приехав в гости к родне, он первым делом подмечает, какова судьба старых обрядов и обычаев. Скажем, с тех пор как он не видел невесту, она не стала приглядней, осанистей или, как здесь говорят, становитей. А между тем в деревне своей Галя считалась одной из лучших невест. Почему? «Она из очень работящего рода, а уважение к такому наследству живет в крестьянах и поныне»,— поясняет А. Яшин, и по всему видно, что это нравится ему.

Галя работает на льнозаводе, там-то она и нашла своего жениха. «Шибко далеко! — горюет мать невесты Мария Герасимовна.— Сорок километров — шутка ли!»

«— Как будете свадьбу справлять — по-старинному или по-новому?» — спрашивает ее писатель.

«— Какое уж по-старинному, ничего, поди-ко, не выйдет,— отвечает Мария Герасимовна, — да и по-новому тоже не свадьба»,— заключает она и начинает рассказывать, как все должно быть, чтобы все по-хорошему...

«— А невеста плакать должна?

— В голос реветь должна, как же! Еще до приезда жениха соберутся подружки и начнут ее отпевать под гармошку, все-таки на чужую сторону уходит.

— Она же там работает три года?

— Мало ли что работает, а все чужая сторона. Да и заведено так: родной дом покидает.

— Не умею я реветь,— испуганно говорит Галя,— да и Петя не велел.

— Мало ли что не велел, а пореветь надо хоть немного....

— Не умею я реветь! — повторяет невеста».

Так с первых страниц этой документальной повести, где изменены лишь название деревни да имена, обнаруживается противоречие между самыми добрыми пожеланиями матери невесты («чтобы все было по-хорошему», то есть «по-старинному бы надо!») и реальной действительностью. Невеста уже три года как живет не дома, а на льнозаводе, там она выбрала себе жениха, и оплакивать свое замужество, на чем и построен свадебный обряд, ей не хочется, да и «Петя не велел».

Свадьба идет своим чередом и вроде бы по обычаю: играет гармонист, поют жалостливые частушки, вот только со слезами у Гали никак не получается.

Запросватали меня
И богу помолилися.
У меня на белый фартук
Слезы повалилися.

«Галя плакала плохо, вскрикивала фальшиво,— замечает писатель,— и тогда на выручку ей пришла молодица, жена брата», у которой слезы сами текут и голос подходящий. Дела пошли лучше, но для матери, Марии Герасимовны, «все было мало. Она привела причитальницу-плакальщицу, соседку Наталью Семеновну».

Наталья Семеновна одна на всю деревню все причеты, «кра́соту всю» помнит, то есть знает не только обряд, но и старинные свадебные песни.

Поскольку, как выяснилось, до прихода плакальщицы все шло неладно, никакой «кра́соты» на свадьбе не было, она-то и взяла далее дело в свои руки:

«— Может, кто подтянет? Или нет?

— Подтянем, — неуверенно отвечали ей. — Ты только запой.

Отходила я да отгуляла по шелко́вой траве,
И летом по шелко́вой траве, зимой по белому́ снегу...»

И хоть пела она протяжно и красиво, и, «казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели еще ярче»,— замечает писатель,— выяснилось, что «вряд ли хоть одна из девушек знала эти старинные свадебные причеты». А невеста, рассказывает он, просто забыла о себе, растерялась, столь необычными показались ей эти Натальины плачи. Да и сама Наталья Семеновна «увлеклась, распелась, а все нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым: нет-нет да и вставит какую-нибудь прозаическую фразу между строк. Кажется, свадьба эта воспринималась ею не всерьез, а лишь как игра, в которой ей, старой причи́тальнице и рассказчице, отведена главная роль».

Сетовать ли на это? Или попытаться понять, почему хоть и играется свадьба по старому обычаю, а всерьез этого никто — не только невеста или жених — даже плакальщица не принимает. Понять хотя бы ради того, чтобы отделить в обрядах и обычаях народных живую воду от мертвой, чтобы, прислушиваясь к естественному течению народной жизни, не уподобляться причитальницам и вопленицам по покойным, а хранить, оберегать и развивать в ней живое, органически вливающееся в сегодняшний день.

Ведь не по чьему-то злому наущению или указу исчезли из памяти народной, если иметь в виду молодое поколение крестьян, старинные свадебные причеты,— что-то изменилось, стало быть, в жизни, если современная невеста в деревне ли, в городе

ли не хочет горестно оплакивать свое замужество, по-старинному причитая. Изменилось прежде всего ее экономическое, социальное положение, равно как и нравственное, эстетическое чувство. Плохо это или хорошо?..

С абстрактно-эстетической, этнографической точки зрения, может быть, и плохо. Направляясь по морозцу, по лесной дороге на машине доигрывать свадьбу к жениху, А. Яшин, как он пишет, ехал и твердил про себя пушкинские строки: «Колокольчик однозвучный утомительно гремит». «До чего ж все-таки не хватает колокольчиков!»

А когда он уезжал в Москву, получил на прощание бесценные подарки: на чердаках и полатях, пишет он, «нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике.

Скоро таких не будет и на Севере: не на грузовики же, не на самосвалы же свадебные их навешивать!

Подарили мне также резную раскрашенную пряслицу столетней, по крайней мере, давности. Такие тоже, наверное, скоро исчезнут с лица земли... Еще молотило березовое — цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне также достать два заплечных пестеря из березового лыка.

С этими свадебными подарками я и вернулся в Москву. Один пестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию, другой — знакомому поэту в день его свадьбы и еще в придачу лапти собственного плетения.

Все раздарил. Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике.

Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют!» — завершает А. Яшин свой рассказ.

Вы ощущаете ту особенную природную яшинскую интонацию, ту затаенную яшинскую усмешку, с которой повествует он о своем возвращении «с трофеями» после свадьбы в Москву?

Ему, деревенскому человеку, конечно, близки и эстетика старинного обряда свадьбы, и звон колокольцев, и берестяная солоница, с которой он в молодости ходил на сенокос. Отлично знает он и цену северной резьбы по дереву, вышитых платов и вологодских кружев.

Но он помнит и другое: что в реальности стояло за горестными причетами, которые испокон веку пел русский народ на свадьбах; сколько труда и пота отпечаталось на этой отлакированной временем и руками крестьянок резной пряснице столетней давности, что означали в деревне лапти, которые Яшин сам умел плести и сам когда-то носил.

Сермяжная и лапотная Русь! Он ее и такую любил, но считал, что не сермягой и лаптями надо гордиться.

В «Вологодской свадьбе» представала суровая правда жизни северной деревни тех трудных для нее лет. Однако эта правда поверяется другой правдой — правдой того прошлого русской деревни, которое вовсе не было сплошным хороводом с песнями да плясками.

«— У тебя двое? — спрашивает мать невесты Марию Герасимовну.

— Двое осталось, девять было. Все умирали до году,— пожалобилась Мария Герасимовна.

— Отчего такое, жилось худо?

— Да нельзя сказать, что худо жилось. Только работала, себя не жалела. Ни одного ребенка до дому не донесла, то на поле родишь, то на пожне...

— И оба у тебя мелкие ростом, и Галя, и сын этот, Николай. Отчего такое?

— Поди, оттого и мелкие, — не обидевшись, ответила Мария Герасимовна,— что ни себя, ни их не жалела...»

Кто-кто, а уж Яшин-то, знавший не только все хорошее, но и все плохое и жестокое в прежней крестьянской жизни («Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работу в полную силу»,— напишет он впоследствии в автобиографии), как никто, отдавал отчет в реальных тяготах прежнего крестьянского быта, не отделял его эстетики от условий труда и жизни народа, которыми так сторонне восхищаются некоторые знатоки, и глубоко иронически относился к лапоткам в гостиной.

Он знал: да, за годы векового существования в русской деревне сложились своя духовная культура, бытовой, нравственный и эстетический уклад. В нем было много противоречивого, темного, заскорузлого, но было немало и прекрасного, светлого, была высокая поэзия, естественность, цельность, красота. Она жила и в народных обычаях, и в фольклоре, и в народном костюме (действительно, очень разнообразном по губерниям и народностям), и в художественных ремеслах.

Он также тревожился за уходящие, исчезающие ценности народной жизни, выработанные в вековечном общении человека с природой, землей.

И потому-то ему было «жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские,— писал он в «Угощаю рябиной»,— меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души.

Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное уча-

стие в ее трудах и преображениях делают человека проще, мягче и добрее. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека.

В общем, жаль мне своих детей, но я люблю их и потому не упускаю случая постоять перед ними за свою сельскую родословную, за своих отчичей и дедичей».

И в «Вологодской свадьбе», и в «Угощаю рябиной» А. Яшин, пожалуй, первым в нашей литературе поставил с такой остротой вопрос большого философского звучания: о противоречии между человеком и природой в век научно-технической революции, о путях разрешения этого противоречия. Вопрос этот многопланов. Очевидно, что с ускорением научно-технического прогресса все большее количество людей с неизбежностью будет отдаляться от природы — могучего духовного и эстетического врачевателя и воспитателя душ человеческих,— замыкаясь в искусственной, созданной человеком среде. И второй план проблемы: сам труд на земле, земледелие, крестьянствование все в большей мере будет приближаться в современных условиях к труду индустриальному. Как это скажется на душе земледельца, на красоте, поэзии земледельческого труда и быта?

Так что же — повернуть жизнь вспять, остановить, спасти?! Спасти, пока не поздно, прежний духовный и бытовой уклад деревенской жизни,— «остановись, мгновенье, ты прекрасно», коль скоро просуществовало на земле не один век?! В том-то и суть внутреннего спора А. Яшина с этой наивно-сентиментальной, а в конечном счете — консервативной точкой зрения, что, по его глубочайшему убеждению, старый уклад жизни родной ему сельщины был далеко не прекрасным, что остановить движение жизни невозможно, да и не нужно. Не вследствие, а от недостатка развития новых, социалистических начал страдало, на его взгляд, два десятилетия назад яшинское Блудново, вся наша северная деревня. Помните: «И — снова верится и чудится, что жизнь идет не стороною: когда-нибудь, наверно, сбудется все остальное».

Писатель, всем сердцем преданный народу, исповедующий правду как определяющий принцип художественного творчества, Яшин сердцем, совестью своей переживал те трудности деревни, которые были результатом волюнтаристских методов хозяйствования на земле. В 1963 году, год спустя после того, как было написано «В Блудново появилось радио...», А. Яшин пишет стихотворение «Желтые листья»:

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — местечка...
дорогу — логу...»
А сенокосы
по речке Козловке
снова
Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.

Его мучило это ненормальное, странное положение дел в деревне: «Веточный корм собирали молодки, бабки, вброд по озерам осоку серпами жали, травку таскали домой по охапке, по шапке... А заливные луга кругом стоят как стояли». И мука эта оборачивалась укором самому себе:

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

Гражданственность позиции писателя в этом угловатом, резком стихотворении объяснена с предельной ясностью. За этим пафосом — овечкинская традиция в нашей деревенской прозе, традиция активной борьбы литературы за прогрессивные принципы хозяйствования на земле, в данном случае — за последовательное осуществление принципа материальной заинтересованности.

Как известно, после мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) политика партии в деревне не только самым коренным образом устранила все те неурядицы, о которых писал А. Яшин, но и продвинула деревенскую жизнь далеко вперед. А. Яшин стремился принимать в этом личное, непосредственное гражданское участие.

Мало кто знает, что, описывая вологодскую свадьбу, проходившую в сумерки, в освещении пяти ламп — «две свои и три, взятые у соседей», — А. Яшин добивался, чтобы в его родные места провели электричество; что после опубликования «Вологодской свадьбы» по всем деревням округи начали строить — и уже выстроили — клубы; что теперь в Блудново, как и в других деревнях Никольского, Тарногского, Тотемского и других глухих районов Вологодской области, появилось уже не только радио и электричество, но и телевидение...

Любопытен ход мысли писателя: былые обычаи и обряды, утратив свою истовость и превратившись в своего рода самодея-

тельность, сохраняются в деревне потому, что в ней нет пока электричества, радио, клуба, библиотеки, кино; иными словами, они сохраняются в деревне, пока в нее не придет доподлинно новая культура, новая духовная жизнь.

Родная северная деревня бередит душу писателя вовсе не тем, что молодежь, к примеру, не знает протяжных свадебных причетов. И даже не тем, что уходят из обихода прясницы и канули в Лету беседы, где девушки, под песни и частушки, пряли лен,— хотя перемены эти для писателя, естественно, не остаются незамеченными и не оставляют его равнодушным. «Родные, знакомые с детства слова уходят из обихода,— с грустью свидетельствует поэт.— Сугревушка, фыпики — снегири, дежень, воркуны — вне закона. Слова исчезают, как пестери, как прясницы и верстена». Каково личное отношение А. Яшина к этому неминуемому — меняется, идет вперед жизнь — и грустному для него процессу?

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

(«Родные слова», 1962)

«Есть ли такие средства?»— вопрос предельной важности для Яшина. За счет чего и за счет кого можно удержать в жизни пестери, прясницы и веретена, выражающие многие уходящие из жизни явления? Можно ли удержать эти слова, если русский язык сегодня — «язык Луны и планет, наших спутников и ракет» (стихотворение «Русский язык»)?

Описывая жизнь деревни, он не проходит мимо открыток с корзинками аляповатых цветов и со смазливыми нарумяненными личиками в сердечках, с надписями: «Люби меня, как я тебя», «Помню о тебе» и т. д. А. Яшин не утаивает и грубости деревенских нравов, пьяного куража жениха, других местных «выпивох». Все это, конечно, далеко от благолепия в описании деревенской жизни. Но что поделаешь, как бы говорит А. Яшин, если она такая? И любит он ее, болеет сердцем — за такую. И страстно хочет, чтобы она стала иной.

Не Наталья Семеновна с ее старинными «волокнистыми» песнями и причетами, как говорится, положительный герой «Вологодской свадьбы». Но герой такой у Яшина в этом повествовании есть. Кто же? Народ? Да, народ. Только ведь проза, как и

«любой пир, — прежде всего люди (цитирую А. Яшина). Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру». И так же легко и свободно раскрываются они в подлинной, большой прозе.

«Среди мужчин на пиру очень скоро,— замечает А. Яшин,— объявляются типичные русские правдоискатели, ратующие за справедливость, за счастье для всех... Они обличают, разоблачают, требуют возмездия, протестуют и все время спрашивают: что делать? как быть? кто виноват?..» — с усмешкой повествует А. Яшин, готовя нас к встрече с таким именно характером, близким ему по духу, по натуре и по жизненной позиции.

Такой человек, любимый герой А. Яшина в «Вологодской свадьбе»,— шофер совхоза Василий Прокопьевич. Он — «бунтарь по натуре,— представляет его Яшин.— Он забывает про еду и пиво, как только начинает рассказывать о непорядках в лесу, при этом лицо его бледнеет, глаза блестят и требуют ответа сразу на все вопросы, какие ставит перед ним жизнь. А ездит он широко и знает много». И до всего ему есть дело. Притом человек этот из тех, кто к себе еще требовательней, чем к другим, и живет по совести. «Василия Прокопьевича ни в каком левачестве не заподозришь: не таков он человек, не тем живет, не о длинных рублях думает». И в требованиях своих он преследует отнюдь не личный, но — государственный, народный интерес.

«— А вот вы — директор,— напускается он на свадьбе на директора льнозавода.— Знаете ли вы, что у вас на льнозаводе делается? Знаете? Ваши приемщики колхозы грабят, номера тресты занижают...»

И завязывается острконфликтнейший разговор о делах нынешних — тресте, потом о запчастях,— в котором симпатия А. Яшина, да и поддержка райкома партии целиком и полностью на стороне Василия Прокопьевича.

«А с кухни снова зазвенел высокий нестарушечий голос Натальи Семеновны — и полилась песня про князьев да бояров»,— вдруг перебивает этот разговор о сегодняшней жизни явно ироническая ремарка.

По всему ходу повествования в «Вологодской свадьбе» видно: активной духовной жизнью, в авторском представлении, живет именно Василий Прокопьевич. Ибо активая духовная жизнь, в представлении А. Яшина,— производное от активности социального характера, от чувства гражданской ответственности, от богатства общественных связей личности с жизнью, с людьми. И хоть автор «Вологодской свадьбы» относится к любимому своему герою с доброй, неприметной иронической усмешкой, ха-

рактер этот — из тех, которым посвящено яшинское стихотворение «Век не тот». Стихотворение, написанное в том же, 1962 году, впрямую перекликается с «Вологодской свадьбой». Начинается оно так:

Тот же дом под старой крышей,
Под окошком тот же снег,
Так же много ребятишек,
То же поле,
Тот же век...

Все обычаи живучи.
Так же пышет печь теплом,
Так же сушатся онучи
На жерди перед челом...

Встреча с деревней живо напомнила поэту его деревенское детство и юность, которые пали на начало этого века — поэт родился в 1913 году.

Но, увидевшись впервые,
Мы с ровесником моим
Все проблемы мировые
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета
О последних новостях,
О космических ракетах,
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе
Ночь проспорим не одну
О Китае и о Кубе,
О Лумумбе и У Ну...

И как закономерный вывод из сказанного:

Те же избы,
Те же печи,
Так же полон рот забот,
Но совсем иные речи:
Век не тот,
Не тот народ!

«Не тот народ», — утверждает Александр Яшин и в своей «Вологодской свадьбе», когда невеста, устав от пьяного куража жениха, гневно бросает ему: «Ну, ладно, ты, Чапай... А только я больше тебя зарабатываю. Понял? Чего ломаешься-то?..»

«Что ж, для начала, пожалуй, неплохо! — подумал я, — пишет А. Яшин. — Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!»

Вот на каких путях искал Александр Яшин решения вопроса о нравственных ценностях русской деревни.

У Александра Яшина есть стихотворение «Гость» (1958), о том, как в родное село из столицы наведался «знатный земляк»:

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму.
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

В растерянности и испуге стоит у печурки оробевшая мать, взирая на важного сына:

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

Эту ситуацию мы предчувствуем, читая яшинскую повесть «Сирота», беспощадную в авторском отношении к мелкобуржуазному, собственническому сознанию, дотошную в исследовании сугубо современных путей удовлетворения социального эгоизма, по которым столь успешно шествует в повести ее герой — «сирота» Павел Мамыкин. «Этот своего не упустит, цепкий»,— определяет его председатель колхоза Прокофий Кузьмич, с малых лет готовя его для руководства».

«Руководить? К этому Павел готов был приобщиться хоть сейчас. Только почему в деревне? Ведь это значит — так и не выбиться в люди. Для чего же тогда учиться?..»

И вот здоровый, сильный и честный младший брат его Шурка постепенно втягивается в колхозную работу на положении взрослого и становится как бы главой семьи, а «Павла зимой дома нет, а летом он хоть и живет дома, но вроде как на курорте».

Так растет, эксплуатируя все и всех вокруг себя, кого только можно, современный «деловой» человек, по внутреннему строю — доподлинный стяжатель и кулак, искусно вписываясь в нашу жизнь, умело используя в своих личных, корыстных целях всевозможные блага и преимущества социализма. Только не надо его приписывать социализму. Социализм он умело использует для максимального удовлетворения могучего и древнего инстинкта собственности. В своей сатирической повести

«Сирота» А. Яшин доскопально исследует жизненные обстоятельства вызревания жестокого и бессердечного стяжателя, человека без сердца, чести и совести, которого в конце концов настигает заслуженное возмездие: «Шурка... не мог не ударить его, просто от одного отвращения. И он ударил его по лицу — раз, и два, и три... Бил его и приговаривал:

— У, гнида! Сирота казанская!.. Иждивенец!

Бил, пока Павел Иванович не заревел в голос».

Деревенская жизнь, древние традиции ее и по сей день формируют характеры разные: с одной стороны — Шурку Мамыкина, очень близкого по духу Михаилу Пряслину из романов Ф. Абрамова, а с другой стороны — Павла Ма́мыкина, этого «иждивенца» и «сироту казанскую».

И более общий вопрос о взаимоотношении человека с природой решал он также не с сентиментально-патриархального кондачка. «...в будущем... должна наступить гармония между городом и лесом»,— отвечает на свою тоску по природе один из героев рассказа «Угощаю рябиной», как бы предвосхищая наши сегодняшние разговоры о том, что нам надо учиться полностью осваивать преимущества социализма в условиях научно-технической революции.

А. Яшин был предельно целомудрен и чист в этой своей любви к малой и большой родине, к своему Бобришному Угору в России и, как истинно русский человек, вовсе не навязчив в своей любви.

Он мог, как рассказчик, улыбнуться забавной обстоятельности и отчужденности вопросов городского собеседника о той же рябине, которой он всех угощал,— и тут же устыдиться: «Но вправе ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого свой круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково важный и нужный, чтобы и он смотрел на мою рябину так же, как я на нее смотрю? Не было у меня такого права. Значит, неуместна была и моя ирония».

Будучи глубоко национальным художником, А. Яшин отвергал любое доктринерство в понимании народа и народности.

Знаменателен его ответ на анкету «Дня поэзии» о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее:

«Так вот насчет народности и традиций в поэзии. Оглядываясь назад, я думаю о том, что мы неправомерно много тратим времени на ненужные хлопоты...»

Охарактеризовав эти «хлопоты», поставив в их ряд прежде всего «всяческие якобы теоретические изыскания и разговоры

о сущности поэзии, путях ее развития, о традициях и народности», А. Яшин продолжал: «Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее,— правдивее, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной».

Феликс Кузнецов

НЕМНОГО О СЕБЕ

Родился я в 1913 году в деревне Блудново, Никольского района, Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работу в полную силу.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас.

Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники.

К северу от Вологды что ни район, то свой, особый говорок.

Поныне живет в наших местах неистребимая любовь к былинам и сказкам. В полях, на дальних сенокосах, в охотничьих избушках и на лесосплаве — нигде отдых не проходит без сказок.

Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи скла-

дывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсеню-батрака», про то, как он «за осьминку табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсеню-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Печатать мои стихотворения начали в 1928—1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга — «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании семилетки и Никольского педтехникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы. В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей — я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора — процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике стихов молодого поэта до появления его первой книги. А на поверку нередко оказывается, что эта первая книга — лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие.

После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках — Волго-Доне, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Был на целинных землях Алтая, учился на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации сельского хозяйства. Кое-что из пережитого нашло свое отражение в стихах.

Для писателя естественно желание видеть как можно больше, всегда быть вместе с народом и в меру сил содействовать его великим свершениям.

Александр Яшин

1958

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИСКАЗКИ

1931—1940

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой проточной бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены,
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот... [1]
Пусть припомнит, как поýтру по росе
Мы с ней путали-мотали валансьен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.

---

[1] Названия вологодских кружевных изделий. *(Примеч. А. Яшина.)*

И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не по́хвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря, воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
У Насти,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру — салют!»
Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

ЛЕНОК

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец.
Уж я сеяла лен-долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями — в лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок,
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилек,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Все как сон — не проснешься никак...

Нет,
Было так!

Выспели да выстоялись золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

Лен заводу сдали,
И в конце зимы

Ткани из Красавина получили мы,
Шитые обновы —
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берет мороз.
А какие шали —
Жарки и легки!
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931—1935

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ [1]

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговки в ряд,
Цветики на ковте...
Добёр наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумёт,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся, на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью стать,

[1] При чтении акцентируется «в». Звука «ф» в стихотворении нет — особенность произношения в некоторых районах Севера. *(Примеч. А. Яшина.)*

С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

ОЛЕНА

Что ни праздник,— на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выряжены,
Парни с ними выдержанны.
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян —
И Олена пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядней, краше.
Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шелковые кисти.
Поглядишь — горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: — Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то,— говорит,—
Знать, мамашин!

Достоянье старины,
Бисер-жито.
Старый Север! — говорит,—
Интересный,— говорит,—
Пережиток.

А ему Олена прямо
И сердито:
— Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаком наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?! —

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олена нарядна!

1936

•

> «А и где мне спелых зернышек
> Весной набрать?
> А и где найти мне, девушке,
> Душевных слов...»

Сло́ва-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось,
Чтоб любого проняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой?
Ягодой?
Ласково, но только
Не такое надо бы.

Долей облюбованной?
Светиком?
Касатиком?
Тоже не по-новому,
Не его касательно.

Дролечкой?
Державушкой?
Золотком? Все дешево:
Не такая славушка
У мово хорошего.

Девушек поспрашивать бы,—
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых,

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому́ желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться,
И слова заветные,
Может, сами скажутся.

1936

●

Шла я нынче за́имкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь заинька
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Хоть и непонятные,
Но уж так красивы...
Слушала да пятилась
Свету не гасила.

Я сноровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

•

У ворот в цветах и лентах лошадь.
Заждались девчата за избой.
Ты бы взял гармонику, Алеша,
Ту, что с зеркалами и резьбой,

Ту, с которой на море не зябли,—
Шумную,
В четырнадцать басов.
Мы возьмем твои топор и грабли
И поклажу заберем без слов.

Отвалили бы да затянули:
«Партизаны брали города»,—
Травы бы колени подогнули,
Хлынула бы на берег вода,

И березовое мелколесье
Зацвело б, как яблоневый сад...

Захвати с собой, Алеша, песню,
Чтобы сердцу подпевала в лад.

1936

ТУЧА

Издалекá,
Томясь от слезной муки,
Играя снежной белизной плеча,
Заламывая молнии,
Как руки,
Тень, будто шаль,
По травам волоча,
Она плыла.

Весь мир припал и замер,
Истосковавшись, ждал:
Придет гроза.
Глядело жито желтыми глазами
В ее большие влажные глаза.

Ничто вокруг не вызвало тревоги.
Пред тучей полдень побледнел и смерк.
Вились воронки ветра на дороге,
Несмелые,
И поднимались вверх.

Вдруг раскололо воздух черным громом,
И хлынули свистящие клинки.
В полях осталась смятая солома,
В садах продрогших —
Яблонь костяки.

1936

ВДОВА

Матери моей

— Ох, не тень от тучи на луга легла,
Да не черный ворон на пень-колоду сел,—
Опустилось на мою на бедную голову
Горе великое, печаль-кручина.
Я возьму своих малых деток-сироток,
Я пойду, поведу их в широкое поле,
Я посею в поле свое вдовье горе.
Поливайте, детки, землю слезами!
Пусть взойдет наше горе черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью.

То ли случилось что,
То ль на обед
Вышли соседи,—
А было не рано,—
Страшно ей стало:
Ветер в трубе,
Пусто и холодно,
Словно в избе
Вымораживают тараканов.

Кукла безносая на полу,
Веник что труп,
И печка не греет.
В красном,

Рубленном в лапу, углу
Хозяин семьи лежит
Коченеет.

— Не пойти ли мне, горюшице, по сырой
земле,
По сырой земле да из края в край,
Ох, из края в край да от окна к окну?..
Да не от вдовьих ли слез мать-земля сыра?
Не от слез ли горька на лугах трава?
Ох, сыра земля да от вдовьих слез.
От сиротских слез мурава горька.

А стекаются слезы со всей земли
В речки малые да в реченьки быстрые,
И сливаются слезы во Двину-реку,
И впадают те слезы в море Белое,
В океаново море глубокое.
Где впадают, там не мерзнет вода,
Корабли ходят там целый круглый год
По соленым вдовьим да по сиротским слезам.

А на дворе снаряжали коней
И в лес за пихтой,
И на кладбище.
Пять заправил, колхозных парней,
Молча сколачивали домовище.

Бабы ухаживали за скотом
И видели в окна:
Авдотья рыдает,
Воздух хватает запавшим ртом,
Злое соленое горе глотает.

— Ночь надвигается...
Как я теперь...
Ставни б захлопнуть.—
Да в голос...
Да в слезы...

Пол даже стонет,
Дверь стонет...

В дверь
Входит с соседями предколхоза.

— Вы соседи мои, соседушки,
Не о горе ли моем вспомнили?
Закатилося солнце ясное —
На земле не стало света-пламени.
Мой хозяин-заступник покинул меня —
Все добро мое и всю жизнь унес.
Мне от вас ничего не надобно
И просить мне у вас больше нечего.
Расколись, земля, пересохни, река!
Не пахать мне, не сеять и воду не пить.

А председатель усом шевелит,
Брови старается сжать построже,
Но не идет к нему хмурый вид:
Трудную жизнь председатель прожил.

— Авдотья Григорьевна, не реви,
Авдотья Григорьевна,
Мы поможем.

Взгляд подняла, безутешный взгляд.
— Где ребятишки? — спросила глухо.
— Старших отправили в детский сад,
Младший сидит у моей старухи.

Ты не одна, говорю,
Не реви!
Трав мы не ниже,
Воды не тише.
Хватит у нас отцовской любви
Не на один пяток ребятишек!

— Плачешь, Овдотьюшка?! —
Деверь вошел,—
Полно!..
Сейчас соберутся бабы,
Избу помоют
И что там еще...
А ты на чаишко ко мне зашла бы.

Много ль усопшему надо земли?
Много ли в горе участья надо?..

Смотрит Авдотья — свои собрались,
Свои по селу,
Свои по бригаде.

Словно б от сердца и отлегло.
Вышли на улицу.
В облаке пыли
Голубь бродил, приспустив крыло,
Шли по деревне автомобили.

1936—1937

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врывается шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мертвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Как будто разгадка уже близка:
Вот, кажется, несколько солнечных линий —
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке вздохнут берега, расступаясь,
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна,
Журча, как живая...

Но краски не светятся, память молчит,
И время с утра уходит без проку.

А в роще по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом,

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари,
Так сияет улыбка сына,

Так дерево крепнет от вешних смол,
Поля молодеют, дождями омыты...

«Нашел! За палитру, за кисти!..
Нашел!»

И хорошо, что окна открыты.

1936—1937

МЕТА

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
Ножиком на елочке
Памятку оставил мне.

— Зарастет,— сказал он мне,—
Штормы не помилуют:
Не прийти мне к гавани,
Не увидеть милую.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я:
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.
Море океаново,
Даль-дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит?
Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А пе видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу елочку?!

1936—1937

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черемухе солнце засветилось.
Только на березе ни одной единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменных,
Склеенных и связанных...
Каждое — подарок...

Мне одной ни писем, никаких открыток.
Неоткуда, не от кого...
Ветер веет пылью.
Выйду за околицу — все вокруг покрыто
Горькою полынью, черной чернобылью.

1937

•

Лишь вековые
В самое небо
Сосны вошли, все его заполнив.

Лишь к вековым
На зеленый гребень
Соколом солнце садится в полдень.

Только в бескрайней облачной шири
Молнии воздух стригут и режут.
Только на самой горной вершине
Носится ветер
Веселый, свежий.

Только в вершинах, не увядая,
Жизнь все устои крушит и ломит...
И, расправляясь, сосна молодая
Тянется
К солнцу, к дождям и грому,

Чтоб ощутить полноту небывалой
Свежести жизни
В грозовой сини...
И если упасть,
То горным обвалом
Неистощимой жизненной силы.

1937

ОЖИДАНИЕ

Спи, не тревожься, на зорьке разбудят.
Я продежурю ночь до конца.
...Мальчик иль девочка это будет?
В мать ли пойдет
Иль будет в отца?..

Спи!.. А какое бы выдумать имя —
Новое, светлое?..
Бьют часы.
...Сын или дочь — одинаково примем.
Думаю, все-таки будет сын.

Звездным сиянием, лунной порошей
Полночь лежит у резного крыльца.
...В мать ли, в отца ли — будет хорошим.
Все-таки, думаю, будет в отца!

1937

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Всю ночь под окном провода гудят,
Шумно вздыхает ель,
И каплет с крыши, тоску наводя,
Чертова канитель.

Водой набухая, киснет земля,
Как тесто в квашне, шипит.
Раздвинулись вширь пустые поля,
Кругом не стерня — шипы.

Полдень, а будто не рассвело.
Будет ли он, рассвет?
В небе серо,
На земле голо,
Тени намека нет.

Выйдешь — озноб проберет до пят.
Каплет...
И так везде.
Не от того ли и зубы болят
Осенью у людей?

Не потому ли столько друзей,
Робких еще ребят,
Женятся осенью в дни дождей:
Капли гранит долбят.

Знать, от судьбы не уйти и мне:
Смыты водой мосты,
Только и света в твоем окне,
Радостей — только ты.

1938

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома,
Широкоплечий, страшен был,
Он у врага в дому, как дома,
Закинув голову, ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из такого из большого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят.
Умру — и ей в моем дому
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей,
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу...
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

1939

•

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугун не отстучали
С каланчи, знакомой искони,—
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на рóсстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

Как решетка, тын стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Все порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937—1939

НЕВЕСТА

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке,
Хоть лопатой ягоды греби.

Все под окнами, с деревней рядом.
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада —
Проводила молодость свою.

Но вокруг на сотню верст и дале
Ни избы — осина да ольха,
И в колхозе многие вздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?

Год проходит,
Наступает новый —
Ей одной как будто ни к чему.

Все тоскуют — ей и горя мало,
Не упала ни одна слеза.
До зари бригаду поднимала,
На кофейной гуще не гадала...

Но пришла пора...
И к ней в леса
Стали заявляться издалека
Молодец знатнее молодца.
Будто всё проездом, ненароком
Останавливались у крыльца.

Ни забот невесте, ни печали —
Выбирай любого жениха...
Но опять колхозники вздыхали:
С молодыми долго ль до греха!

И опять судили да рядили,—
От забот старушки без ума,
Словно сами замуж выходили...

Только на нее не угодили:
В Вологду ль, в Москву ль — не уследили —
Отбыла за суженым сама.

1939

СВАТОВСТВО

С. В. Щириной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят,
Балагурят,
Подбираются к одной.

Все хлопочут об одной,
Об Алене Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Говорили:
— Девка — бой!

В стольной Вологде и дале
Фомину Алену знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхоз одна была.
Невеселые дела:
Положенье — к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявилось все селенье.
Председатель изнемог:
Гомон, крики...
Что звонок! —
Колокол бы не помог...

Бахтюковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат,
Хоть кого перекричат.
Каблуками о пол бьют.
Сватам ходу не дают.

«Чтобы нашу-то Аленку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ,
Всем укажем поворот!
Обобрать решили нас?
Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...»

А сваты и в ус не дуют:
— Увезем — и кончен сказ!

Мол, самою Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело.
Тени пали у крыльца,—
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель воровато
Стороной от сватов-хватов,
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,
Сам отправился к невесте:
Дела этого по чести
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина хлебает чай.
— Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном!
Без тебя и свет не в свет —
Замуж нам тебя, Алена,
Выдавать расчета нет!

Фомина глядит серьезно,
Достает платочек звездный
И помахивает им:
«Что ж, пока еще не поздно
Я не прочь — поговорим.
Может быть, каким советом
Помогу тебе,
Но, чур,—
Мне по нраву парень этот,
Ни за что сама на свете
С ним расстаться не хочу.

Сделай так, как научу.

*

За деревней, над прудом
В две недели вырос дом,
Широченный, пятистенный —
Восемь окон,

Две избы —
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

Днем на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.
А под вечер
На закате,
Кто в телеге, кто верхом,
Наши сваты —
Тоже хваты! —
Подались за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи,—
Дел в артели — за глаза...

Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру,—
Лучшей не видано
Во всем бору.

Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,

Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь все для соленья
И все для варенья—
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя—
Ешь не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы —
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое, желтое темя,
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалишься, будто мертвый, без слов,

А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ЖЕЛЕЗНЫЕ БАЛКИ

Устал или болен, не знаю,
но трудно,
трудно дышать, не закрыв глаза:
яркие краски душу таранят,
песни любимые надоели,
встречи с любимой не веселят.

Глаза закрою — изводит грохот,
он нарастает со всех сторон,
кажется, взяли тебя с постели,
словно цыпленка из-под наседки,
и просто швырнули на тротуар.

А то еще хуже, еще нелепей:
вообразится вдруг, что в окно
с улицы, с ходу,
гремя на стыках,
стекла дробя,
не один — с прицепом
прямо в комнату прет трамвай.

Нет,
не житье в коммунальной квартире,—
странно, что так назвали ее,—
свары, наветы...
И это коммуна?
До полуночи ругань на кухне,
и за столом мне покоя нет.

Голову ломит,
дрожат колени,
если бы мне побыть одному:

выключить радио на неделю,
дверь — на крючок,
на двери — записку:
«Выбыл...» —
и жить, как барсук в норе.

...Полноте, что со мною случится!
Нет ни безверия, ни обид,
даже не болен,
устал — и только,
как устают железные балки
от беспрерывного топота ног.

1939

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

1

Мороз расписал оконные стекла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусной работой поблекла
Резьба по кости, по берёсте резьба.

На темном стекле, что на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти вглядись.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угоре,
Четыре березы под самым окном,

Грустишь, что навек расстался с любимой,—
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она ощутимой и зримой.
А ветер, а вьюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной ее.

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша стою перед ним...
Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

2

Нам бы жить с тобой до седин
Где-нибудь в бору на юру,
На медведя один на один
С топором ходить поутру;

Иль, потуже стянув пояса,
Молотами пудовыми бить;
На плечах поднимать леса;
Нам бы лес вековой рубить,

Так земны мы и широки,
Ладно скроены да крепки.
Наши плечи что косяки,
Что булыжники кулаки.

Для чего ж нам сила дана?
Мы затворниками живем —
Дым столбом,
И ночи без сна...
А еще говорят: поём!

Выйти легкие освежить,
Спину выпрямить недосуг...
Но гляжу на тебя, мой друг:
Разве можно иными быть?

Пробиваясь сквозь штормы, лед,
Чтоб открыть хоть клочок земли,
Хоть вершок —
Ледокол и тот
Иногда ломает рули.

Нет, не лишнее для певца —
Плечи грузчика, грудь бойца.
Хорошо с любой стороны,
Что такими мы рождены.

1939

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Думаю: вождь, а пуговки нет!..
Я отпороть от жакетки решила
И толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

За полночь все распрощались с ним,
Пуговки Ленин моей не заметил,
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...
Сердце мое забилось,

Остановилась сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало!

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал...
А пуговка-то моя пришита!

1939

АВДОТЬЮШКА

Ночь темна и звездами богата,
За селом опять костер горит:
Рожь — в сусеках, яровина сжата,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Рано спать Авдотьюшка ложится,
Только смеркнет над деревней свет.
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодежь танцует, веселится...
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району варят пиво.
Друг у друга девушки гостят.
Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка нарастяг.

Ничего Авдотьюшка не знала.
Обряжала не свои дворы,
Столько горюшка изгоревала,
Что хватило б на десятерых.

Не любилось, даже не плясалось...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да, чтоб все вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
«Попойте малость,
Ожила Авдотья — шире круг!»

Вот она какая на народе!..
Но былую не воротишь стать.
И болит спина — опять к погоде...

А девчата ходят в хороводе —
Никакой погоде не унять.

1939—1940

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношеный.

Шел и думал:
«Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...»
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милóго заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На́ берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

СКАЗОЧНИЦА

До глубокой старости
Дожила сердешная —
Не видала радостей;
Душу сказкой тешила.

Сказки полуночные,
Времена досельные...

...Реченьки молочные,
Берега кисельные.

Запасаясь на годы,
Из лесов низинами
Носят чудо-ягоды
Полными корзинами.

За горами-кручами
В старости не старятся,
На пески сыпучие
С неба звезды валятся.

Есть в стеклянной будочке
Золотые бабочки.
На хрустальном блюдечке
Наливные яблочки.

Эта всяка всячина,
Самобранки-скатерти
На замки висячие,
На запоры заперты.

И хранят их черные
Силы несусветные...

Есть ли тропки торные
В те края заветные?..

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

В ноченьку кромешную
Убивалась старая:
«Приюти мя, грешную,
Господи, устала я.

Оборви постылую
Жизнь.
Желаю малого...»
И господь могилою
Бедную пожаловал.

Гроб сосновый сделали,
В лес дремучий вывезли,
Под березы белые
Крест сосновый вынесли.

Смертыньки выпрашивала,
Чтоб спастись от бремени...

Дожила б до нашего
Золотого времени!

Новыми бы сказками —
Не про ведьм и лешего,
Новыми побасками
Ты внучат потешила.

1938—1940

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Елене Первенцевой

1

Как целина в цветах весны,
Как берег моря в белой пене,—
Все адреса земли полны
Моими письмами к Елене.

Пусть эти письма не дойдут —
Ты все равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

1936

2

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины —
Берега кипят,
И вода шестибалльного роста
Обдает с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,
Свет морской пронижет все тело,
Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
Или радостный — не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума
Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала,
Ни в пади

Вологодских трущоб —
Никуда!

Так — от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936

3

Ласточка, от ястреба спасаясь,
Занеслась неведомо куда,
И, со свистом воздух рассекая,
Целый день вилась над полем стая,
Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
Ночь настанет — ласточка одна.
Землю обволакивает сырость,
Черных туч кругом нагромоздилось...
Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
Только в небе ласточки снуют...

А в каком краю моя родная?
Где ты, маленькая, молодая,
Преклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору?
Грянет гром над лесом,
Хлынет дождь...
Не метнулась бы в чужую пору.
Почему моя тебе не впору?
Разве я на ястреба похож?

Сумерки.
Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

1939

4

День ли, ночь ли — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить о том,
Как она доверчиво любила,
Осуждала и боготворила,
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль?
Дверь не закрывать.

1935

5

Пусть не пишешь, запираешь двери,
Принимаешь к сердцу чью-то ложь,
Все равно мы встретимся, я верю:
Волны, схлынув, вновь идут на берег,
Первую любовь не изживешь.

С детства, с парты школьной мне знакома,
Радостью взлелеяна одной,
Не оставишь, не уйдешь к другому:
Где бы ты ни ездила —
Ты дома,
С кем бы ни ходила —
Ты со мной.

1935

6

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укроюсь —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может,—
Так грозовые облака
На кудри темные похожи;

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молнии по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

1938

7

Никогда не поздно встретиться,
Был бы только разговор...
Где теперь моя ровесница,
У каких озер и гор?

По лесам-полям скитаешься,
Чемоданчик — весь багаж.
Отчего не догадаешься,
Вести сердцу не подашь?

Неужель и в пору темную,
В тишине,
Наедине
Хоть разок меня не вспомнила,
Не вздохнула обо мне?

1937—1938

8

Тяжело остаться одному.
Столько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1939

ЛИСИЦА

Черно-серебряная лисица
Из приуральских степей,
Мне неспокойно спится —
Думаю о тебе.

Строгая твоя поступь,
Черные твои глаза...
Что я скажу тебе?
Просто:
Мне без тебя нельзя.

Хвастался раньше охотно,
Сжав пятерню на груди,
Я ли, мол, не охотник —
Лучше не подходи!

И — не знаком со страхом,
И — семерых побивахом,
Выстрелам несть числа...
Встретил тебя —
И прахом
Выправка вся пошла.

Сразу угрюм, неловок
Стал краснобай-зверолов:
Не до хвальбы зверолову,
Не до красивых слов.

В темную ночь не спится.
Думаю о тебе:
Ходишь, моя лисица,
Не по моей тропе.

1940

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен,
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

— Ах,— говорит,— до чего ж он мил!
(И зверолов глаза опустил.)
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес.

Рыжий чуть слышно гудит:
— Ага! —
Роет песок носком сапога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу!

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам сызмалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой,
Не подведу вас, не осрамлюсь!..—
Парень, потупясь, мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы звенят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жмется, краснеет средь бела дня.

— Что вам бояться?
Такой большой!
Ну, поведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелю...
Может быть, там я вас полюблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи;
В чащу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
— Не трусь!..

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь,— они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.

За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилася росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираяся на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло быльем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру,—
Носа не просунуть комару.

*

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных
Окуренные на века в овинах
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи,—
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде —
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937—1939

ЗАЩИТНИКИ

1941—1944

БАЛТИКА

•

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал,—
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже.
Переношу тяжелый путь,—
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой — удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ПОЛЕ

О, поле, поле!..
Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы,
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая пóтом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
До холодов утеплять дома!..

И здесь чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг, не робей, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни па шаг!

В Москве недостроены корпуса;
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За эти березовые леса,
За нашу свободу,
За свой народ.

Фашисты любят брать на испуг —
Стреляют не целясь, ползут в дыму...
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча укладывай по одному!

А доведется — на штык бери,
Пусть видят, от чьих умирают рук!

Ах, до чего разошлись глухари!..
Воп враг опять...
Приготовься, друг!

1941

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока

Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темно-зеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады.
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь глухую —
Беззвездным, безлунным,
В полдень — знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

ТЕТЕРЕВА

Однажды грохот орудийный стих,
И вот в прозрачной с изморозью дали
За озером, в березняках густых
Тетерева, как встарь, затоковали.

Немудрые гортанные лады,
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов, и бульканье воды,
И голубей домашних воркованье.

Во мне охотник устоять не мог:
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел, а с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам, по листопадной прели
С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, зовущей цели.

Казалось, только обогну кусты —
И над поляной средь верхушек рыжих
Развернутые черные хвосты
Тетеревов токующих увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость.
Условные сигналы?..
Вся окрестность
Как в заговор какой вовлечена.

Ползу вперед. И вот у цели я.
Раздвинулась от выстрела опушка,
И с елки, снаряжением звеня,
Свалилась в мох фашистская
«кукушка».

1941

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Крича, строча из автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк бил из пушки, пулемета,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже,—
Затихнув, бивень опустил.
Его пленили с экипажем
И в штаб решили отвести.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,
Он заревел, что было силы,
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?

Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгремев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим — он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол,—
Он сам уже врага повел! —
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

ЛЫЖИ

Шумною, драчливою ватагой
Мы носились, чуть забрезжит свет,
На отцовских лыжах по оврагам —
Пареньки четырнадцати лет.

Зыбились глубокие снега,
Задубевшие ремни скрипели.
Мы бежали от пурги-метели
В лес густой, за дальние лога.

Разводили под горой костры
И, раскинув руки, пригибаясь,
Прямо через полымя
С горы
Прыгали, визжа и задыхаясь.

Озорством, забавою тогда
Нам самим все это представлялось.
Нам казалось: пролетят года,
Подрастем, остепенимся малость

И забросим лыжи па чердак,
Позабудем, как они скрипели...
Но года прошли, а мы никак
С лыжами расстаться не хотели.

В боевые, в нынешние дни
Мы их приравняли к пулемету,
Чтоб несли военную работу,—
Очень пригодились нам они.

Все нам служит: стужа и снега.
К паре лыж «максимку» приторочив,
Мы уходим ночью в тыл врага
По путям, которых нет короче.

Дуют ветры на исходе дня,
Лица полыхают на морозе.
Раненых друзей из-под огня
Мы на лыжах бережно вывозим.

Где и вездеходам не пройти —
Рвы, заносы белые по пояс —
Становись на лыжи и лети
За поземкой следом хоть па полюс.

Неустанны, на ногу легки,
Проходя по фронту шагом полным,
Мы и в снежном поле — моряки,
Ведь сугробы снега — те же волны.

1941

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель
Матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель
И шатер — моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть,—
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

ЗЕМЛЯНКА

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты, чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи, и ни дня
Без тревоги, без огня.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой,
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем,
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин,—
Дескать, милости прошу!

— Милости прошу гостей.
Живы и здоровы?
Нет ли свежих новостей,
Сообщений новых?

Нет ли, словом,
                    про войну
Под Ростовом-
                    на-Дону?

Озираемся, присели.
Что за терем в самом деле!
Просто — мирный уголок.
Пол из досок, ровен
И промыт,
А потолок
В три наката бревен:
Хоть громи прямой наводкой,
Не пробьешь вовеки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз: печка, два котла,
Кот сибирский у стола,
Умывальник в уголку
Полотенце на крюку

И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Кубрик светел, как поднос,
Весь зашит в зеленый тес.
Со стены оглашено:
«Здесь курить воспрещено!»

Есть прибор для туалета —
Чашечка лучистая.
Вместо скатерти — газета,
Но газета чистая,

Не беда, что каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец,—
Нет цены землянке.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
— Превосходная квартира!
А на сколько ж зим и лет?

Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки.
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

Может, солнце на восход —
И покинем этот дот:
Пусть играют в нем ребята,
Ну, а мы пойдем вперед.

Тяжело, но выстоим.
А фашистов выставим
Да возьмемся за работу —
Мы такое выстроим!..

1941

НАШИ НЕЛАДЫ

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

Стали мы вдвойне любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины.

На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе:
Все в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942

●

Опять о далекой милой,
О первой затосковал.
Не с нею ли счастье было?
Но что я в нем понимал!
Куда подать телеграмму?
Как сердце унять свое?..
Назвал навсегда любимой,
Когда потерял ее.

Вторая, как непогода,
В мой дом, в мою жизнь вошла.
Я все без оглядки отдал.
А что она отдала?

Я в душу ее чужую
Не смог заронить огня.
И, может, затем тоскую,
Что в грош не ставит меня.

1942

*

Как мало мы дорожили счастьем:
Не все понимали,— не берегли,
Не представляли, какие напасти
Придут на порог родимой земли.

Казалось, вовек не потухнут зори,
Нельзя изменить распорядок дня:
Пиджак не разглажен — с женою в ссоре,
В кино опоздаем — на сутки горе,
Не спим, если в спальне много огня.

Война, гремя, пришла к изголовью.
Теперь мы не в школе учимся жить,
Задачи решаем не мелом — кровью,
С лицом в пыли, с рассеченной бровью
Ломаем немецкие рубежи.

Любимая! Кончим поход, вернемся,
Как заспешим у родных дверей,
Как улыбнемся да засмеемся,
Обнимем заплаканных матерей...

Увижу зеленый куст на обрыве,
Обрадуюсь:
— Как хорошо растет! —
Узнаю сосну на высокой гриве,
Дивиться начну:
— Не найти красивей! —
И вновь незлобивым детством пахнет.

На круглых кустах раскинуты сети...
Припомню, что здесь я когда-то шел.
Как мог не заметить, что ветви эти,
Песчаные кручи, и этот ветер,
И все на свете так хорошо?!

1942

ВОЛГА

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили,—
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

1942

ЭТО БЫЛО НА ВОЛГЕ

Это было на Волге, на великой русской реке.
Немцы с берега, с кручи подбили наш бронекатер,
И его по течению к вражеским рубежам
Понесло, колыхая, как раненого баклана.

А чудес не бывает даже среди моряков.
В Волгу вытек бензин, вода заливала отсеки,
Остывали моторы, как стынут в степях мертвецы,
И река вспять не шла.
Надвигался вражеский берег.

Это было на Волге, не на́ море — на реке,
Но морские законы живут и на пресных водах.
Людям в черных бушлатах даны большие сердца,
Нерушима вовеки матросская ратная дружба.

Пусть враги не ликуют!
На выручку кораблю,
Развернувшись, пошел в огонь другой бронекатер.
Сверху ринулся он, как дельфин, разбивая волну,—
Волжским танком прозвали его бойцы Сталинграда.

Никогда не забудется эта свистящая ночь:
Бронебойные пули летели над головами,
От разрывов вокруг
В рубке было светло как днем.
Командир курил давно не дымившую трубку.

Это было на Волге, на великой русской реке.
Задний ход под обстрелом для всех одинаково страшен.
Дали задний матросы, когда перебило буксир,
Второпях своим телом пробоины закрывали.

Пусть услышат меня наши жены и сыновья,
Пусть всплакнут наши матери, гордые нашей славой,
Пусть поймут дорогие, на чем мы держались, когда
Снова лопнул буксир и концы погрузились в воду.

Командир бронекатера встал во весь рост на корме.
Трижды рвался буксир и четырежды пятился катер,
Волны били в борта и откатывались, удивлены
Силой раненых наших, которые не стонали.

Это было на Волге, на великой русской реке.

1942

ФЛАГ

Шел бронекатер под огнем
К высотам Сталинграда,
Был перебит флагшток на нем
Осколками снаряда.

На миг взметнувшись над рекой,
В пучине отраженный,
Свалился в воду флаг морской.
Так падает, взмахнув рукой,
Боец, огнем сраженный.

Мелькнула в пене на волне
Полоска голубая,
Мелькнула звездочка над ней
И смеркла, уплывая.

Но снова вспенилась волна:
Бушлат на рубку кинув,
С кормы метнулся старшина
За флагом вслед, в пучину.

Он плыл, скрываясь с головой,
Расталкивая льдины.
Ложились пули вкруг него
И разрывались мины.

С огнем и бурною водой
Он бился зло и долго.
И вновь поднялся флаг морской
Над катером, над Волгой.

Флаг трепетал, дымком повит,
И звал: «Назад ни шагу!»
Он не запятнан, он пробит —
Тем больше чести флагу.

1942

КОНТР-АДМИРАЛ

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга — море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
За полночь мина борт пробила,
Через пробоины забила
В отсеки жирная вода.

Седой, в очках контр-адмирал
У щели смотровой стоял;
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

В протоки набивался лед
Сплошною серою громадой,—
Он говорил одно:
— Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда.—
И катер находил проход.

Враг вылез из прибрежных нор.
Контр-адмиралу доложили,
Что снова немцы борт пробили,
Из строя выведен мотор;

Что в днище два фонтана бьет,
Воды по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...
Контр-адмирал сказал:
— Вперед!
К рассвету фронт снарядов ждет,
Пробьемся на одном моторе.

Всему на свете вопреки
Шел катер,
Шел в изгиб реки
Сквозь лед, свинец, в огне орудий...
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда —
Стучали в борт, что град по крыше,
Лишь рубка — крепость,
Лишь туда
Не проникала смерть...
Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел,

И вот на срезе — на краю —
Его увидели
Большого,
Давно знакомого, родного.
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.

Кто на ходу ни кинет взгляд —
Всем кажется: опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка и бушлат,
И за плечами ленты реют...

И вот он — дымный Сталинград.
Причал,
И ветлы зеленеют.

1942

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посылает милый телеграммы:
    «Помни тчк люби меня
    зпт приезд не за горами».

Не успею разобрать одну —
Посылает срочную другую:
    «Жив здоров любимую жену
    обнимаю зпт целую».

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк?..— наверно, про войну.
Зпт?..— убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учен.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму вот не понимаю!

Подаю последнюю ему.
Прочитал старик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует — каждый разберет.
Зпт, по-моему, на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед...—
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали!
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом на розовом листе
Написала молнию такую:
«Зпт, любимый зпт,
жду с победой скорою, целую».

1942

НА СТАНЦИИ

Маленькая станция близ Волги,
В зелени грачи и три гнезда.
На вокзале девушка подолгу
Взглядом провожает поезда.

По походке и по разговорам,—
По всему — нездешняя она.
Рукава в малиновых узорах,
Поясок цветного волокна...

Садики вишневые далеко,
Месяцы разлуки тяжелы.
Эшелоны движутся с востока,—
С пулеметов скинуты чехлы.

Лица уезжающих суровы,—
Взгляда от бойцов не отвести.
Скоро ли до города родного
Поездам откроются пути?..

Девушка!.. Слышны раскаты грома —
Наши танки мчатся по степи.
Не тоскуй, ты скоро будешь дома,
Скоро путь расчистим — потерпи!

1943

ПОЛЕ БОЯ

Над пшеницей стаи птиц,
Конопля с вороньим граем,
Свет без края, без границ —
Это полем называем.

Есть другое:
Рвы в пыли
Да огонь на суходоле,
Гром от неба до земли,
Стон и кровь...
А тоже — поле.

Можешь землю не пахать,
Не косить, не жать ты волен:
Будет цвесть и вызревать
Без тебя ржаное поле;

Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен.
Но на поле боя должен,
Должен ты побыть хоть раз,

Испытать солдатский труд
Да поспать в корнях у ели,
И когда потоки льют,
И когда метут метели,

Чтоб по-новому любить
Все, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Знать ей цену,
Как солдаты.

1943

АТАКА

В густой траве, за буераком
Лежал он молча и курил,
Когда пронесся крик:
«В атаку!» —
И пулемет заговорил.

И сразу рожь вокруг и ели,
Кусты и желтые пески
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в виски.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы,
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознанья нить.
Увидев немца на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Во рту горчило,
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логу,
И злобно выплюнул цигарку,
Изжеванную на бегу.

1943

БОГАТЫРЬ

Когда сломались и копье и меч,
Лишь рукоять осталась от булата,
А все еще не утихала сечь,
Схватил былинный витязь супостата

И с ним по полю, как с косой по ржи,
Пошел, ряды поганых сокрушая:
Махнет направо — улица лежит,
Махнет налево — и лежит другая...

Нет, мой товарищ так не воевал.
Но в дни, когда нас повела победа,
Он семь недель под крышею не спал,
Ел на ходу и устали не ведал.

Однажды послан с донесеньем был,
И под обстрелом, в снаряженье ратном
Он три речных потока переплыл,
А час спустя уже спешил обратно.

В подбитом танке десять суток мерз,
В нейтральной зоне, на полоске узкой
И уцелел.
Он высоко пронес
Былинный бархат нашей славы русской.

Шагая в бой с гранатою в руке,
Он вспоминает дом, лесные гривы,
Флажки меж сосен в мирном городке,
Свои забеги и свои заплывы,

Прыжки через барьеры и в длину,—
Все, что казалось ранее забавой,
Когда еще не думал про войну,—
И запах трав,
И смех над переправой...

И на привале, при ночном огне
Строчит друзьям, еще не знавшим боя,
Что хорошо быть сильным на войне,
Что сила — это дело наживное.

1943

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПОСТ

Лес — дубняк, трава — степная,
Солнце — наше,
Берег — наш.
Над заливом навесная
Зелень,
В зелени — блиндаж.

Закурили краснофлотцы —
В рукава пускают дым.
Ничего друзьям живется,
Да нельзя купаться им.

Немец рядом, за рекою.
В стеклах стереотрубы
До него подать рукою:
Рвы, прикрытые листвою,
Валунов седые лбы.

Искалеченные танки
И машины — всех не счесть,—
Схваток много было здесь,—
За бахчами на полянке
Наши танки тоже есть.

Офицеров даже видно —
Утром бродят налегке.
Краснофлотцам страсть обидно,
Что нельзя сойти к реке.

У себя в стране скрывайся,
Маскируйся, не дыши,
Хоть и жарко — не купайся,
Прячь байдарку в камыши!

За деревней в поле чистом,
Где овражки и кусты,
Видно кладбище фашистов —
Наспех сбитые кресты.

Днем солдат в атаку гонят,
А с началом темноты
Подбирают и хоронят,
Ставят белые кресты.

Счет ведут артиллеристы
С наблюдательных постов,
Сколько новых у фашистов
За ночь выросло крестов.

Позвонят на канонерку,
Цель укажут:
«Вправо шесть...»
Утром делают проверку:
— Сто крестов в морскую честь.

За рекою места много,
Хватит всем,
В средине дня —
Снова немцы за дорогой:
— Канонерка, дай огня!

Дай огня, пусть не вернется
Ни один из них живым,
Крест для каждого найдется...

Хорошо друзьям живется,
Но нельзя купаться им.

1943

ХИЩНИКИ

В бою сложив четыре батальона,
Не убирая трупы в темноте,
Подняли немцы рваные знамена
На занятой, сожженной высоте.

Полотнища, как мертвые, висели,
И поутру, поднявшись от реки,
Почистить клювы вороны уселись
На острые торчащие древки.

Над бархатом с крестами, у дороги,
Бесстрастные и сытые, они
Сидели, словно маленькие боги,
Недвижны и черны, как головни.

1943

ПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ

Снарядами изрытою тропою
По серым грудам щебня и золы
Они идут оборванной толпою,—
Шаги угрюмы, взгляды тяжелы.

На лица их, багровые от крови,
Показывают детям:
— Немцы — вот! —
На целом свете казни нет суровей,
Чем ненависть в глазах детей-сирот.

Пугливо озираясь, словно воры,
Они идут,
Нет, их теперь ведут.
Как им хотелось видеть этот город!
Вошли. Глядят.
Как будто смерти ждут.

Дома, подорванные их руками,
Грозят упасть, закрыть для них проход.
Они шарахаются:
Каждый камень
Подошвы ног им леденит и жжет.

Боец-моряк шагает с ними рядом.
— Проклятые! Уже нельзя их бить.
Щади их сон, не трогай их прикладом!
Они в плену и, значит, будут жить.

Их мало сжечь, но свят закон солдата!
Давай им хлеба, мяса и воды...

Моряк отводит дуло автомата,
Чтоб — не дай бог — не натворить беды.

1943

ПАМЯТИ БРАТА

Брату Михаилу Горчакову

Брат мой служил на Северном флоте.
Я его в люльке, бывало, качал.
Брата убили в морской пехоте,
Где-то среди заполярных скал.

Помню, на зайцев ходили вместе...
Мама теперь осталась одна.
— Где он?
В каком похоронен месте? —
Молит меня разузнать она.

Благословляя на новую битву,
Просит:
— Найди его след, напиши.
Встань над могилой, прочти молитву
За упокой невинной души.

Знаю тоски материнской силу.
Справлю поминки в новом году.
Только искать родную могилу
Я не на север — на запад пойду.

1943

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров — скорей канаву,

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то,
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста —
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа —
Не коси, сломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесть,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

1943

ИЗ ПОЭМЫ «ГОРОД ГНЕВА»

Сталинградские эпизоды

•

Они пробились сквозь наши ряды,
Все предавая огню для «порядка».
Они дошли до волжской воды.
И здесь завязалась новая схватка.

У Латашанки
В лесном рукаве,
Нагрянув на вражью мотопехоту,
На автоматчиков в желтой траве,
Стальные грохочущие «КВ»
Взялись за работу.

«Катюша», подняв тропический рев
(Когда воспоем ее гнев и ярость?!),
Неуловимая, в дело ввязалась.
Ей гулом труб отзывался ров,
Земля пересохшая содрогалась.

Сгубив десятки своих корпусов,
Фашисты хотели дорогой степною
Пройти, не задерживаясь,
Волною.
Но вышла Волга из берегов
И встретила немцев, готовая к бою,
Как их встречали у невских лесов,
Как в Севастополе,
Как под Москвою.

Тогда они,
Вконец озверев,
Метнули на город черные крылья.
Будя в сердцах неступленный гнев,
Выбрасывал неба облачный зев
За эскадрильей эскадрилью.

Фугасные центнеры так рвались,
Как будто падали метеоры.
Деревья с насиженных мест снялись,

Железо и камни летели ввысь,
А люди скрывались в подвалы,
В норы.

Начало было страшным для нас:
Как будто во время землетрясенья,
В подъездах, на лестницах свет погас,—
Казалось, нигде не найти спасенья.

Загнав в укрытия мирный народ,
Дворы превращая в сплошные свалки,
Второй и третий сделав заход,
Фашисты стали бросать «зажигалки».

А город — над Волгой,
Под ветром весь,
Он весь — как лента.
И вот, под вечер,
Сначала с окраин метнулась весть,
Что в комнаты начало пламя лезть,
Что дым придавил тесовые плечи.

Потом лихорадка огня прошла
По центру, по белым дворцам,
По бульварам.
Слепящая, взвихренная метла
Очистила берег реки догола
И все расширяла площадь пожара.

Сгорал тротуар —
Занималась грязь,
Кусты дотлевали —
Песок дымился.
В сады словно осень вдруг ворвалась,
Листва пожелтела.
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.

Народ бежал из подвала в подвал,
В овраги, в щели,
Где воздух не жжется.
Казалось, по улицам Волга льется.
Народ за вокзал, пригнувшись, бежал

И, задыхаясь в дыму,
Ночевал
В водопроводных колодцах.

А немец бросал,
Кружил и бросал,
Долбил, поджигал,
По часам — аккуратно.
Его не пугали детей голоса.
Через четыре немецких часа
Он, нагрузившись, летел обратно.

Стремглав неслась от машин в стороне
Высокая девочка в степь
                    и ревела.
Она от огня убежать хотела:
Не знала, что пламя несет на спине —
Расшитая кофта на ней горела.

Вот так от рыси олень бежит:
Глаза ему страхом смерти расперло,
Он лес ломает,
Он весь дрожит,
Он с маху берет болот рубежи,—
А рысь на хребте у него лежит
И не спеша подбирается к горлу.

Теряя повязки и костыли,
Из бывшей гостиницы «Интуриста»,
Сжав бледные губы,
В поту, в пыли,
Больные и раненые ползли
На Волгу,
          к воде, от огня,
                    на пристань.

Какой-то старик лежал на песке
В рабочей спецовке —
Рыбак или слесарь,—
Кровавая ссадина на виске.
Он крепко зажал тетрадку в руке
И, мертвый, к борьбе не терял интереса.

Зенитки стреляли, стволы раскаля,
Но тридцать, по сорок минут без умолку
С бульваров изрытых,
С баржи,
С корабля.
И все мостовые,
Нет,— вся земля
Была в остывающих рваных осколках.

А город, пригнувшись, пережидал,
Когда поредеют над ним самолеты,
Он только со злобой зубы сжимал —
Так альпинисты снежный обвал
Пережидают в расщелинах скал,
Чтоб снова рвануться в небо, в высоты.

Мы молча клялись отомстить врагу
За новое страшное, черное дело.
В беззлобной душе нашей зло накипело.
Свистело пламя на берегу.
Казалось, в груди моей все горело.

. . . .

6

...Чадил разбитый ночью город,
Багровым пологом накрыт,
А люди средь гранитных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.
Из щелей выползали дети,
В саду белели тут и там
Пеленки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.
На табуретке у калитки
Осиротевший старичок
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.
Спеша закончить до бомбежки,
Вся до бровей в муке бела,
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепешки

И тут же на костре пекла.
На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар,
В трубу с родного пепелища
Щипцами подносили жар.
Не чебрецом степным, не мятой —
Тянуло гарью от земли.
Мужчины шли в военкоматы,
В партийные райкомы шли.

•

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами,
По небу стылому птицы летят
Клиньями,
Косяками.

Движутся, будто вокруг Земли,—
Где он, конец потоку? —
К югу от холода — журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Вскрики людские птичьих грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Нет, никогда забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И па берегу
Осиротевшие семьи.

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад ни вперед,
Ни взад ни вперед и наши.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал
И все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

БАТАЛЬОН

В землю врастая, стоит батальон,
С трех сторон окружен.
Даже дубы огнем сметены...
Чем эти люди сильны?..

Кажется, их уже нет в живых.
Все разнося в куски,
Кинутся немцы с холмов крутых
К ним,
А они — в штыки.

Заново враг начинает бомбить,
Танки спустились в лог.
Но ни ослабить он,
Ни сломить
Нашей пехоты не мог.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка,
Метров по триста во все концы,
А за спиной — река.

Не снарядить ли за Волгу плот?..
Что им рассвет принесет?
Утром их и ковер-самолет,
Верно, уже не спасет.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать,
Мелкими группами поползли —
По три бойца, по пять.

Но поползли вперед, не назад —
Пусть и враги не спят! —
По три диска на автомат,
По десяти гранат.

В полночь вышел боезапас.
Снова в штыки: «Ура!»
Да подоспели к утру как раз
Волжские катера,

Да в облаках запели «У-2»,
С неба летит термит.
Ожили люди:
К чему слова?
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними следит.

Вскинули головы и по траве,
Сбросив врага с высот,
Вдаль от Москвы,
Навстречу Москве
Ринулись вперед.

БРОНЕКАТЕРА

Вся земля стоит на трех китах —
Так считали в древности глубокой:
Страны жаркие — на лбах широких,
Ледяные — где-то на хвостах.

Не киты, а бронекатера
До поры, покуда льды не стали,
В стылые свистящие ветра
Волжский город на себе держали.

Всё — от пушек до газет в те дни,
От гранат и мин до шоколада —
Доставляли по ночам они
Воинам былинным Сталинграда.

Днем причалят к яру — не видать:
Ветви дуба и ветлы на башнях,
Но блеснет вечерняя звезда —
И бугрится за кормой вода,
Как земля на черноземных пашнях.

От ракет скрываясь, от луны
И чутьем нащупывая мели,
Словно тени, с левой стороны
В дым и грохот, к линии войны
Катера груженые летели.

Если с горок огрызался враг,
Сталь над скользкой палубой визжала,
Краснофлотцы не спускали флаг.
Катера отстреливались так,
Что земля гудела и дрожала.

И с крутого яра поутру
Пехотинцы, их в листве заметив,
Удивлялись:
— Неужели эти
Так глушили ночью немчуру?

Как байдарки легкие, узки,
Не видать ни башен, ни орудий...
Но в отсеках узких — моряки,
У орудий этих — моряки
В бескозырках —
Золотые люди.

День и ночь качает их вода.
А привыкли — и отсек не тесен.
Время есть для шуток и для песен,
Спать лишь успевают не всегда.

●

Не забудут люди никогда
Тяжкие военные года.

Где-нибудь в ауле, в кишлаке,
На далеком севере в Блуднове,
Трубку сжав в израненной руке
И нахмурив выцветшие брови,

Человек, седой не от годов,
Говорить начнет притихшим детям
О военной славе городов,
О блокадах, обо всем на свете.

Скажет гордо медленное: «Да-а!..
Тяжело и голодно бывало.
Хорошо стояли города,
Вражьей крови пролито немало.

Самолеты шли, как журавли,
Строем, клином, будто на параде.
Неизрытой не было земли.
Мы одни лишь вынести могли
По две тысячи налетов за день.

В середине заводской трубы
Целый штаб дивизии ютился.
Генералы глохли от стрельбы,
Командарм с бойцами рядом бился.

Пробирались по ночам к врагу
Штурмовые тройки и шестерки.
Таял снег от битв на берегу —
В январе ручьи стекали с горки».

Распахнет тужурку человек,
И блеснет военная награда —
Гордый и немеркнущий вовек
Свет — «За оборону Сталинграда».

1942—1943

ЧЕРНОЕ МОРЕ

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною
Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

МАТРОССКИЙ СЫН

Над синим заливом заняв поселок,
Спасли краснофлотцы мальчишку в плавнях.
В его глазах, когда-то веселых,
Увидели вспышки боев недавних.

— Как звать? — спросили.
Ответил: — Коля! —
А Коли дома у многих были,
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
Его, как могли, развлекать старались,
Смешно на губных гармошках играли,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов,
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

И куклу и кошку достали где-то,
Но мальчик сурово сказал:
— Не играю! —
Тогда надарили ему зажигалок,
Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,
Нашли портного в соседней части,
Старшинскую форму по росту сшили:
— Бери, сынок, да носи на счастье!

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали —
За что воевали мы,
Что отстояли.

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных —
О старых и малых,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

ПОСЛЕ БОЯ

Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу.
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой!

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И все зеленое, все голубое

Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озер
Мои друзья разложили костер.
Все живы, еще один выигран бой.
И я живой.

Орел все ниже, все ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых распластанных крыл.
Все явственней шум, все у́же круги,
Вот-вот налетит — глаза береги.
Темнеют когти и клюв кривой...
Но я живой.

Пропала вялость, исчезла усталость,
И я опять напрягаюсь весь:
Как тяжело в боях ни досталось —
А сила не тронута, крепость есть.

От сердца к пальцам прошел огонь,
Слежу за разбойником: «Ой, не тронь!
Узнаешь сейчас, поплатясь головой,
Что я живой».

1943

В НОВОРОССИЙСКЕ

Брешь в стене черна, как прорубь,
И в проломе над окном
По утрам воркует голубь,
Разыскав свой старый дом.

Прямо в спальню смотрят звезды.
Крыши нет, но есть уже
Между балок птичьи гнезда
На четвертом этаже.

Возвратились в город кошки,
На крылечках морды трут
И, хотя в домах ни крошки,
По-оседлому живут,

По ночам собаки лают:
Заселили конуры
И хозяев ожидают,
Стерегут свои дворы.

Где-то песню слышно...
Словом,
Город ожил, сад зацвел,
Потому что в город снова
Человек пришел.

1943

НАША СИЛА

Еще никогда по нашим дорогам
Не шел супостат, не согнув спины,
Ни разу у тесаного порога
Разбойники не были почтены.
Не званым обедом,
Не хлебом-солью
И не горшком с парным молоком —
На росстани каждой, на взморье, в заполье
Встречали мы их огнем и штыком.
Цветы оборачивались крапивой,
Потопом июльский ливень-гроза,
Луга — трясиной,
Ручей — заливом,
Роса выедала врагу глаза;
Глаза забивал полевой песок,
Озера секли клинками осок,
Валился сосняк поперек пути,
Чтоб враг ни проехать не мог, ни пройти.
И корни, хватая из-под земли,
На смерть, в зыбуны его волокли.

Зима надвигалась, морозы лютели,
Ветра заводили истошный вой,
Навстречу врагу поднимались метели,
И вороны каркали над головой.
Не находил чужеземец дорог,
Он воздухом нашим дышать не мог.
За каждым кустом, за каждым суметом

Лежали бойцы —
С ружьем, с пулеметом...
Простые крестьянские вилы — и те
Сходили за три штыка в темноте.
Снега по лесам топили врага,
Следы его заметала пурга.

Пройдет мой народ через кровь и слезы,
Не опустив золотой головы,
Сожженные выпрямятся березы,
Медвяные росы блеснут с травы,
Земля благодатным соком нальется,
Цветы расправят свои лепестки,
Прозрачнее станет вода в колодцах
И чище реки и родники.
От ран, от развалин, от скверны вражьей
В полях и в садах — не будет следа.
Станицы, забитые дымом и сажей,
Аулы, и села, и города
Из пепла подымутся после войны,
Сиянием новым озарены.

1941—1943

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

1

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
оживу.

1943

2

Дым, дым окрест,
Дым — не продохнуть,
И глаза ест,
И спирает грудь.

Будто сумерки в дому,
Сажа на стене.
Весь свет в дыму,
Вся земля в огне.

Но и здесь, на войне,
С горной высоты,
Ярче всех огней
Мне сияешь ты.

Дым, дым окрест,
Но в душе свет:
Нет таких мест,
Где тебя нет.

1943

3

Жил я в доме у синих скал,
Жил, работал, время не тратил.
Поутру окно открывал,
Закрывал перед сном, на закате.

Нынче помню только одно:
Ты с горы, как с неба, сходила.
Я не смог затворить окно,
И пошло все не так, как было.

Был закат — занялся восход
На четыре стóроны света,
Снова птицы снялись в полет,
Зашумел полуденник ветер.

Ожил лес, ожила вода.
Ты спускалась с горы по краю...
Будь я даже слепым —
И тогда
Я тебя увидел бы, знаю.

1943

4. НОЧЬЮ В СТЕПИ

Так темно, хоть глаза коли,
Никаких огоньков вдали,
Будто мы с тобой на краю земли,—
Все дороги на нет сошли.

А мороз — не вздохнуть без слез.
А снега — до неба занос.
Отчего в метель ни луны, ни звезд,—
Тоже снегом ветер занес?

Если страшно, к моей груди
Хоть на миг один припади.
Ведь не все кругом замело пути —
Будет ясный день впереди.

Слышишь сердца стук под рукой.
И зачем тебе твой покой?
За тебя — горой,
За тобой — рекой:
Я люблю, потому такой.

1943

5. РАССВЕТ

Сквозь стекла, и ветви акаций, и воздух
Я вижу гор фиолетовый очерк.
Уже померкли, потухли звезды,
Уже прошло обаяние ночи.

Замолкли цикады в кустах и травах,
Песок не скрипит, недвижны каштаны,
И вместо луны в облаках величавых
Одни туманы.
И только туманы.

Они ползут в ущельях зеленых,
В долину текут, как пенные реки,
Туманом покрыты горные склоны,
И кажется, дня не будет вовеки.

Но тронет акацию первый ветер,
И все начнет приходить в движенье,
Земля встрепенется в солнечном свете,
Откроет глаза!
Придет пробужденье!

1943

6

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна.
Мнится мне: в сиянье разодета,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень, кажется, поет.

Мимо сосен, и дубов, и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми, зыбкими столбами
С облаками лес соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:
таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Все сиянье неба и земли.

1943

7

Ты и Россия для меня одно.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?
В твое ветрам открытое окно
Глядится небо и не наглядится.

Пройдешь по снегу — и растает снег,
В глубоких лунках травы прорастают,
Черемухи у затененных рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь — зацветут цветы,
Взгрустнешь — росой покроются долины.
Вся — сказка ты,
Вся — сновиденье ты,
В сиянье дивном — вся запев былинный.

В какой бы дом далекий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поет весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжелый час обрел твое участье
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Все небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
В душе тобою все озарено,—
Любовь моя верна и нерушима.

1943—1944

8. РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами,
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится,
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет.
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —
И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью.

А дорога вкруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их никто не разлучит.

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

ШТОРМ

Ветер который день не стихает,
Верно, такой никогда не дул,—
Камни ворочает,
Землю качает,
Не умолкает над морем гул.

Волны о берег скалистый бьются
И подымаются на дыбы,
Будто глубинные бомбы рвутся —
Пенные к небу летят столбы.

Голы холмы, и деревья голы,
На небе тучи, как черный чад,
Словно и там аулы, и села,
И города родные горят.

Только китам под стать это море.
Рыбы — в глубинах, птиц — ни души...
Слава же тем, кто умеет спорить
С бурями на море.
Слава большим!

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалистому — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

1944

В КРЫМУ

Земля тосковала по русской речи,
Два года была в огне и в дыму.
Враги, все живое перекалечив,
Учили ее языку своему.

Но грянул суд.
Расстреляв дозоры,
Мы закрепились на берегу,
И, боже мой, как засияли горы,
Какой по ущельям понесся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьет.
Земля, что лежит еще за холмами,
Зовет нас к себе, торопит вперед.

По желтому скату,
По кочкам зеленым
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюбленный,
И падаю, радуясь, на траву.

Все необычно, для сердца ново —
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствую:
«Здравствуй, родная земля!»
И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»
И низко склоняются тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огонь!»
«Огонь!» — отзываются горы.
«Москва!» — кричу.
Повторяют:
«Москва!»

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах,
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты — наша.
Мы снова с тобой — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперед!» — кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперед!»

1944

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землею красный флаг,
Далеко сегодня разбитый враг.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка —
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была — огнем сметена.
На ровной поляне щепа одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов
        петля
Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно,
С Большою слили ее в одно,
И я не увижу ее никогда:
Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
А жаль, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог.

Земли обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому вызволять.
И видеть хочется всей душой:
Сольются — настанет же день такой! —
Все Малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой.

1944

ЛИЦО ВРАГА

Начни от Волги, иди на Запад,
Сады искалеченные обогни,
По балкам, где трупный держится запах,
Где вороны бродят с кровью на лапах,
Где в пятнах кровавых черные пни.

На пнях просмоленных чубы рубили,
На яблонях вешали стариков.
Иди по дорогам средь пепла и пыли.
Здесь немцы на каждой росстани были —
Целы еще язвы от шин и подков.

Шагай по разобранным, рваным шпалам,
По рельсам, по спутанным проводам,
По изуродованным вокзалам.
Сверни на Кавказ к расколотым скалам,
К сожженным аулам и городам.

И крымские горы хлебнули горя,
Из-под камней выступает кровь.
Красно от крови Черное море,
Глубокие рвы среди плоскогорий
Заполнены трупами до краев.

Пусть сердце твое сильнее забьется.
В полях приднепровских растет лебеда,
Где немец прошел — даже хмель не вьется,
Незахламленного нет колодца,
Незасоренного нет пруда.

Война отгремит, как землетрясенье,
И реки опять войдут в берега,
Но мы сохраним два иль три селенья,
Не тронув,
чтоб новые поколенья
Не забывали лицо врага.

1944

КЛЯТВА

Над горной вершиной ветер свищет,
Птица-орлица добычу ищет.
На склонах терн — торчат корневища.
Дуб над бездной
Стоит, как железный.
На вершине воздух чище,
Небо синей,
Роса холодней,
С вершины земля видней.
На вершине клятва верней.

Давай поклянемся, мой друг.
Взгляни, какая страна большая,
Родная — не видно конца и края!
Лицом повернемся на юг.
Перед тобою — снег по хребту,
А ниже — все в зелени, все в цвету.
С юга вершина освещена.
Пусть будет клятва верна.
Пусть будет, как солнечная сторона,
Наша любовь ясна,
Такая же светлая и молодая,
Как родина,—
Без конца, без края.
Клянись!

*

Поворотись на север.
Там, за увалами, льны и клевер,
Ольховые рощи,
Сосновые чащи,

Начала рек широких, журчащих,
Там васильки и разрыв-трава.
Там Москва —
Всему голова.
Там Вологда, где мы с тобой родились,
Где жить учились;
За домом, у тына,
Не виноград — рябина.
Среди вековых лесов заводы,
Глядятся трубы в озерные воды.
А дальше тайга,
Зыбуны по пояс,
И льды, и снега —
Полюс.

Не забывай о родине,
О нашем роде —
О сильном, честном, прямом народе.
Не забывай
Наш суровый край,
Люби в лесах родниковую воду.
Не забывай:
Жить с народом — служить народу.
Клянись!

*

Восток сам
Повернулся к нам
Восходом ранним,
Хвойным дыханьем,
Оленьими сопками,
Верблюжьими тропками,
Путями великими,
Песками топкими,
Трущобами дикими.
Необозримый, неиссякаемый,
Ветрами солеными овеваемый,
Издревле богатый
Зверем рогатым,
Пухом и мехом,
Кедровым орехом.
Лучами в тумане
Весело, молодо
Сверкнули грани
Горного золота.

Европа и Азия в силе и славе
Соединились в одной державе.
Держава Советов!
На свете нету
Другой земли такой великой,
Другой семьи такой многоликой.
Не знаю лугов заливных цветистей,
Полей необъятней, садов плодородней,
Плотин величавей, гудков голосистей,
Народа пытливей и благородней.
В годину войны
За нашей спиною
Сибирь поднялась живою стеною,
Поднялся Урал из-за облачной сини,
Всей мощью своей подпирая Россию.

В былое взгляни:
Если трудно было —
Мы миром вставали и солнце всходило.
Врагов на копье и меч принимая,
Народ стоял против орд Мамая,
Тевтонские рыцари, шляхтичи, шведы
Бежали от нас, забыв про победы,
И пестрые полчища Наполеона
Склонили пред нами свои знамена.
Всегда наша правда торжествовала,
Как солнце с востока всегда вставало.

Входи же хоть каплей в громаду потока,
Песчинкой,
Снежинкой в вихри с востока,
Лучом в сиянье,
Искрою в пламя,
Строкою в песню,
Узором в знамя.
Пусть солнце братства
Несет народу
И радости жизни,
И свет, и свободу.
Ему поклонись!
Пред ним поклянись!

*

На Запад повернись.
Там кровью политы земли наши,
Там взорваны станции,
Насыпи срыты,
Сады сожжены,
Города разбиты.
Пришла кровавая смерть от заката
С рогами на темной каске солдата.
В дыму столкнулась со сталью сталь...
До крика каждую травку жаль...

Мы в дом чужой с кистенем не ходили.
Добру учились,
Добру учили.
Но если смерть пришла от заката,
Знакомо и нам ремесло солдата.
В боях наша сила зрела и крепла,
Заря росла из крови и пепла.
Опять на запад ведут дороги —
К Берлину.
Дойдем до вражьей берлоги.
Дойдем!
Отомстим за горе, за слезы,
За наши заводы, за наши березы...
Сегодня мы от костров храним
Культуру, которую миру дали
Москва и Афины,
Париж и Рим,—
Которую мы от рожденья чтим,—
Мы ныне совестью мира стали.

Возьмемся за руки
От моря до моря.
Против смерти,
Против горя
Встанем тверже,
Глянем строже,
На тлен, на гниль
Запрет положим.
За новый век
В двадцатом веке!
За ясность рек,

За свет в человеке!
За ветер свежий
Со всех побережий!
За счастье века,
За *Человека!*

*

Нам с тобою долго жить,
Свято любить,
До смерти дружить,
Много видеть, сделать много —
У нас с тобой большая дорога.

Не забывай о горной вершине,
О неоглядной шири.
Не забывай и грома раскаты,
И медленный, долгий подъем:
Терн рос по всему каменистому скату.
Мы шли тернистым путем.
Неси с собою клекот орлиный,
Держи мою руку в дорогах длинных —
Любовь нам дана не на смерть, на жизнь.
Ни в чем,
Никогда
Не сходи с вершины.
Клянись!

1943—1946

ЗЕМЛЯКИ

1944–1948

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый слопец изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном дому —
Издали встретят четыре березы,—
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

●

Здесь орудийные раскаты
Не нарушали тишины,
В полях посевы не примяты,
Селения не сожжены.

Березы светлые, густые,
Не тронут бор — к сосне сосна
И если есть стволы кривые —
Их покривила не война.

Но па какой дороге слезы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

В конторе, отшвырнув костяшки,
Уставший за день счетовод
Березовою деревяшкой,
А не ногою о пол бьет.

Не знали здесь неволи горькой,
Враг не был в этой стороне,
Но председатель — в гимнастерке,
Он не забудет о войне.

За полночь ляжет, первым встанет,
А на поля с людьми пойдет —
Он в душу каждому заглянет,
Как будто в бой ведет народ.

1944

РАННЕЕ УТРО

Чуть в домах затопят печи,
И выходит со дворов
Утро блеяньем овечьим
И мычанием коров.

Отпускник-солдат обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сядет на росста́нь,

На цветок во ржи подышит...
Но куда ни завернет,
Что ни видит, что ни слышит —
Он еще войной живет.

За окольною избою
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

Отдуваясь и стреляя,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току за баней черной
Барабан гудит-ревет,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолет.

А овины словно доты.
Жди, сейчас взгремит «ура!»,
И стучат, как пулеметы,
У амбаров триера.

Кузня ухает с рассвета,
Над трубою черный чад,
Как сигнальные ракеты,
Искры по ветру летят.

Мир придет, но долго сниться
Будет нам военный гром,
Будем звать межу — границей,
Реку — водным рубежом.

1944

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес —
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь,
Все как в детстве было!

Он решил, что о войне
Вспоминать не будет,
Отоспится в тишине,—
Кто бойца осудит?

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из соседних деревень
Подошли молодки.

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи о войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Только встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел.
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом.

Приглашали — исправлял
Мельницы ручные,
Сотни писем написал
В почты полевые.

Да случилось под конец —
Как? — и сам дивился,—
В Зою Павловну боец,
В доктора, влюбился.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И шутили люди:
— От любви, не от войны,
Отпуска не будет!

1944—1945

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился,
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в сузёмах закружил

И водит — старая лиса.
Но в хвое парень увидал —
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх — огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется — обман:
Все та же грива [1], речка, бор,
Налево — зыбуны, туман,
Направо — синий свет озер.

И под конец, когда устал,—
Прилег, разжег костер.
И вдруг
Лесной царевны услыхал
Лукавый голос:
— Слушай!.. Друг!..

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

---

[1] Грива — возвышенность, юр, увал. *(Примеч. А. Яшина.)*

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть, и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузем под мой навес.
В трущобе человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач кадил,
И пир гремел во всем бору.

Так на царевне на лесной
Женился мой земляк,
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной —
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать —
Деревня выросла. Ее
Блуднóвым люди стали звать.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944

Деревня Блудново
Вологодской области

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса,
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют,

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка доро́га! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Листья гремят под ногой, как жесть,
В голый березник спустилось небо,
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмещают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Кажется, сосны и те пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна —
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не уберечься от поцелуя.

Как мне назвать тебя — ясный свет?
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осенью нет,
Но для чего богатство без милой?

1944

•

Ночка лунная светла,
Тишина в конце села.
Материнские запреты
Девушка с души сняла.

Но слепа у нас луна,
Не заметила она:
Света лунного бледнее
Девушка была бледна.

То дрожала, как в ненастье,
То смеялась без ума,
А от страха иль от счастья —
Не сказала б и сама.

1944

ПО РУКАМ ПОШЛА КРАСАВИЦА

По рукам пошла красавица.
Плачет мать порой ночной:
Неохота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была, бедовая,
Честь по чести отдана
И опять живет не вдовая
И не мужняя жена.

На войну ссылаться нечего,
Что осталась без семьи,—
Не сама ли искалечила
Годы лучшие свои?

По селу идет красавица,
И шаги ее легки.
За спиною ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,
Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклонятся —
Не считают за свою.

По селу идет красавица,
Ни жива и ни мертва,
Низко-низко опускается
Золотая голова.

1944

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

По деревне ходит хмель:
Под ногами пыль-метель,
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо,
Хоть и горд, а не спесив,
На ногах стоит нетвердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодице прицепился
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы,— я над ними
Генерал и господин.

В сарафане ходит хмель:
По плечам — косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель.

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — косынка с плеч...

Из конца села в конец
С песней бродит молодец.
Жеребец прошел в упряжке —
Захлебнулся бубенец.

— Председателю правленья
Мой почет!
— Мое почтенье!
— Как живем?
— Куда с добром:
Целый день без году пьем.

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы по-стариковски
Пьем за здорово живешь.

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног пылит метель,
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

1944

БАЛЛАДА О РЫБАКАХ

Отплывали в море восемь рыбаков,
Ветерок задувал не слабый.
Провожали жены своих муженьков,
И, конечно, плакали: бабы!

— Перестаньте, бабы! — злились рыбаки.—
На работе только помеха:
До подола косы, умы коротки,
Ни уйти от вас, ни уехать.

Понеслись шаланды скоро да легко,
Паруса над морем склоняют.
И беда настигла: несет рыбаков,
А куда? — и сами не знают.

Ввечеру барашки стали потухать.
А ночами ветер — ой, страшен!
И все чаще начали в лодках вздыхать:
— Где-то нынче бабоньки наши?!

Потянуло снова к дому, к шалашам,
Говорят:
— На часок хотя бы...
Бабы хоть и слабы, а все ж, по душам,
Никуда, ребята, без бабы.

А на небе тучи — тени широки.
Только вдруг из тучи, из ночи
Самолет пробился.
Глядят мужики:
Самолет ведет баба-летчик.

Покружилась, взмыла и пошла назад.
А потом по синим ухабам

Вылетает катер.
На лодках глядят:
Управляет катером баба.

Развернулась с ходу — за кормою чад,
На буксир принимает вроде...
Рыбаки послушны, неловко молчат,
Друг от друга глаза отводят.

Прибежали жены встретить муженьков,
Целовать в соленые губы,
Проливали слезы на грудь рыбаков.
Мужикам и слезы уж любы!

1941—1945

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944—1945

ДЕТСТВО БОЛЬШЕГЛАЗОЕ

Берег звали гиблым и нечистым местом.
Рассказали малому:
Вот недобрый след —
Миром похоронена грешная невеста,
Голова бедовая, ей прощенья нет.

Кто ее ни сватал, толку не добился:
Не было насмешниц злее на веку.
А желанный парень на другой женился...
И метнулась девушка с берега в реку.

Целый день по росам,
По речным покосам
Бегали подружки, чтоб ее найти.
Бедную зарыли под крутым откосом
За пеньком еловым на краю пути.

Показали малому на могильный холмик,
Напугали до смерти у гнилого пня:
Если грешен малый,
Если конь не кормлен,
Здесь не проберешься, выпрягай коня!

*

Детство большеглазое, пуганое, где ты?
Вся земля исхожена и заселена.
Знаем:
«Бога нету!», знаем «черта нету!».
За моей спиною не одна война.

Я стоял под выстрелом,
Я шагал по трупам,
Сколько раз висела жизнь на волоске!
Ночь проспал с покойником под одним тулупом —
Не седеет волос на моем виске.

Я опять на родине.
Стреляный, бывалый.
Нет, не постарел я. На душе легко,

Узнаю березки, еду по увалам.
Вот и пень. Целехонек!
Холмик над рекой.

Самый тот! И вздрогнул я.
Верьте иль не верьте:
Гордый, и недавно с фронта, из огня,
Испугался холмика пуще лютой смерти,
Хоть читай молитву, выпрягай коня.

Давят страхи старые, задрожали ноги...
Что это такое?
На себя сержусь.
Ручеек хохочет посреди дороги.
Стыдно и неловко. А чего боюсь?

Если б это в детстве, да в полночной чаще...
Но — в зените солнце,
За́води в огне,
Берег настоящий,
Ветер шелестящий,
И березки в пояс кланяются мне.

1939—1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит — не шелохнется.
Мальчик рядом с нею то вздохнет,
То счастливым смехом засмеется.

Карте школьной тесно на стене.
Костылем по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьи шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах —
От рассказов вьюжным ветром веет.
Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал,—
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цинга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы.

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над недрами земными примут,
Ветры, водопады приручат,

Верно, будут на Луну летать —
Время сказкам былью становиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать!

1941—1945

ПОДРОСТКИ

С утра отобрали покрепче коней
Ребятам годков по десять, не боле,
Поручено было: за восемь дней
Заборонить озимое поле.

— Забудьте о доме, о сладком сне,
На фронте жилье — блиндажи и землянки,
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное, нет ни конца ни края.
Таким представлялся ребятам путь
На запад — от Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось: вовсе луны,
Совсем на свете луны не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища... Что такое?
От шума листвы, от крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до стуж и дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого — лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях, вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая...
И все им казалось:
они прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

1944—1945

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не застя,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная,
Не богатая, не бедная,
Женщина безвредная.

Промышляла чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила;
Если свадьба где была,
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдет в лесок,
Возвращается с грибками
Или сходит на часок
С удочкой за окуньками.

Иль за мельницей в силок
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе сготовит.

У соседа дом как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нем
Лавка и лежанка.

У соседа за столом
Не семья — бригада,
А она с котом вдвоем —
Много ли ей надо!

Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да сказать, по правде, Настю
И в расчет не брали власти.
Неогляден белый свет —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно людям не чужая,
И своею не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
«Вы в уме ль?
Кур смешить на склоне лет?..
Силы нет!
Здоровья нет!»

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живет!

*

Может, все житье Настасьи
Так сторонкой бы и шло,
Может, не было бы счастья,
Да несчастье помогло.

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода дотемна.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегает пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

Бабы спать ночей не стали,
Все заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лен теребят дотемна.
Вот и осень наступает...
А Настасья все одна.

На душе нехорошо.
Грех один с такой душой.

И однажды в день ненастья
На гумно пришла Настасья.
— Бог на помощь!
— Слава богу!
— Как живется?
— Понемногу.

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах иль сердце ноет?..
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберешь.

— Видно, бабы, я слаба,
Одолела худоба.
Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотьба?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?

— У тебя ж здоровье слабо! —
Отвечают бабы.

— У меня здоровье слабо,
Но теперь война идет,
Потянуло на народ.
Ну-ка, дайте место, бабы!

Ой, как ладно сноп ложится,
Не привод поет — душа!
— Хороша, соседки, ржица!
— Мы не хаем — хороша!

До заката потрудилась,
Постонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась
И еду с собой взяла.

— Как живется?
— Понемногу.
— Как дела?
— Да слава богу.

— Снова, что ли, на работу?
— А неужто не гожусь?
Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь.

— Понимаем,— говорят.
— Принимаем! — говорят.

Полилось потоком снова
Золотистое зерно.
Пыль над током да полова,
Кажется, горит гумно...

И спустя полгода Настю
Похвалили даже власти...

Уж война проходит вроде,
У Настасьи в сердце свет.
Из артели не выходит,
Говорит:
— Желанья нет!

1944—1945

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет,
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушубках и в пимах
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы.
Не спешат с отлетом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем слепят глаза до боли.
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля.

Не смиренье — сжатый рот,
Даже вздох — с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленье.
Трудный сорок первый год...

1944—1945

НА СЕНОКОСЕ

Сено высохло. Гребли,
Торопились, как могли,
Торопились, уморились,—
По щекам ручьи текли.

Надвигалась из-за леса
Грозовая дымзавеса.
Появились ветерки,
Завивались вихорьки.

Дождь нагрянет, сено смочит —
Не кажись домой с бедой.
Кто приход дождя отсрочит?
Кто заведует водой?

Бригадиру нет покоя,
С темных туч не сводит глаз:
«Хорошо бы за рекою
Задержать грозу на час!
Все правленье,
Все селенье
Положилися на нас».

Но в бригаде был малец.
Молодец-то молодец,
Да годков ему двенадцать,—
Где за взрослыми угнаться.
А отстать или присесть
Он не может — гордость есть.

У него свое желанье.
Шепчет, словно заклинанье:
— Поскорее, дождик, лей,
Поскорей, повеселей,
Хоть не крупный, не проносный,
Догребли бы сено после!

Дождь не долго собирался,
Но пока огонь сверкал,
Бригадир не растерялся —
Сено свежее убрал.

На привале, пообедав,
Отдыхая без помех,
Люди хвастались победой,
А мальчонка... больше всех.

1945

БАЙКА

Спи, сыночек, спать пора!
День уходит со двора,
Зажигают в избах свет,
Дома только папы нет.
    Баю-бай!

Он не в поле, не в лесу,
Не за речкой на мысу,
Дома нет его давно.
Не гляди, сынок, в окно.
Баю-бай!

Под простынку руки спрячь.
Мама плачет, ты не плачь.
Папа твой героем стал,
Нас от смерти отстоял.
Баю-бай!

Уж пришел с войны сосед,
Только папы нет и нет.
Снег идет, идут дожди...
Мама ждет, а ты не жди.
Баю-бай!

Все узнаешь — подрастай,
Баю-бай!
Засыпай.

1945

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Как дела идут, ребята,
Хорошо ли бьем врага?
А у нас зима богата,
Избам по уши снега.

На полях метут метели,
Все плетни занесены.
И по-прежнему в артели
Словно не было войны.

Мы в лесах, как в сонном царстве,
От всего вдали живем...
Только хлеба государству
Больше раза в два сдаем.

Бабы правят всем колхозом,
На прицепе — молодежь.
Их ни ветром, ни морозом,
Ни жарой не прошибешь.

Сельсовет весной селенье
Керосином обделил,
И в колхозе затемненье
Председатель объявил.

Нам понравилось вначале:
Воевать так воевать!
Мы работать дольше стали,
Ночью стали крепче спать.

Вы теперь в походе, в буре.
Города врагов горят...
А у нас тут бескультурье —
Ни винтовок, ни гранат.

Одолели нас медведи,
От волков ревмя ревем.
Мы теперь куда ни едем —
Топоры с собой берем.

Звери больше чужеземцы,—
От войны пришли сюда,—
Режут скот не хуже немцев:
Без охотников беда.

И невесты одолели:
Тут и «клещи», тут и «клин»...
Как ни кинь, у нас в артели
Двадцать девок — я один.

Как ни кинь, без вас, ребята,
Долго жить не сладко мне.
Добивайте супостата,
Возвращайтесь по весне.

1945

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Лучше девушки Натальи
В целой области не знали:
Все умела,
Все имела,

И умна, и весела,
И без дела не сидела,
И без песен не жила.
Женихи со всей артели
Просто очи проглядели.

А Наталья на досуге
Запиралась от подруги
И садилась у стола,
В руки зеркальце брала,
Говорила:
«Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль в деревне всех милее,
Всех нарядней, веселее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет,
Ты, Наташа, всех милее,
Всех нарядней, веселее».

Началась война.
В колхозе
Провожали женихов,
У реки, на перевозе,
Целовали пареньков.
Слезы девичьи лились:
«Отвяжись, худая жизнь!»

Дни и ночи на работе,—
Так хотели их дружки,—
На полях, на обмолоте
Даже в праздник девушки.
Руки, ноженьки устали
У красавицы Натальи.
Шел четвертый год войны —
Нет на сердце тишины.
Все хотелось сделать больше,
Коротки казались дни,
Вот уже ребята в Польше,
Вот уж в Пруссии они...

Как-то в марте иль в апреле
Косу на ночь заплела
И сдержаться не смогла:

Повздыхала у постели,
В руки зеркальце взяла
И сказала:
«Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль на свете всех милее,
Всех дородней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Прежней свежести уж нет!
Похудела ты, Наташа,
Подурнела, радость наша,
Отдохни, не надорвись,
Красоту поберегла бы:
Без нее и жизнь не в жизнь.
Без нее куда вы, бабы!»

Ой, как вспыхнула Наталья!
Ой, как вскрикнула Наталья!
Не ждала такого зла
От когда-то дорогого,
Нынче лживого, слепого,
Окривевшего стекла.

«Сгинь! — И топнула ногою.—
Я найду себе другое.
Вот пройдет война, мой свет,
Поглядим тогда,— сказала,—
Лучше я иль хуже стала,
Будут сватать или нет.
По всему, не знаешь ты
Настоящей красоты».

Радость, как ее ни ждешь,
Все негаданна, нежданна.
К нареченным да желанным
Из-за моря-океана
Воротилась молодежь.
Сердце, что ли, озарилось,
Как победа подошла,
А Наталья расцвела:
Словно чудо совершилось —
Лучше стала, чем была.

1944—1945

•

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет.
На севере далеком
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля,
Оно огнем играет
Над башнями Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь —
Поднимешь весь народ.

1945

•

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травою луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побеги...
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Дубленые, солдатские,—
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные,—
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля вовек не видела
Уверенней походки.

1945

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне,
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
К тебе вдруг хлынут на порог —
Покажется еще печальнее,
Что ты друзей нажить не смог.

Все не под силу:
Дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
В нужде и в горе дня не выстоять —
Как без друзей на свете жить?

1944—1946

●

Да, дни твои не будничны, не серы,
И свет идет от твоего лица,
Живешь легко, ни в чем не знаешь меры,
То слезы льешь, то песням нет конца.

В лес заберешься, птичьим трелям вторя,
Самой назад дороги не найти.
Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути.

И в радостях и в горе непритворна.
Люблю твой взгляд, и смех, и почерк твой.
Вся сказка ты, вся песня ты, бесспорно...
Но до чего ж мне трудно жить с тобой.

1945

●

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу —
Словно в юности, по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец руки.

Золотинки в глазах с поволокою,
Да густая хвойная бровь.
В задушевном неспешном оканье
Воркование тетеревов.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая, —
Как на родине побывать.

1945—1946

●

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятиглавому змею
Я бы просёк пути,
Даже из рук Кащея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала.
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

•

Пожелай — и останусь навеки
Чабаном на твоем берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись — и в лесные просторы,
В глухариные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай.
Но решись, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

1945

•

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да, ветер дул и дождь моросил...
Но, если б ты из дому вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил,
Дорога бы не раскисла.

И если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

1945—1946

•

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глуши, в шалаше,
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Как же мне тебя позабыть?!

1945—1946

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних,—
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг,— вот она!

И как живой воды пригубит,
Иль словно крылья отрастут.
А если примет, значит, любит,
В твою поверит чистоту.

1946

•

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле —
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

•

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!
Как солнечный свет, как живая вода
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

1. СОСНОВАЯ ГРИВА

Бор как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на гриве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гривы достаем.

1945

2. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистою медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скупясь, со шкурою —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурого,
Если б сталь не прочна была.

1946

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом?

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается по́том, кровью.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты...
И твои сыны
Крепостью родины будут вовеки.

1946

МАТЬ

Без вести пропал солдат. И ждать
Перестали родичи солдата.
«За ненахожденьем адресата»
Письма возвращались.
Только мать
Не хотела ничего понять:
«Почта, надо думать, виновата!»

К избачу ходила и к врачу,—
Не сгибали старость и усталость,—
У судьи была:
— Черкни хоть малость,
Я тебе посильно заплачу.
Только так пиши, как я хочу,—
К сыну шло бы, а не возвращалось.

В Прагу пишет, в Бухарест, в Белград.
«Не таков мой сын, чтоб затеряться.
Жив ли, нет ли — должен отыскаться...»
Но опять:
«Не найден адресат!»
Доплатными шлет — идут назад...
Немцу лучше с нею не встречаться.

На работе мать — до темноты,
Ночью тоже не сидится дома.
Забредет к секретарю райкома:
— Напиши теперь, родимый, ты!

Пишет, пишет, пишет письма мать
И до смерти будет сына ждать.

1946—1947

САМА ПОБЕДА

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идет! Идет!

— Далеко ли он? —
Домá
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уже сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль как дым,
И гром гремит
Над лесными далями...

Кто-то издали кричит:
— Гусеничный!
«Сталинец»!

Мир!
И тракторы опять
В села стали поступать.

Он пронесся вдоль селенья
У народа на виду,
Встал под окнами правленья —
Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья:
Встреча? Что же, так и след!
— Добрый день!
— Мое почтенье!
Потрястись для развлеченья
Есть охотники иль нет?

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
— На какую скорость ставить? —
Отвечают:
— Ставь на все!

*

Стол — самим на удивленье,
Словно это складчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копченье —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский китель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

— Дорогие граждане,
Поздравляем каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!
Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали,
Только бы разбить врага!..

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
— Да хлебните ж хоть для виду
С холодка окрошки!..

Задушевная беседа
Не вином хмельна была.
— Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла.

1946

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд
народ
Получал награды.

Люди будто не в артели —
На скамейках, на полу,—
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,
Говорил:
— Служу народу! —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу! —
Ей шепнули:
— Все одно!

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

— Приколоть к рубахе надо! —
Зашептали деду все,—
Аль не по сердцу награда? —

Но старик не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,—
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, вглядевшись в полутьму,
По всему, из-за медали
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил,
Заодно и вам почет.
Я гляжу, на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!.. —
И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал, хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал
И для каждой хоть немного
Хоть два слова, да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
— Признаешь теперь, сынок?

Напоследок ярового
Всем засыпал.
— Ешьте всыть!
Чур, меня не подводить,
Поутру за дело снова —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!

1947

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье как сбор назначен,
Только скатерку постлать,
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
С краю сам большак сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну,— сказал он,— по потребо
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,
Всей своей семье и славы,
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда! —
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

ДОЖИНКИ

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей —
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Рябиною, брусникою
Несет от всей земли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле
Да река еще,
Как небо, широки...
Овса несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Все убрано машинами,—
Нет слов, они в чести,—
Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголочки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вострую,
Проворствуй у межи,
Со всеми вместе горсть свою
На пояс положи!

И загадай желание,
Какое поважней...
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чем мечтается...
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется,
Что тут загадано...

Дожали все как следует,
И вот сошлась толпа
У «гостьи» —
У последнего
Овсяного снопа.

Большой — в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

1948

МЫ — ЛЮДИ МИРА

Свидетели — односельчане:
Погибли мой отец и брат.
И у меня доныне раны
Перед погодою болят.

Глаза у матери поныне
Слезами горькими полны,—
Ей тосковать всю жизнь о сыне...
Так как же нам хотеть войны?

Недаром в герб Страны Советов
Пучки колосьев вплетены.
Давно всему известно свету:
Мы — люди мира,
Не войны.

Работаем на счастье людям,
И, братству клятвенно верны,
Иными никогда не будем,—
Не можем мы хотеть войны.

Путь к миру трудным был и славным.
Мы, как в огне, закалены,
И сила наша стала главным
Предупреждением войны.

1950

РОМАНТИКИ

1951–1955

ПЕРВЫЕ СТИХИ

— Начинайте! — приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В глубину прохладного суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганые птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник — сам себе на удивленье —
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

1951

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

С пристани на берег утром рано,
Озираясь, вышел паренек.
На фанерной крышке чемодана
Маленький побрякивал замок.

Голуби летают в Сталинграде,
Ласточки под крышей гнезда вьют,
Снова город в праздничном наряде,
И гудки над Волгою поют.

Снова есть и улицы, и парки,
И прозрачны воздух и вода,
И, наверно, так легко и ярко
Не светило солнце никогда.

Из подвалов в новые квартиры
Люди навсегда перебрались,
И шагает улицею Мира
Из развалин поднятая жизнь.

Осмотревшись, парень за ограду
В сад вошел и стал читать подряд,
Словно книгу жизни Сталинграда,
На граните имена солдат.

Где-то здесь, в один из этих списков
Брат его навечно занесен,
Под высоким серым обелиском
С воинским салютом погребен.

Где-то здесь...
И, раздвигая ветви,
Парень слезы смахивал с лица...
Так приходит совершеннолетье
И мужают юные сердца.

1951

ВЗРЫВ

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лишь где-то очень далеко,
За линией хвойных круч,
Затеплился свет
Намеком
На первый солнечный луч.

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистей и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь,—
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,

В таких ли горах!
Однако
Уже не первую ночь,
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть невмочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,
Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни.

И что впереди саперов
К подножью издалека
Примчат из кино репортеры
На крытых грузовиках.

И вот над леском сосновым
Луч солнечный засиял,
Вот подал старшой —
Не словом,
А взмахом руки — сигнал,

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора...
Не выдержав напряженья,
Вскричали друзья:
— Ура!

— Ура! — закричали рядом
Шоферы, подрывники,
Как будто под Сталинградом,
Когда бросались в штыки;

— Ура! — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам;
— Ура! — пронеслось над Волгой,
За Волгой
И по лесам.

И верилось, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

1951

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в прорубь.
А она
Реечкой ведет промерку дна.

И один кричит ей:
-- Героиня,
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней! —
Героиней окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкою стоит.

Валенки, платок и полушубок,
Даже брови снег запорошил,
Пальцы пишут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

Трудно шоферам на гидрострое —
Вдруг осядет под машиной лед!
Вот они действительно герои,
Дружный и выносливый народ!

Знатные — со стажем и уменьем.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,
С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Что-то в свой блокнотик записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах,
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно.
Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну, а ей-то можно иль нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

РОМАНТИК

Юноша, окончив ФЗО,
Получил на Волгу направленье.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
— Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот,
И уже — на стройку коммунизма!..

Берег в грузах, да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел как с самолета.

Думал сразу бригадиром стать...
Дали парню самое простое:
Глину рыть да кирпичи таскать,—
Как везде, жилье сначала строить.

Комары, камыш береговой...
Первый тракт в лесах едва проторен.
А хотелось написать домой
О дворцах,
о чудесах,
о море.

Будет все!
Но нет терпенья ждать.
И в обед, устроившись под елкой,
Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Раздались седые Жигули,
Раскаленная вода клокочет,
Дня уже не отличить от ночи,
Вздыбленного неба от земли...
Он иначе и писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблистало,
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, хлопец в дни войны
Видит героические сны
И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин сообщает,
Что все дни в походах,
Жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

1951

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Все же навестить бы паренька,

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове недолго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗО — еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он — в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?..

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.
— Вы кто ему?

— Родитель.
— У него сегодня выходной.
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка —
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо,
С виду стал постарше...
— Так в каких же ты чинах теперь? —
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек —
Можно только гостем заниматься.
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал,—
Лучше не придумаешь подарка! —
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет —
Потолочный и горизонтальный.

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья.
К Ване все относятся с почтеньем:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил? —
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

«Отдыхает!..
Пот уже с лица —
Швы кладет, меняет электроды.
Вот что значит трудовой породы!
Нет, такой не подведет отца...»

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда вернулись на ночевку,
В первый раз, преодолев неловкость,
Он сынка по отчеству назвал.

— Мать сказать просила:
Хорошо,
Что родителей не забываешь,
Письма пишешь, деньги посылаешь.
Будет лишек —
посылай еще...

1951

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

По поселку в выходной
Шли под ручку муж с женой,
У нее вся грудь в медалях,
А у мужа ни одной.

Отовсюду: «Что такое?!» —
Восклицания слышны.
За сословие мужское
Стар и млад оскорблены.

— Что ж ты, брат Фома-Ерема,
Женка верх во всем берет!
Уж сидел бы лучше дома,
Не казался на народ.

Ребятишки зубы точат,
Просто ходу не дают,
Старики и те хохочут,
Чуть поддайся — засмеют.

— Постыдись! — шумят одни.—
Поскорей домой сверни!
— Подтянись! — кричат другие.—
Не срами своей родни!

И, до смерти смущена,
Тычет мужа в бок жена:
— Я ль тебе не говорила,
Надевал бы ордена!

Но резон у мужа свой.
Шепчет:
— Тихо, Катерина!
Так нагляднее картина,
Пусть любуются тобой!..

1951

ПЛОТНИК

Для начала рассвело
Где-то в небе, на вершинах,
На высотах на орлиных,
В скалах ломких, как стекло,
А потом уже в долинах,
В рощах, в селах —
И пошло!

С ветерком откинув тень,
Улыбнулась солнцу Волга,
На строительстве поселка
Начался рабочий день.

Старый плотник принимал
Для бригады пополненье.
— Покажи-ка назначенье.
Что ты, братец, ростом мал?

Говоришь, прошел ученье?
Говоришь, на «пять» сдавал?
Поглядим...
Откуда вы?

И, поднявшись с места, трое
К старику шагнули строем.
— С Дона!
— С Камы!
— Из Москвы!
— Стало быть, со всех концов.
Что ж, проверим молодцов.

— Есть еще в конторе друг,—
Досказал один с тревогой,—
Задержался по дороге...—
У ребят в глазах испуг:
Знатный плотник смотрит строго —
Не принять ведь может вдруг!..

И ребята говорят,
Что они теперь назад
Не вернутся. Есть причина:
Им сама страна вручила
На строительство наряд.

Бригадир отвел глаза,
Чтобы не расхохотаться:
— Значит, вас, ребята-братцы,
Не принять уже нельзя?!

Да и то — в далекий путь,
На такие новостройки,
К нам не шлют кого-нибудь!
Видно, вы из самых стойких.

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдемте, покажу
Ваше место на планете.

И гурьбой они пошли
По тропинке вдоль опушки.

Груды вынутой земли,
Бревна, балки,
Доски, стружки,
Стрелы кранов вдалеке,
Жигули в цветном просторе,
Пароходы на реке,
Там, где скоро будет море.

Берегов крутой отвес...
И — как чудо из чудес —
В лязге, в выхлопах моторов,
Там, где скоро будет город,
Лес шумит,
Сосновый лес.

На холме у круглых пил
Захотелось задержаться.
— Каково, ребята-братцы? —
Новичков старик спросил.

И, как будто распахнул
В голубое небо двери,
Показал им на сосну,
Глазом всю зараз обмерил
В вышину и в ширину.

Свежих запахов полна,
Птиц звенящих, солнца, ветра,
Может, на полкилометра
В небо вскинулась она.
— Это что стоит?
— Сосна.

— Верно! В нашем деле мать.
Если ты с душой, художник
И умелец, так сказать,
Из сосны все сделать можно.
Это надо понимать!

Тридцать лет я с ней дружу,
Не могу налюбоваться.
Вот о чем, ребята-братцы,
Для начала вам скажу.

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

У седого в бороде
Снова хитрая усмешка.
— Ну, начнем, не будем мешкать,
Топоры-то ваши где?

Значит, нету топоров,
Растеряли по дороге...—
Новички опять в тревоге:
Ведь не примет, будь здоров!

— Или, может, вы рубить
Электричеством хотите?
Как же с вами, братцы, быть?
А учились, говорите!

Видно, что не у меня.
Ну, теперь глядите в оба!
Будет вам сначала проба,
От сегодняшнего дня
Начинается учеба.

1951

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, сверит, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,

Вскипятила чайник
И по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты вслух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех живущих в Марквашах
День и ночь,
С рассвета до рассвета
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется, на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной...

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая:
— Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...
— Знаю!
— Петр Петрович, замуж выхожу.

— Знаю все. Недалеко до свадьбы?
— Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы,
А решиться как-то нелегко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души
И на веки вечные
Полюбили Маркваши,
Стужи, ветры встречные,

Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки
Светлые, сердечные...

*

Над горою Лысою восход,
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поли выходной —
Начала со всеми собираться:
Просто ни минуты ни одной
Не могла без дела оставаться.

Видит все как будто в первый раз —
Берег, небо, вышки, краны, трубы...
Все счастливо радовало глаз.
Задубели пальцы, стыли губы,
Вот прихватит щеки...

А она
Только больше пела да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

1951

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже заканчивалась работа,
Над башней победно зажглась звезда,
Уже в заградительные ворота
Стучала мутной волной вода.

В железобетонной камере шлюза
Уже зачистили дно с утра,
Остатки всякого лома и груза
Кран торопливо нес на-гора.

Не раз у ство́ра в верхнем канале
На глубину ходил водолаз.
А мы почти дышать перестали,
С командного пункта не сводим глаз.

И вот над мостиком,
Над парапетом,
Как светлая музыка разнеслась,
Призывно и громко:
«Открыть клинкеты!»
И полилась вода, полилась.

Пошла, голубушка, закипела!
В решетке гасителя бился вал,
Разгоряченный
И белый-белый,
И загудел весь шлюз, как Дарьял.

Казалось, к ногам строителей шлюза
Потоком пенистым с высоты
Летели из всех уголков Союза
Цветы черемух,
Яблонь цветы.

А той порой из-за поворота,
От Дона,
Где морем стала вода,
Уже подтянулись к входным воротам
И в очередь выстроились суда.

1952

СТЕПНОЕ МОРЕ

Вода из Дона вышла на подъем
По мощным трубам,
И в степном просторе,
За дамбою, образовалось море,
Запело, заходило ходуном.

Уже волну нельзя сравнить с донской,
Она гудит, под ветром нарастая,
И хоть вода по-прежнему — донская,
Но вид и норов у нее морской.

Как небо голубое, широка,
Игрой ее нельзя налюбоваться.
Окраина степного хуторка
Отныне стала набережной зваться.

Взглянув на море, инженер затих,
Завороженный красотой природы:
В сухую степь продвинув эти воды,
Он сам дивился делу рук своих.

1952

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав,
От своих удач навеселе.
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Всё под силу,
Всё ему под стать,
Молодому, в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк
И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола,
А тетерка чучелом была.

1953

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так люба,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И, уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1953

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Что за лес, если в нем не страшно,
Ни волков, ни медведей нет!
Даже пень с клеймом и закрашен,
Никаких особых примет.

Все расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено,
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выстлан подход к реке.
Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом рудные горы,
Строевых пород сосняки,
Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
Если в лес не ходить из дому,
Душу где свою отводить?

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Хоть не часто, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

1953—1954

НА ВЗМОРЬЕ

Все побережье в пене, в прибое,
И сосны у края воды шумят.
Под вечер море не голубое,
Оно многоцветное, как закат.

Все краски, мыслимые на свете,
Густые тона небес и земли
На волны, которые поднял ветер,
Узорными радугами легли.

Все разворачивалось, колыхалось,
Играло огнем до самого дна.
Менялось небо — и море менялось,
Перенимая его тона.

Казалось до этого все возможным,
А тут ни конца и ни края нет.
— Зачем не поэт я? — сказал художник.
— Владеть бы мне кистью! — вздохнул поэт.

И музыкант на тонкие руки,
На руки свои взглянул тяжело:
— Я знаю лишь звуки, и только звуки,
А тут еще запахи, свет, тепло...

А море назло как стукнет, да грянет
Всей мощью своею, во всей красе —
И вспомнить заставило об океане,
О беспредельной вселенной всей...

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им утром идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши,
А снова
Остаться с нею наедине.

1953—1956

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу — волны, сверху — сад,
Идут нарядные матросы
В атаку,
словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень на вражьих касках,
Над бескозырками — восход.
Все ж разбирался автор в красках...

Но злость,
Но гнев меня берет.

Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Людская кровь лилась рекой,

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех.
И самым смелым и веселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветистой раме,
Насквозь бы он его прожег.

1954

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!..—
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...
— Ну вот мой дом, моя семья.
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вкруг стола
Под люстрою стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,
Работы много,— говорит,—
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

●

И в лесу не нашел покоя.
До чего же слаб человек!
Снова я с тобой
И с такою
Примириться готов навек.

По проселкам с ружьем скитаюсь,
И не счесть, сколько раз на дню
То кляну тебя,
То покаюсь
И во всем лишь себя виню.

Как ни кинь, а все, дорогая,
Мне и дня без тебя не жить.
Разве может когда другая
В чем-нибудь тебя заменить!

Не пошла на пользу охота,
Вдруг до крика сдавило грудь,—
И не будь в тот день самолета,
Я пешком бы пустился в путь.

Но, свалившись с небес под вечер,
Снова сник я —
В который раз! —
От твоих прямых, бессердечных,
От твоих неуютных глаз.

Где уж тут сгоряча, толково
Слово нужное подобрать!
Жаль, что я не сдержался снова:
Прилетел из края лесного —
Надо было пешком шагать.

1953—1955

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Какие его богатства! —
В тайге лишь он царь и бог.

Сводить бы ее за медом
За свежим,
От диких пчел,—
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, все твое!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
— Пойдете в бор на прогулку? —
Она сказала:
— Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

— Смотрите, какие выси,—
Кричал он,— стена стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чаще,
Без устали мчась вперед,
Он стал забывать все чаще,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбрехнула,
Охотник, взведя курки,
Понесся, как ветром сдуло,
На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам,—
Не под руку, где уж там! —
Она едва поспевала
Бежать за ним по следам.

Не мерены километры,
Несчетно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
— Ну как, денек по душе?

Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костер,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор —

Издалека
сначала...
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

1950—1954

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.

1951—1954

СУДЬБА

Злате Константиновне

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

1954

●

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму,
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка песню, что ли, для начала!
«Степь да степь кругом...»
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала,
Степь вокруг без края, без конца.

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко.
У девчонки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы.
Чемоданы сложены у ног.

Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Все казалось новым, незнакомым,
Сизой дымкой даль заволокло,
А запели песню — и как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...»
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Вологжанин с круглым говорком.

Зашумели гуси по озерам,
И на посевные рубежи
Издалека двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит...

1954

АЛТАЙСКАЯ ВЕСНА

Весь май с погодой неполадки.
В колючем инее стволы,
И по околкам куропатки
Еще по-зимнему белы.

Прогноза верного
на сутки —
И то не дашь,
У всех просчет:
Поналетели с юга утки,
А в камышах озерных лед.

Пригреет днем.
Поутру снова
Свежо,
В морозной дымке ширь.
Вот — и украинская мова,
И степь...
А все-таки Сибирь.

Погоды ждать не стали люди.
Но в День Победы, как назло,
Буран хлестнул из всех орудий,
И землю снова замело.

На редкость даже для Алтая
Такая трудная весна,
Из сроков вышла посевная:
То — грязь, то — почва холодна.

Ребята часто балагурят,
Не прочь порою песню спеть,
Но с каждым часом больше курят,
Чтобы усталость одолеть.

И новички, во все вникая,
Работают, ночей не спят.
— Пускай все сразу испытаем,
Лишь крепче будем! — говорят.

— Снесем любую непогоду,
Узнаем в схватке с целиной,
Как достается хлеб народу,
Каким трудом,
Какой ценой.

1954

●

Снег наконец сошел на нет,
Вода в степных логах запела,
Земля раскрылась,
Потеплела,
И небо изменило цвет.

Испытаны, подновлены,
С зарей в бескрайние просторы
Стальные двинулись моторы —
Передовой отряд весны.

Еще посевы не взошли,
Еще трава не зеленеет,
А кажется, что от земли
Уже пшеницей свежей веет;

А кажется — тучней стада,
Добротней стали наши села,
Пригнулись яблони в садах...
Грузовики и поезда
Увозят в степи новоселов.

И жаворонки в вышине
Поют, не складывая крыльев...
Все предвещает изобилье,
Счастливый, хлебный год стране.

1954

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Сошли снега.
В степи весенней
Стихал заметно шум воды.
На новых землях с нетерпеньем
Мы ждали первой борозды.

А первой не было,
И многим
День показался слишком прост:
Без напряженья от дороги
Взял трактор сразу пять борозд.

1955

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Быть может, бор здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Как на кругу, в сырой ложбинке
Иль на припеке близ реки
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колка́ми эти рощи,
Околочками.

Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб все в степях Алтая,
Особенное с давних пор,—
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

И песни, полные значенья,—
Все стало так же для меня
Не требующим разъясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

1954

В НОЧНУЮ СМЕНУ

Подрагивая от натуги,
Ломают плуги целину.
Сидят на сцепе две подруги,
«Москвичкою» зовут одну.

То снег летит, то дождик мочит,—
Весна давно, а нет тепла,
Бывает, хоть реви, нет мочи,
А — ничего,
Идут дела!

Перед зарей на травах иней,
Полынь, куда ни кинешь взгляд...
Под стылым ветром,
Не в кабине,
Согнувшись, девушки сидят.

Обеим кажется порою,
Что не пласты, не целина,
А море бьет у ног прибоем,
Что за волной идет волна.

Подружке Вале все в привычку,
Но Валю тоже клонит в сон,
Ну, а Наташеньку, москвичку,
Вот-вот с прицепа свалит он.

Но обернется Валя, взглянет —
И от тепла в глазах ее
Москвичке сразу легче станет,
И сразу схлынет забытье,

И сразу выпрямятся плечи,—
Вдвоем все можно превозмочь!
Ей так же хочется, чтоб легче
Для Вали стала эта ночь.

И, напрягаясь что есть силы,
Кричит Наташа:
— В добрый час!
Мы не такое выносили!..—
Так повторял отец не раз.

1954

ПШЕНИЦА

Что за пшеница,
Нельзя надивиться!
Как раскустилась,
Уже колосится!

В степь на восходе
Люди выходят —
Светятся лица:
— Что за пшеница!

Доброй работой
Не грех похвалиться.
Дед разошелся —
Не остановиться.

Стала молодица
Опять молодиться:
В поле что праздник —
Как не нарядиться!

Парню-новоселу
Шепчет пшеница:
Самое время
Нынче жениться.

Хочется со всеми
Счастьем поделиться,
Чтобы узнала
И наша столица.

Нашей пшеницей
И солнце гордится,
Вечер настанет —
Не хочет садиться.

Вечер настанет —
Людям не спится:
Все ли готово?
Скоро косовица.

1954

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стукаются лбом.

Вода в Катуни рвет и мечет,
Но кажется — она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугу зажжет —
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч,
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
Вмиг налетевший холодок,
Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели хлынет град?
И нечем
Его налет остановить?
Опять он, все вокруг калеча,
Начнет косой картечью бить?..

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная ширь полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом,
И вздох людской был как мольба:
— Ах, только не было бы града —
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!

1954

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки,
Тронешь березку — она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонечку,
По серебринке.

Дождь по пшеничному полю пронесся —
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело.
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

1955

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

С рюкзаком шагать в густом лесу
Хорошо дорогой проторенной,
Не боишься, что сучок зеленый
Невзначай ударит по лицу.

Хорошо размяться на бегу,
Если лыжи на следу готовом,
Вспоминая благодарным словом
Всех, пробивших этот путь в снегу.

И пахать легко, когда мягка
Жирная земля да крупяная,
Ни пенька вокруг, ни корешка,
Трактора гудят, не уставая.

Хорошо, коль дело на ходу,
Дом обжит, станок в цеху налажен...
Но ведь кем-то должен быть посажен
Первый, слабый черенок в саду.

Есть в сердцах пытливых и отважных
Непреоборимая мечта —
Воду дать земле, сухой от жажды,
Жизнь вдохнуть в пустынные места.

Журавли — и те на трассе звездной
Клином пробиваются вперед,
Головной раскачивает воздух,
Облегчая для других полет.

Не о хлебе об одном мечтаем,
С холодов заботясь о весне.
Всей земле дорогу пробиваем,
Первые идем по целине.

1955

ВАГОН В СТЕПИ

Евгению Евтушенко

Давно не крутятся колеса —
Да просто нет под ним колес.
Но буфера в цветах и в росах,
Вагон в сырую землю врос.

Хоть и кривой и неказистый,
А не палатка все же — дом.
Прицепщики и трактористы
Живут с весны до стужи в нем.

Рассохлись полки, стены тонки,
А все ж оседлость налицо,
Уж не купе, а комнатенки.
Уже не тамбур, а крыльцо.

Что сохранилось от чугунки?
Вагон закончил свой маршрут.
Поутру яйца в гнезда-лунки
Несушки под полом кладут.

На крыше радиоантенна,
Веревка с вымытым бельем.
По вечерам самозабвенно
Поет гармошка под окном.

Но, свыкшись с новым назначеньем,
Вагон на свежем ветерке
Весь в напряженье, весь в движенье,
На службе, а не в тупике.

Опять вдали огонь зеленый,
Мелькает в окнах тот же дым
И фары тракторной колонны,
Как семафоры перед ним.

1955—1956

УПРЕК

Гасит огни больница —
Все не смыкаю глаз.
Что бы тебе появиться
В этот нелегкий час,

В этой, в моей палате,
Хоть на минутку,
Вдруг,
В белом до пят халате:
Все-таки — старый друг!

Сел бы у изголовья.
Вот мы опять вдвоем!
Может, хоть о здоровье
Справился бы моем.

Врозь иногда по году —
Трудно заговорить.
Что-нибудь про погоду
Молвил бы, может быть.

Я понимаю: служба,
Лекции там и тут,
Темы — любовь и дружба —
Отдыха не дают.

Можно ли отвлекаться?
Но ведь и я живой.
Что бы тебе догадаться
Вспомнить о том порой

И хоть перед рассветом
Иль на исходе дня
С темой бы вечной этой
И навестить меня!

1954—1955

ЖИВАЯ ДУША

На стеклах январских узоры:
Подобие чащи лесной,
Тропинки и снежные горы,
Над кручей дворец ледяной.

За дочкой слежу я ревниво:
Ужель не оценит она?
— Скажи, ведь красиво?
— Красиво! —
Но смотрит в поля из окна.

Никак ей в дому не сидится,—
Что толку дышать на стекло?
Надела пальто, рукавицы,
Как только в окне рассвело.

— Осталась бы с нами хоть на день,
Промерзнешь, промокнешь в снегу.
Тут все что душе твоей надо...
Но дочь говорит:
— Не могу!

Что ж, верно! На стеклах растает
Непрочный, как в сказке, узор,
А в поле — поземка живая,
Живой и манящий простор.

И пусть даже выступят слезы —
Дороже ей всякой игры
Дышать настоящим морозом,
Лететь с настоящей горы.

1955

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Бродил я по заречной стороне
И вдруг увидел девушку в окне.
Пусть скажут: «Несерьезный человек!» —
Но я такой не видывал вовек.

С каким-то объявленьем из двух строк
На внутреннюю сторону стекла
Наклеила она простой листок,
Как будто знак любви мне подала.

«Сдается комната!» — я прочитал.
Признаться, я ночлега не искал,
Но тут взглянул —
И до чего ж она,
Та комната, мне стала вдруг нужна!

К окну резному ближе подхожу,
На девушку во все глаза гляжу.
Она молчит.
Рука еще в клею.
И я уже как пред судьбой стою.

Хоть ненадолго захотелось мне
Устроиться в заречной тишине,
В бездымном деревянном городке,
От рощиц и полей невдалеке.

Листок я начал заново читать:
«Сдается комната...
(А что не снять?)
Для одинокого...»
И вот урок:
Зачем я стал дочитывать листок?

Уж лучше б не заглядывать в окно,
Мне жить в тиши заречной не дано.
Условий этих я принять не мог:
Ведь я давно-давно не одинок.

1954—1955

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1955

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не слушайте, когда вам говорят,
Мол, что ни год, становитесь моложе:
Ни часа жизни не вернуть назад,
Листок оторван — день навеки прожит.

Пускай друзья с подарками идут,
Пускай цветы подносят в день рожденья,
Но пусть они в честь праздника не лгут:
Сочувствие честнее поздравленья.

Почаще наливайте им вина.
Пусть пьют до дна, поют свою «Рябину»
И впрямь не видят, что уж седина
Посеребрила вас наполовину.

Нам ни к чему их дружеская ложь,
Не слабого десятка юбиляры:
Стареем понемногу,
Ну и что ж?
Лишь годы проходили бы не даром!

1955

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
«Как дела?»
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

СОВЕСТЬ

1956–1960

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль
о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И — далеко,
чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас
В тепле, в участье,
В братском добром слове.

С любым ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Доверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть не близкий,
Безвестный пусть,—
в беде, в нужде какой,
Спеши ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебною запиской.

Спеши на выручку, других зови,—
Пусть не найдется душ глухих и жестких!
Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!

1956

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая, дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В теплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуясь новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.

Пусть не кичится начальник властью,
Помнит, что он — лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит...

И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как всегда, весна настала в марте,
Ручейки подспудно потекли.
Словно пятна белые на карте,
Исчезает снег с лица земли.

Зеленя напомнили о хлебе,
Пахнет старой, прелою травой.
Раздались проталинки на небо
И по сердцу хлещут синевой.

Над рекою посвисты и писки.
Закипают мутные яры,
А вокруг, как де́вичьи записки,
Лоскутки березовой коры.

И деревья стали выпрямляться.
Все ж тревожно:
Так тяжел был снег,
Что, быть может, многим не подняться,
Не взметнуть вершин своих вовек.

Но в лесу стволов кондовых много,
Хороша их мачтовая стать.
Ведь наверно же они помогут
И подлеску голову поднять.

1956

НА ПРОТАЛИНАХ

Все, что было на́ землю
Нерадиво брошено,
Втоптано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу,—
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения
Вплоть до горизонта
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой,
без клея.

С темных крыш полезло
Ржавое железо...
О вниманье к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце
нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее,
Ненаглядней стало.

1956

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра,
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман — промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

ПРИМЕТЫ

Как я радовалась приметам,
Часто выдуманным самой,
По которым зимой и летом
Выходило одно:
Ты — мой!

От невзгод не скудела сила,
Только б светлыми были сны,
Только б слева луна всходила,
Ведра были б водой полны.

Будто влаги живой пригубишь,
Уронив ненароком нож,
И уж верилось:
                    любишь, любишь,
Несмотря ни на что, придешь!

Подшутить над собой не смела.
Соль рассыпав, теряла речь,
Никогда горбушек не ела,
Чтобы счастье наше сберечь.

Ничего-то ты не заметил
И не понял моих примет.
Что́ теперь мне подковы эти,
Коль тебя в моем сердце нет!

1956

ЕЛОЧКА

Вдали от дома, от Москвы,
От всей своей родни,
Под Новый год остались вы
Совсем-совсем одни.

Я не звонил, не подавал
Тревожных телеграмм,
Собрался вмиг — и на вокзал,
На юг, на праздник к вам.

Казалось, что наедине,
Вдали от шумных дел,
Заговорить удастся мне,
О чем давно хотел.

Я верил: слышные едва
В полуночной тиши,
Дойдут до вас мои слова,
Слова и крик души.

А днем — об этом я не знал —
В посылке заказной
Вам кто-то елочку прислал
Из области лесной.

Хоть не нарядна и мала,
Без восковых свечей,
Она живой для вас была,
Вы радовались ей.

Как я жалел, жалел до слез,
Почти не пил вина,
Что елочку не я привез,
Что не моя она.

Не догадался, как нужны
Для вас на Новый год
Приметы милой стороны,
Дыханье непогод.

Ужели есть для вас родной,
Другой, родней, чем я?
Всю душу отдал вам одной,
А елка не моя.

Сбылось, как думал:
За столом
В предновогодний час
Сидим наедине, вдвоем,
Но елка промеж нас.

Колючая,
За много верст
Пришла, взяла свое.
Вы поднимали каждый тост —
Я видел — за нее.

И вспыхивали огоньки
На зелени ветвей
От вашей ласковой руки,
От ревности моей.

Но я молчал.
Уже восход
Вставал среди вершин...
Встречал я этот Новый год
Совсем-совсем один.

1956

У КАБИНЕТА ИЛЬИЧА

Давно история случилась эта,
А все не меркнет в памяти людской...
У двери ленинского кабинета
Стоял солдат с винтовкой,
часовой.

Стоял с утра, неслышный, неприметный,
Навытяжку,
Прижав ружье к плечу.
Ильич работал.
Коридором светлым
Несли радиограммы и пакеты;
Знакомые солдату по портретам
Товарищи входили к Ильичу.

Плохие с фронта поступали вести.
Шли ходоки,
И Ленин их встречал
И провожал.
И все на том же месте
Солдат с ружьем навытяжку стоял.

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул,
Ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

ПОКАЗУХА

Письмо из родной деревни

Прочитали мы рассказ —
Все про нас да про нас,
До того наглядно,
Складно —
Прямо слезы из глаз.

Прочитали стихи —
И стихи
Неплохи.
Просмотрели кино —
И в кино
Все одно.

Как на выставке дома —
С росписью,
Точеные:
Не дома,
А терема,
Крыши золоченые.

Под конторой — особняк,
Ресторан —
Не чайная,
Не ларек —
Универмаг,
Все необычайное.

Заведенья скотные
Все подряд добротные,
Просто любо взглянуть:
Не какие-нибудь,
А высотные.

По загонам табуны —
Рысаки
Да скакуны:
Гладкотелы,
Быстрокрылы,
На бегах проверены.
Ни одной простой кобылы,
Мерины
Похерены.

А колхозники живут —
И не курят,
И не пьют,
Не ревнуют,
Не скучают,
Слез не льют,
Жен не бьют,
Только книжки читают,
Только песни поют.

Все сознательные,
И красивые,
Показательные,
И счастливые.

Что ни день — гулянья,
«Волжские страдания»,
Свадьбы да потехи.
И в соревновании
Что ни день — успехи.

Все коровы рекордистки,
Все девчата трактористки,
Все молодки депутатки,
Все в довольстве
И в достатке.
Образцовые порядки,
Как во всякой сказке-складке.

Вот какая жизнь у нас,
Прямо — слезы из глаз.
Тишь да гладь,
Достигли цели,
Все имеем, что хотели,
Больше не о чем тужить.

Нам бы в этакой артели
Хоть денек пожить!

1956

●

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство.
А есть еще:
Совесть,
Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

1957

МАРТ

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстоянья,
И от этого сиянья
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной
Млечный Путь на землю лег.
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село́,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намека,
А уж на сердце тепло.

1957

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

До́ма я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрым словом *Вологда* зову.

До́ма я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

1958

БЕССОННИЦА

Кто он — мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не потушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбужден?
Может быть, за всю жизнь впервые
Из столицы направлен он
На далекую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новоселов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.
А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежно-бел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блестках шелковые подтяжки.

Громыхает вагон,
Будто вскачь —
Не по рельсам —
Поезд несется...
Может быть, мой сосед — «толкач»,
А «толкнуть» не все удается,

И от мелких забот,
От хлопот
Даже за полночь нет спасенья?
Может, совесть его грызет?
Иль спешит он на важный слет
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети —
И едва припадет к подушке,
Как встают на его пути
Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
— Вы бы, право, ложились спать! —
Но молчит сосед,
Как не слышит.

За окном мелькает луна.
Спутник мчит по своей орбите.
Что еще вам?
Чего хотите?
Доброй ночи!

Спокойного сна!
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колеса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...

Ой, как многим людям у нас
По ночам еще плохо спится.

1958

⁂

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже,—
Больше разницы никакой.

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блуднóво,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов,— приезжай, гостú! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток, и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове.
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня нещадралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба,—
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,—
Рассказывает мать,—
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

•

Всполошились над лесом воро́ны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пущи,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А воро́ны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

1958

ВСЕ МОЖЕМ

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем:
Мы молоды
И все — впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на севере,
В торосах почти,
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму,
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает — искать самогонки
Или самоварчик подать.

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

1958

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья!..—

Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся,
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя!

1958

●

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд,—
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего —
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам? —
Все извечное...

Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

РОДНИЧОК

Грохот моря слышен издалёка,
Блеск его пугает и слепит.
У воды ни отдыха, ни срока —
Берега гранитные дробит.

А родник осоки не колышет,
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться — чтобы разглядеть.

Но вода и в нем стоять не любит,
День и ночь без устали поет.
Кто отыщет — припадет, пригубит,
А припав — не отрываясь пьет.

И опять придет, как на свиданье,
И заглянет в холодок, на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

1958

●

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний,
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает и садится.

Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз, не моргая,
Наблюдают за мною.

Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Все, что думаю,— знают,
Все, что делаю,— видят.

Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволине.
Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.

И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.

Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят —
Ну и пусть:
Я же дома!

1958—1967

●

Все земное могучим
Распускается цветом.
Только ивы плакучи
Как зимой,
Так и летом.

На опушке — проселок,
След колхозной трехтонки.
Оклики перепелок
Оглушительно звонки.

И — цветы.
Их так много —
Диких, северных, пышных,
Тоже все на дорогу
Словно б из лесу вышли.

Вдруг поднимется ветер...
Но зачем мне все это,
Если нет тебя, нету
И не знаю я — где ты?

Все не в радость, не в диво.
Мир тобой не озвучен.
Знать, поэтому ивы
Даже летом плакучи.

1958—1967

•

Я встретил женщину.
Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел — смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какою сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь мою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю!
Как не признать? —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы — каково живешь?
Был на войне-то?

— Был.
— Вишь... уцелел.
Но до чего ж ты, милый, постарел!

1958

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысячи ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу:
— Торопись, ровесник! —
Счастливое утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

ПАМЯТЬ

По вологодскому Заречью
Бродил я вечером,
Как вдруг
Счастливый кто-то
                    мне навстречу
Метнулся с криком:
— Здравствуй!.. Друг!..
Забыл?..

— Да нет же! — отвечаю
И что-то мямлю про года,
А сам мучительно гадаю:
Где с ним встречался
И когда?

Лицо знакомо,
Голос тоже...
И как неловко стало мне,
Когда припомнил, сколько прожил
Я с ним в окопах на войне.

А то еще — оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел,—

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог.
И обижал,
И обижался
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

1958

•

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

СНЫ

Мы и во сне себя обманом тешим.
Сны повторяются:
Одни люблю,
Те, в коих я и молод и безгрешен,
Другие — ненавижу, не терплю.

Вот сон:
Шагаю вдоль села родного
Среди своих угрюмых земляков,
Творю добро:
Кому-то брошу слово —
И людям жить становится легко.

Или еще:
Над пожнями, над полем,
Раскинув руки, как орел лечу,
Землей, и небом, и собой доволен,—
Под силу все, чего ни захочу.

А ныне злой меня измучил сон,
Болезненный, он тянется часами.
Все неизменно в нем:

Она и *он*
И сам я
Со своими кулаками.

Она уходит от меня к нему.
К кому — не знаю, вижу, что уходит
Решительно,
При всем честном народе,—
Нет меры униженью моему.

Согнуть! Сломать!
Оправдан гнев любой.
Не до добра мне —
Душит оскорбленье,
Бессилье...

А приходит пробужденье —
Стыжусь себя:
Я был самим собой.

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С полчаса он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову
Как награду бы я берег,
С ней носился бы по Блудно́ву,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла
И любовь моя к отчему дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

●

Да, отзывчивая, да, сердечная! —
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздох дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого, далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой родной человек терзается,

По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе-горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

●

Все удивительно в тебе опять
И ново, ново...
До́ ста лет мне жить
И до конца тебя не разгадать —
И, значит, до ста лет не разлюбить.

1958

●

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным слогом все не уживаюсь.

Опять пришлось с людскою маетой
Столкнуться в министерских коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный ворох,
И не мирилась совесть с немотой.

А все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог.
А чем она, родная, виновата?

Еще в передней грянула гроза,—
Попробуй сладить с этим раздраженьем! —
И добрые, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чем не провинившегося друга.

1958

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

ИСПОВЕДЬ

Я много писал про охоту,
Рассказывал больше того
Про зорьки в лесах, на болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
И совесть велит:
«Не таи,
Держи ответ на народе
За все прегрешенья свои!»

Наверно, нельзя не стыдиться,
Но надо ж и правду любить:

За всю свою жизнь
ни лисицы,
Ни волка не смог я убить.

Хвалился,
А все же к победам
Касательства не имел.
И что говорить про медведя —
Косули не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты —
И в том оправданье мое.

1958

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастая издалека —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных вьюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —
Опущены крылья,
Развернут хвост —
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок,
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь! —
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь! —
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

1959

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время свое берет?
Добреет и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренним,
Простым,
Как с самим собой?

1959

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дому
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень понятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили, —
Много ль надо ей добрых примет?
Лишь бы в срок петухи голосили —
И повсюду со мною Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

●

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув,—
И в сердце не будет места гордыне,
Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достойно ль царя природы
делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

НАХОДКА

Бухта Находка.
Зеленый туман.
Берег местами дикий.
Бухта...
И все-таки океан,
И даже Великий.

Перед рассветом прилив у ног.
Дня зарожденье мудро:
Первый проблеск,
Первый намек,
Но это уже утро.

Город возник из планов и смет,—
Как он волнующе молод!
Десять каких-то неполных лет,
Но это уже город.

Краны, как вышки, и корабли.
В скалах слои косые...
Мы — на краю,
У начала земли,
Но это уже Россия!

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык Луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

1959

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забивая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались в скворешни —
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю,—
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Не могу мириться с немотой,
И со слепотой,
И с глухотой.
Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?

Разве не повеяло теплом,
Не гремит на речках ледолом?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль старик вахтер всему виной?

Прописной бумажный мир души
Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

●

Промыли в окнах стекла
Студеною водой:
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.

Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.

Не спутаешь с осиной
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым.

Идет дорога прямо
По краю целины,—
Теперь на ней все ямы,
Все рытвины видны.

Видны людские лица,
Луга, поля вокруг,
И где растет пшеница,
А где сплошной овсюг.

И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

1959

ЧУДЕСА

Мир чудесами удивляем
И сами,
              глядя в небеса,
Как будто слов других не знаем,
Почти с испугом повторяем
Одно и то же:
— Чудеса!

Но на какое-то мгновенье
До каждого доходит вдруг,
Как откровенье,
Как прозренье,
Что это ж — наших рук творенье,
Все это дело наших рук.

И каждый — что бы он ни значил,
Где б ни работал, ни служил —
В решенье сказочной задачи
Свои, пусть скромные, удачи,
Свое терпение вложил.

Не будет сказано обидных,
Неверных слов на этот раз,
История сказать не даст:
Нет для нее простых, невидных,
Нет маленьких людей средь нас.

1959

РАЙОННАЯ КРАСАВИЦА

Деревня.
Зори вешние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу грешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любуется,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платьица фасонного
Рукав до локотка.

Идет, как землю щупает,
Обувочкой форсит,
И семечками хрупает,
И глазками косит.

И, затаив дыхание,
Все, сколько есть ребят,
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы — с места в пляс.
Уж так она им пó сердцу,
По нраву —
В самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения,
И эти украшения
При девичьей красе.

Меня как не касается
Ее надменный вид...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки? —
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

●

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примиренью,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

1959

●

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно,
И неустанно.
Что же от глаз моих прячешься?
Странно...
Ты для меня и теперь молода.

1959

ТОЛЬКО ЖИВИ!

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада,—
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной,
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись своим видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не зазря растрачена сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела,—
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи!

1959

•

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

МЕНЯ ДОБРУ УЧИЛА ВСЯ РОДНЯ

К сиротской доле относясь с участьем,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал
с пристрастьем,
Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!..—
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, родимая, казнишь меня?

1959

●

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влеченье,—
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли леченье?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Также в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство, и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Сто́ит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые, плутаем,
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

1961—1965

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать,—
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
шуршит листва,
Слышу:
сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
с четырех сторон,—
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:
И птицы не так поют
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!

1961

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На́ год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,

Как удавалось
В седьмом
И в десятом —

До онеменья,
До ослепленья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

Может быть, в этих
Наивных записках
Вдруг обнаружится
Божия искра.

И превратятся
Мои откровения
В самые лучшие
Стихотворения.

1961

ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,
А ночью
В лесу,
Когда тени густы,
В груди появляется вдруг пустота,
Как перед прыжком
с большой высоты.

Из-за чего бы?
Ведь я — один:
Ни ветра в верхах,
Ни возни в кустах...
Но из каких-то тайных глубин,
Из недр души
поднимается страх.

Отчаянным называют меня.
Быть может, и впрямь
я таким кажусь,
Был на войне —
не бежал от огня...
Так почему ж темноты боюсь?
Иль неизвестность пугает меня?

Как клеветы —
Темноты боюсь.

1960—1964

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчелы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчелы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел
Урвать дарового меду.
Весь день искал,
Ничего не нашел:
Непросто теперь набрести на пчел,
С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,
Воздух — не надышаться!
А пчелы...
Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мед!..
Лежу на земле,
Гляжу в небосвод —
Не на что обижаться.

1961—1962

БАБОЧКА ОЖИЛА

Бабочка ожила,
Летает у потолка,
Трепетных два крыла,
Словно два фитилька.

Мягкий заслышав звук,
Прячется в тьму угла
Серый, как тень, паук:
Бабочка ожила!

Может, не ожила —
Только что родилась?
Жизнь, как и не была,—
Заново началась?

Вот, подмахав к окну,
Бьется она в стекло.
Может, это весну
В комнату занесло?

Перестаю дышать,
Глаз не оторву,
Только б не помешать
Воскресшему существу!

1961

ПРИШВИНСКИЙ МОСТИК

И мостик этот, и ров с колодинкой,
И мхи, и ягодник он любил,
И речку,
Которую звали Родинкой,
Должно быть, по-своему боготворил.

Пока согласовывали
Да увязывали,
Чтоб Пришвинским мостик этот назвать,
Мы просто разным людям рассказывали,
Как он любил здесь сидеть, стоять.

Качнется ли в хвое белочка быстрая,
По берегу плисточка пробисерит —
Он весь замирает
И смотрит пристально,
Как будто сохач рога свои выставил
Иль в небе чуть видный орел парит.

Конечно, вопрос завяз неувязанным.
А годы идут,
Перильца гниют...
Но все-таки люди
самые разные
Пришвинским мостик этот зовут.

1961
Малеевка

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Сказка лучше были,
Хоть порой и проще.
Как-то жили-были
Зайцы в нашей роще.

Жили любо-мило,
Хорошо им было:
Сухо, многолесно,
Тихо
И не тесно.

Добрые соседи
Не чурались заек,
Всем хватало снеди,
Солнца и лужаек.

По ночам питались,
За день отсыпались.
Думать о грядущем
Даже не пытались.

Как в своей усадьбе,
Жили, не тужили,
И справляли свадьбы,
И зайчат плодили.

В пику пересудам
Не были трусливы...
И твердили всюду,
Что они счастливы.

Только навалилась
На косых немилость!
Рыжая лисица
В роще поселилась.

Рыжая лиса...
Тут и сказка вся.

1958—1961

ДОМБАЙ

То ли горы, то ли облака,
То ли овцы, то ли валуны?
Огненная лава иль река?
Кратеры по краю ледника
Иль воронки бомб — следы войны?

Твердь земли крутая, как стена,
Разрисованная вкривь и вкось,
До бездонных недр расслоена
И просматривается насквозь.

Ни тропинок козьих, ни дорог,
Только пересохшие ручьи.
Терн шипит и жжет подошвы ног,
Молнией сверкнул язык змеи.

Листья трав колючи, как ежи.
Каменные грани что ножи.
Даль раскалена,
Запылена...
Где ж ты, заповедная страна?
Но владеют миром миражи,
И в глазах людей —
Голубизна.

1961

В ГОРОДЕ КАССИЯНЕ

Что-то дантовское, что-то адовое,
Неожиданное,
Невиданное,
Небывалое угадываю,
Ощущаю необыденное.

Как мираж в песках, переменчива,
Полусказочная,
Как вселенная,
С львиной гривой,
Почти не женщина,
Несравнимая,
Несравненная.

Безрассудно незаземленная —
Слышу только сердцебиение,—
Окрыленная,
Всегда влюбленная,
Воплощенное вдохновение.

Для меня, как дорога дальняя,
Как дыханье, необходимая.
У плеча,
А почти нереальная
И уже навсегда любимая.

Вдаль глядим,
Стоим пораженные,—
Встреча это иль расставание? —
Зачарованные,
Завороженные,
Обреченные на молчание.

1961

СМЕРТЬ БЕРЕЗКИ

Пробивалась березка к свету
Из колючего хвойника.
Тонкий ствол, будто след ракеты,
Поднимался под облака.

Кисло пахло гниеньем,
Тленьем,
Мхом болотным,
Сырой травой.
Редко, редко, как избавленье,
Как надежда на избавленье,
Солнце вспыхивало над головой.

Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась —
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землей потеряла связь.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды,
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуяв чужой беды.

1962

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце,
                спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчанье.
В ней — те же луна, луга, облака,
То же мирозданье.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с бадожком,
Душа и глаза — настежь.

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

1962

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжельше воз,
Кто больней скрипит от непогоды!
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

1962

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.

В получасе шаганья
От деревни Блуднóва
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пýстынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть,—
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с Змееедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобринином Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднóве появилось радио —
Поет,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
                    став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
                    вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
          где столько лет я прожил,
Душе моей навек засватанной
Еще дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все остальное.

1962

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ...

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж столько было красных ягод!
Не соврем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год,
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли? —
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора
Рыжичков,
Чтоб вспомнил о родне?

Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы —
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

ТОПЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
                    ясно и жарко —
Я это вижу с улицы темной —
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая, словно домна.

Стоят за челом чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых клеенкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетах,
Соль в солонках
И черные чугунищи.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,
Заранее скручивает сигарету,
По-старому —
козью ножку.

Дети с ложками — стайкой к посуде:
Еда с паркóм,
духовита.
Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком —
Пора на работу!

1962

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О эти дуги над дорогой
В краю синиц,
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много,
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матерые метели
С землей месили облака.

И как под тяжестью Вселенной,
От напряженья белы,
То постепенно,
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга —
Лес был неистово красив,
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давленьем света
Свисали ветви сосен вниз.
Вершины елей, как ракеты
Под небом праздничным, рвались.

И всюду дуги, дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

И всюду ходы, переходы,
Валы и рвы зимы самой...

И я —
Сам бог и царь природы —
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный,
Немой.

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыханье,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге всё, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
Разогнитесь!

1962

НА ЗАЯЧЬИХ ТРОПКАХ

Зайца троплю,
Стужу терплю,
В снежных полях
Силу топлю.

Он — от меня,
Как от огня.
Перехитрить
Хватит ли дня?

Хоть бы залег
В ров или в лог!
Хоть бы мне бог,
Что ли, помог!

Зайца троплю,
Бога молю:
— Дай застрелю!
Дай застрелю!

Но и хвоста
Увидеть не смог:
Бог не помог,
Черт не помог.

Скидки, ходы
Туды и сюды:
Только следы,
Только следы.

Не доберу!
Не оцеплю!..

В снежном бору
Время гублю.

1962

РЯБЧИКИ В СНЕГУ

Рябчики в снегу
В сухом,
Пушистом.
Полем чистым,
Берегом лесистым
На лыжах бегу.

Ход замедляю,
Ружье снимаю:
Сейчас застрелю
Иль живого поймаю.

Бьюсь,
Гнусь,
Крадусь,
Вышагиваю,
А наткнусь —
Вздрагиваю.

Снег взрывается —
Рябчик взвивается
И сразу за ель,
За березу скрывается.
Просто издевается!

Ведь ничего
Нет недоступного:
Хотя б одного!
Хотя бы некрупного!

Комочек пушистый...
А небо морозное,
Закат огнистый —
Время позднее.

Уже усталость
К ногам привязалась.
К дому тянет...

Рябчики в снегу
Совсем как в сметане,
А взять не могу.

1962

ДВА БРАТА

Парнек — пришла пора — влюбился
И, хоть молод был и не удал,
Не скрывал любви
И не стыдился,
Месяц-два еще бы — и женился,
Так и матери своей сказал.

Никаким событьям чрезвычайным
Ни за что бы не смутить покой,
Но явился в отпуск брат случайно,
Старший брат:
Конечно, не начальник,
Все ж не сельский житель —
Городской.

Может быть, на девушку простую
Даже взгляда не скосил бы он,
Может, не заметил бы такую,
Если б младший не был так влюблен.

И пошло крученье и верченье,
Красные да сладкие слова.
А от городского обхожденья
У девчонок, как от наважденья,
Кру́жится дурная голова.

Что удачей,
Что судьбой зовется?
Счастье — тоже, каково оно?
Жить бы всем, как надо,— не живется,
Песни петь бы,
Да не всем поется
И любить не всем равно дано.

Время к девушке явиться сватам,
Паренек к ней сватов не заслал,
Сам гулять не выходил к ребятам,
Перед старшим братом спасовал.

А старшо́й свой отпуск отгулял
И опять один умчал куда-то...

1962

ВЕК НЕ ТОТ

Тот же дом под старой крышей,
Под окошком тот же снег,
Так же много ребятишек,
То же поле,
Тот же век.

Та же зыбка у печурки
С рычагом под потолком,
И слюнявые окурки
В мусоре под голиком.

Все обычаи живучи.
Так же пышет печь теплом,
Так же сушатся онучи
На жерди перед челом.

И мои онучи сохли
Точно так же.
Жизнь как жизнь:
И клопы не передохли,
И сверчки не извелись.

Но, увидевшись впервые,
Мы с ровесником моим
Все проблемы мировые
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета
О последних новостях,
О космических ракетах,
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе
Ночь проспорим не одну
О Китае и о Кубе,
О Лумумбе и У Ну...

Те же избы,
Те же печи,
Так же полон рот забот,
Но совсем иные речи:
Век не тот,
Не тот народ!

1962

И СТАЛИ МЫ ПИТЬ ЧАЕК...

И. М. Воронину

Ночую у председателя
осиновского колхоза.
В избе курятник с леггорнами,
двухмесячный поросенок,
а на столе клеенчатом
в горшке молоко топленое,
да свежее мясо,
да яйца,
да самовар под парами
для облегченья беседы.

— Жена! — говорит председатель.—
Я в дом привел человека,
нам надо поразговаривать,
он будет у нас ночевать.
Закуска твоя законная
и самовар под парами,
добавь только клюквы да рыжиков;
а молоко топленое —
оно не от той коровы.

Жене многоопытной
с полуслова
понятна мысль председателя,
давно ее дом приветливый —
что постоялый двор:
упрятав горшок в судёнку,
она достает из подполья
теплую, как из-за пазухи,
гладкую,
зеленоватую,
бешеную бутылку.

А я молоко жалею:
я выпил бы с удовольствием
стакан и другой горячего
с коричневой жирной пенкой,
свежего,
не порошкового
с душистым ржаным пирогом,

и шировеги отведал бы,
и рыжиков бы попробовал,
и клюквы бы надавил.

— Гостей молоком не потчуют.
Вы — гость! — говорит хозяин.—
И дружбы мужской не замешивают
на ягодах и молоке.
Садись к столу, Николаевна,
да угощай по обычаю:
в горячий чаек для крепости
залей по стопке горючего,
да сахару не жалей!

Надежда Николаевна
с десяток яиц намыла,
на вышитом рукотернике
спустила их в самовар,
густой навела заварки,
сладкой
и запашистой,
липучей,
с ликером схожей,
разбавила, чем положено,—
и стали мы пить чаек.

Пьем зелье
и разговариваем
о пропашных культурах,
о том, как вести хозяйство
в согласье со схемой и модой,
не подрывая колхоза,
как выстоять председателю
меж двух,
даже трех огней...
Беседа наша спорится
и без молочных блюд.

И мне уже это нравится:
тепло
и светло на душе.
Затих под шестком поросенок,
петух заорал в курятнике,—
уже далеко за полночь.
— Пусть Надя нам снова нальет!

Потом я встаю и ощупью
иду к продавцу на квартиру
еще за двумя бутылками...

Скисает
в горшке
молоко.

1962

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши́ — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики — снегири;
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой...

Нас к этим словам приваднла мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва —
Песню нашел,
и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

Георгию Леонидзе

Живем на разных концах земли,
Годами порой никакого общенья,
А с каждым новым стихотвореньем
Мое удивленье,
И восхищенье,
И преклоненье пред ним росли.

Но вот я в больнице
Вдали от родни,
Больница какая ни есть — больница,
Мне в горы бы, к морю,
На озеро Рица,
А я как в неволе:
Бесцветные дни,
Ни естся, ни пьется,
Даже не спится.

За стенкой из крана течет вода.
Опять уколы
И сульфамиды.
Какие-то зреют в душе обиды —
На что? На кого?
Да так, ерунда...
И вдруг появляется он —
Тамада.

Как мало я знал о нем, тамаде:
Ведь речи застольные —
Только речи,
А человек раскрывается легче
Не на пирах,
А в беде,
В нужде.

Дохнуло огнем виноградных
Поэзией солнца,
И я, как мальчишка,
Как школьник, ликую,
А он — Дед Мороз
С душой нараспашку,
С кульками под мышкой,

Неугомонный
Как добрый дух,
По-новому ставший близким до боли.
И отлегло ощущенье неволи:
Раздвинулись стены,
Воспрянул дух.
Пришел — и не надо мне пуда соли,
Чтобы почувствовать:
Это — друг!

Так день за днем,
И быстрей вдвойне
Ко мне возвращалась прежняя сила:
Он рядом —
И я не в чужой стороне,
Уже разговор на одной волне,
Он — рядом, и кажется,
Будто мне
Сама Иверия душу открыла.

1962

ПРОСЬБА

В Тбилиси на мраморном надгробье А. С. Грибоедова, поставленном его женой, Ниной Чавчавадзе, высечена надпись:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя?»

Окрыли меня, страна гор,
Одари светом душу.
У меня один разговор,
Как у рыбы,
                    выброшенной на сушу.

Если можешь, в сыны прими,
Мне дворцов от тебя не нужно.
Помоги взлететь,
Подыми —
Там подхватит поток воздушный.

Приучусь к твоему труду
И к камням прикипеть сумею,
И любую твою беду
Назову судьбою своею.

Силы есть
И годов запас...
Но чтоб жизнь начинать сначала,
Мало мне
              одних
                        моих глаз,
Одного сердца тоже мало.

Мало просто расправить грудь,
Разогнуть усталую спину.
До конца ко мне щедрой будь:
Подари мне
Верную
Нину.

1962

ТЕРЕК

Переехав его на машине
Не по мостику —
Вброд,
В котловине,
Не на равнине,—
Через мутный водоворот,

С валуна на валун
На «Победе»,
На обычной, на легковой,
Я характер его изведал
И теперь говорю:
Он мне — свой!

И, прожив полсотни без мала
Не в затишье,
А на юру
Так, что в жилах кровь клокотала,
Я его в собратья беру.

Я его бесконечно моложе,
Все же,
Крайностям вопреки,
В чем-то мы по характеру схожи —
Однокашники,
Кунаки.

1962

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

Как сказать мне для прекрасной Лалы...

С. Есенин

Убери свои губы, Нуну́,
В одиночку перебедую,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Ла́ли —
В чести и в холе?
Раз я был приглашен к ней в дом,—
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нее.
Ты же знаешь Лали?..
Убери свои губы, Нуну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,
Какая сила!
Только я боюсь маеты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел,
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признáюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

1962

СО СТОРОНЫ

Я на вас гляжу со стороны,
Подойти, заговорить не смею.
Лес. Палатки.
Плеск речной волны...
Добрый смех ваш,
Милые затеи
Всех волнуют чем-то,
Всем нужны.

Будто речка, что свалила вдруг
Опостылевшую ей запруду,
Расшумелись вы среди подруг,
Удивляясь,
Радуясь, как чуду,
Что вокруг вас небо, роща, луг...

Вдохновеньем вашим оживлен,
День воскресный
С песнями, с весельем
Чем-то стал похож на новоселье,—
Вам за это ото всех поклон.
Как, должно быть, с вами жить легко!
Мир устойчив
И благоустроен...

Но в сторонке
Под колючей хвоей
Муж ваш тянет целый день пивко.
Кем расстроен?

Чем обеспокоен?
Подошли б, узнали, что такое,
Расспросили б...
Это ж так легко.

1962

ДЕБОРА

Красивое имя — Дебора,
А в чем красота — не пойму.
В нем что-то от дикого бора,
От запахов хвойных в дому.
А ты — в городском терему
За красным высоким забором.
Хорошее имя — Дебора.
В лесу зазвучать бы ему!

«Дебора, уже рассветало!»
«Дебора, стемнело уже!..»
В каких ты краях побывала?
И что у тебя на душе?
Тебе бы скорее пристало
В моем обитать шалаше.

Вот в платьице с синим отливом,
Босая, коса на весу,
Ступая по мху боязливо,
Идешь над зеленым заливом —
И травы роняют росу.
Глядят на тебя, как на диво,
Все звери, все птицы в лесу.

Красивое имя Дебора —
С брусникой, с грибами в ряду.
Брожу по лугам, по озерам,
Ревниво твержу на ходу:
«Дебора, Дебора, Дебора!..»
Ужели я зря тебя жду?

1962

•

Я опять хочу притулиться
У немилой своей родни,
Все равно жене не отбиться
От бесчисленной ребятни.

Оправдаться смогу едва ли,
Но не тянет на свой порог:
Ребятишки жену отняли,
Многодетный — я одинок.

Не судите, сынки и дочки,
Заночую на стороне,—
Может, выстирают сорочку,
Может, брюки погладят мне...

1962

МИР — ИЗ ОГНЯ

Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин в жизни встречалось —
Вижу только одну.

Встретил ее —
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня:
Заново — твердь,
Заново — свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.

Все — от нее,
По ее веленью,
Счастье и маета.
Может, прорежется новое зренье?
Может, как высшее просветленье,
И на меня снизойдет слепота?

Как обо всем об этом сказать?
Что ни скажу — солгу.
Страшно смотреть мне в ее глаза,
И не смотреть не могу.

В море тонул я,
В пустыне рыжей
Околевал не раз,
Падал под пулями —
Выдюжил,
Выжил!
Выживу ли сейчас?

1962

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Еще вчера была жара.
Сегодня жгу костры.
Еще вчера была гора,
Сегодня нет горы.

Еще вчера в душе был бог,
Я жить и верить мог,
Теперь ни веры, ни любви:
Как хочешь — так живи.

Еще вчера...
И все — дотла.
Сгорело...
Замело...
Земля вокруг белым-бела,
В душе голым-голо.

2

Часто я вижу тебя во сне,
В жизни реже случается,
Но и во сне
Все не по мне:
Сердце не согревается.

Трудно живу,
Молча живу,
Молчу до ожесточения,
И не сказавшееся наяву
Врывается в сновидения.

Как же должна быть душа полна
Горечью и обидами,
Если ни разу доброго сна
Я про тебя не видывал!

1962

ОГОНЕК

Светлячок во мгле —
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
Сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонек,
огонек —
Свет в моей груди.

1962

ВСЯ ЖИЗНЬ НА ВИДУ

Весна по всем статьям хороша!
В лесу и в саду
Вся жизнь на виду,
Все краски в цвету,
Все соки в ходу,
Весной любая живая душа
Ликует и свищет в свою дуду.

В рыбачьей избушке,
В птичьем гнезде,
В просвете шатра,
В проеме окна —
Дыхание неба, голубизна.
Весна — это люди на борозде,
Ракеты на старте —
Тоже весна.

Ее порожденье —
Цветы на лугах,
Надежда в глазах,
Кумачи на домах,
Ее продолженье —
Сено в стогах,
Плоды на возах,
Хлеба в закромах.

Все силы,
                что скрыты были в зерне,
Бродить начинают
В квашне,
В вине.
И тем она людям мила вдвойне,
Что нет ни конца, ни края весне.

1960—1963

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока,
Даже конек налицо.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.
Большего в жизни не надо —
Только сиди
Пиши.

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать.
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

1962—1963

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остается недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Вологда
И Ока.

Льдины вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей.

Тронутся — не остановишь —
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сел.

Грохотом обдавая,
Холодом леденя,
Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу —
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешние воды...

Хлынули бы скорей!

1963

ВЕСЕННЯЯ БОЛТОВНЯ

С зимы о весне мечтаем,
Живем, как в волшебном сне,
Болтаем,
Болтаем,
Болтаем
О ростепели, о весне.

А стужа —
Она крепчает,
Все толще на речках лед,
И ветер, свистя, наметает
Сугробы у наших ворот,

До самых высоких окон,
До чердаков,
До крыш.
А до весны далеко,
Далеко —
Не разглядишь.

Деревья сгибают плечи
Под тяжестью снежных глыб,
Клестам пробиваться нечем,
И воздуха нет для рыб.

Солому с сараев срываем,
По норме скоту корма,
И все болтаем,
Болтаем,
Что не навек зима.

А только весна наступит,
Сломает,
Растопит лед —
Вода забурлит, как в ступе,
И тоже
Болтать начнет.

1963

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Дресвы не боюсь на тропке...
Все лишние электротоки
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце
И совесть будет чиста.

1963

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Памяти М. М. Денисова

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — местечка...
дорогу — логу...»
А сенокосы
по речке Козловке
снова
Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.

Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...
А заливные луга
кругом
стоят как стояли.

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

1963

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединялось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.
А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто — муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок,—
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

СПАСИБО СОЛНЦУ!

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и всё на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.
У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце.
Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире,
как не Яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика
на Бобришном Угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе!

1963

КРИЧАЛИ ГРАЧИ

Теперь здесь лен-долгунец,
пшеница,
И рожь любой похвалы достойна,
Земля добра.
А в этих границах
Была когда-то
уездная бойня.

Все в памяти живо:
крапива, кустарник,
Высокий забор по берегу речки,
Березы, как в парке...
А пахло овчарней
И кровью,
тоже, конечно, овечьей.

В березах грачи кричали тревожно,
Но жизнь текла —
светла и спокойна.
Работа спорилась,
Все шло как должно:

По форме,
По норме
И в очередь —
Бойня!

И только когда прибывала отара —
Преображалась мирная пристань,
Как будто белые клубы пожара
Врывались сюда
из далей лесистых.

Вдруг начиналось столпотворенье,
Шараханье
от березы к березе.
Куда исчезало овечье смиренье?
Покой и порядок —
Все под угрозой.

Повалят забор
да ринутся с кручи —
Стихию
попробуйте укротите!
Но был на бойне
на этот случай
Баран Гапон,
Баран-предводитель.

Понятно, ему особое пойло,
Запарка,
заварка,
муки в излишке,
Охранный билет,
особое стойло
И никакой там стрижки
и брижки.

Барана пускали
в смятенное стадо,
И он,
отъевшийся,
мудрый и старый,
Легко восстанавливал нужный порядок
И неторопко
Туда, куда надо,
Тянул за собой овечью отару.

Кричали грачи
тревожно,
по-грачьи
Над мирной, как парк,
уездною бойней...
А если б грачи кричали иначе,
Казалось бы — неспокойно.

1963

К СОБСТВЕННОМУ ЮБИЛЕЮ

Встревоженные врачи
Неловко отводят взгляд:
Попробуй теперь лечи,
Когда уже пятьдесят.

Не двадцать,
Не тридцать лет,
А круглым счетом
Полста,
И меньше не стало бед,
Не кончилась маета.

Ах, милые доктора,
Меня не спасет обман,
Такие ли мастера
Латали тришкин кафтан!

Снежок задувает с крыш,
Душа дрожит у огня.
Уже не омолодишь,
Не растолкаешь меня.

Болезнь далеко зашла,
Микстурками не излечить,
Границы добра и зла
Нельзя уже различить.

И сил не вернуть сполна.
Терзайся,
Тоскуй,
Жалей,

Разгадывай — чья вина...
Не лучше ли взять вина
Да отколоть юбилей.

1963

ЗАЗИМОВАВШАЯ ЛАСТОЧКА

Из Георгия Леонидзе

В осень похолодавшую
Жалко невыразимо
Ласточку зазимовавшую,
Жизнь, пролетевшую мимо.

Где уж мечтать об Индии! —
Не улетела птаха.
Даже тростник заиндевел —
Песнь замерла от страха.

Кончится жизни горение —
И нет тебя на примете,
Не одолжишь мгновения
Ни у кого на свете.

Время смывает начисто
Горе и радости буден.
Зазимовавшая ласточка
В небе парить не будет.

И никого не утешу я:
Станут землей и дымом
Ласточка неулетевшая,
Жизнь, пролетевшая мимо.

1963

ОСТУДА

Нет в любви ее ревностной
Ни добра, ни просвета.
Извела меня ревностью,—
Может, ненависть это?

Оскорбительным бдением,
Ежедневным дознанием,
Нарочитым смирением,
Исступленным молчанием...

Извела,
Измотала,
Все ей мало.
И сама до бессонницы,
До остуды устала.

А теперь обижается —
Редко в дом заявляюсь,
А теперь удивляется,
Что от рук отбиваюсь.

1963

АЭЛИТА

Очень хочется полюбить
Безответственно,
Безрассудно,
Молодеть
И других молодить,
Плыть под ветром весны попутным.

Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.

Слой листвы прошлогодней сгнил.
Сквозь покров
Перепревший, ржавый
Среди тысяч братских могил
Изо всех своих свежих сил
Пробиваются новые травы.

Буераки еще в снегу,
Но по склонам гнездятся птицы,
Над деревьями гам и гул.
Очень хочется преобразиться,

Петь по-птичьи,
А не могу
Ни к чему,
Ни к кому прибиться.

Разнесла весна все мосты,
Путь-дорога моя размыта.
Но другая —
к звездам —
открыта.
На какой же орбите ты,
Моя
Аэлита?

1963

ХЛЕБ СОЗРЕЛ

Хлеб созрел.
Обвисли плоды.
Степи желтые. Небо синее.
На привале вместо воды
Апельсиновый сок.
Мы в Румынии.

Я с комбайнером на борозде,
Как с дружком-земляком, беседую:
Уваженье к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Он, как бог, стоит
В полный рост,
На ладони зерно разглядывая.
А зерно течет вроде звезд
Промеж пальцев
Живой прохладою.

Все мне близко здесь, все сродни,
Душу радуют дни погожие:
И волненья у нас одни,
И заботы,
И думы схожие.

Руки к желтым ручьям тяну
И горжусь
И хвалюсь пшеницею,

Будто я у себя — на Дону,
На Кубани,—
Не за границею.

1961—1964

ДУНАЙСКИЕ КОНТРАСТЫ

Буйволы тяжелорогие,
Мохнатые,
Молчаливые
Шагают по желтой дороге,
Как призраки неторопливые.

Глаза у них студенистые,
Как лыжи — копыта длинные,
Хвосты, что бичи, посвистывают
Над пропотевшими спинами.

Всё — древнее,
Довоенное,
Скрипучее,
Деревянное,
И поле будто яремное,
И небо вроде саманное.

А рядом шоссе раскаленное,
Несутся машины быстрые,
То черные,
То зеленые,
Неистовые, как выстрелы,

На поворотах взвизгивая —
За легковой легковая,
Солнце вокруг разбрызгивая,
Музыкой обдавая.

Мне в диво не эти молнии,
А то, что рядом
Безмолвные
Буйволы, как привидения,
Вышагивают без удивления.

1961—1964

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

К тракту почтовому, как на площадь,
Вышел медведь из чащи, из рощи.
Вышел и замер от удивленья:
Кончился лес,
А вверху — гуденье.
Глянул медведь на столб, как на ствол,
И облизнулся:
Набрел на пчел!

Лето в разгаре, цветут поляны,
Запахи всюду пряны,
Медвяны,
А у медведя одна забота:
К сотам добраться б —
Медку охота!

Как говорится, вору все впору:
Кинулся зверь на электроопору
И, провода задев ненароком,
Грохнулся наземь, ужален током.

Небо — с овчинку,
По телу жженье,
А над башкой все то же гуденье,
То же роенье,
Хоть пчел не видно.
Что за проклятое наважденье!
Он же медведь.
Медведю обидно.

Взвыл
И давай по земле кататься,
Лапами бить,
От мух отбиваться.
Не до колоды уже,
Не до меду —
Только бы ходу,
В тайгу либо в воду.
Бился, катался,
К столбу прижимался...

А над медведем весь лес смеялся.
Вот каким горьким мед оказался.

1961—1964

ЕСЛИ Б ТЫ ПОДАЛ ГОЛОС...

Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?

Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады —
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.

Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,
Душа бы моя боролась,
Отчаянью не поддалась!

И этих сомнений мýка
Не выросла б до небес...

Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала —
Лес!

1962—1964

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить,
в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем — море,
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим.
Время есть!

1962—1964

ГНУС

Мошкара, комары —
Стон, звон, гуд...
Не съедят до поры,
Так с ума сведут.
Это ж самосуд!

Сколько их?
Да не счесть,
Просто — тьма,
Тьма!
Говорят: нечисть есть.
Вот она сама!

Днем — не сон,
По ночам —
Ни в одном глазу.
Я опух,
Одичал,
Сам себя грызу.

Как туман от болот,
Застя белый свет,
Он плывет — гнус,
Плывет,
Лезет в уши,
В нос,
В рот,
Просто спасу нет.

Разжигаю костер,
Больше не могу:
Запалю весь бор!
Всю тайгу сожгу!

Лучше в пекле,
В аду
Бедовать беду,
Чем такой
Надо мной
На земле
Вой!

1963—1964

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом;

Где в затонах озер
Лебединые крепи,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да суметы по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случалось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

1963—1964

ГОЛОСА ВЕСНЫ

Весна всему свой голос дарит —
Воде, листве, земле — всему:
Кострам в лесу
И птичьей паре,
Глазам
И сердцу моему.

Все началось с простой капели,
И вот уже текут снега,
И зажурчали,
зазвенели
Деревья,
Воздух
И луга.

Несется плеск с речных излучин,
В овраге ветер струны рвет,
Весь мир разбужен
И озвучен
И дирижеру смотрит в рот.

С утра в бору —
Зачем, не знаю —
Мну старый ягодник, траву
И повторяю, повторяю
Свое пытливое «ау»!

Слух напряжен,
И сердце бьется,
Я словно чуда жду в глуши:
Быть может, кто-то отзовется
На музыку моей души.

1964

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В изморози, что в пене,
Голые ветви берез.
Роща как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряден,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин —
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянье —
Милые вы мои! —
Кажутся снегирями
Серенькие воробьи.

1964

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка,
а для меня все — мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
а для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня
иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дроги,
а летом сани,

и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду? —
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

1964

●

Думалось, не прибраться —
Сору в избе полно.
Может, и не стараться,
Не справиться все равно.

Словно завоеватели
Ночь провели на полу —
Что тебе под полатями,
Что тебе в красном углу.

А помахала веничком,
Тряпкой сырой прошлась,
И оказалось — маненечко,
Ладно, что принялась.

Все уместилось в горсти,
Стоило лишь
Подмести!

1964

МЕРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Зимой все деревья голы,
В беде и в нужде равны
И стынут, как новоселы
Палаточной целины.

По цвету, по звону схожи,
Не разберешь пород:
Сосульки — вместо сережек,
Кора на любом, что лед.

Наверное, только птицам
Зимой различать дано,
В каком из них жизнь таится,
Какое гниет давно.

Но тайны исчезнут в апреле —
Всему настает свой срок:
Живые оденутся в зелень,
А мертвым тепло не впрок.

Кору обдирая с сушины,
Работают дятлы чуть свет,
Прорубятся до сердцевины,
А сердцевины нет.

1964

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки хвоста.

Я скольжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом,
Снова ростепель входит в права...

Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

1964

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

УЛЫБКА

А тебе улыбка идет.
Улыбайся почаще, милая!
Что сравнится с твоею силою,
Ни к чему подкрашивать рот.

Чуть раздвинутся уголки,
И скажи поди — не красавица!
Слишком смелые пареньки
Замолкают и расступаются.

На кругу выходи вперед,—
Что тебе их мода постылая?
Улыбайся почаще, милая,
Так улыбка тебе идет!

Теплоты и света полна,
И участливая,
И беспечная,
Задушевная,
Добросердечная —
Очень людям нужна она.

Счастье ждет тебя у ворот,
Красота твоя не бескрылая.
В мире много еще невзгод,—
Улыбайся почаще, милая!

1964

●

Опять больница!
Все горше невзгоды,
Все чаще не спится
Из-за непогоды.

Жене все тревожней,
И очень возможно,
Ей хвори мои
Надоели безбожно.

Печалится, плачет,
А может, и злится,
Что жизнь иначе
Могла бы сложиться —

Удачливей, легче,
Богаче —
Иначе.

Теперь, что ни вечер,
Носи передачи.

И дети в обиде —
Сидят у кровати:
Что можно увидеть
В больничной палате?

Мои потрясенья,
Сомненья,
Мученья
У них вызывают
Одни огорченья.

Еще — снисхожденье
И отчужденье...
Для них я давно
Объект наблюденья.

1964

КТО РАССУДИЛ

Счастливая ты на диво —
У южного моря росла,
Приливы его и отливы
В глаза свои вобрала.

Навеки в воспоминаньях
Соленый девятый вал
И каменное сиянье
Перекаленных скал.

А у меня все детство,
Все радости ранних лет
Прошли с тайгой по соседству,
Где озера даже нет,

Где зимы длиннее лета,
На пажитях рябь хвоща...
Но светом земли согрета
Была и моя душа.

Не море ли рассудило,
Что до скончанья дней
Нам встретиться нужно было,
Чтоб счастье стало полней?

Не хвойным ли то суземам
Потребовалось вдруг,
Чтоб в нашем с тобою доме
Сроднились север и юг?

1964

СУХОЕ ВИНО

Он любил сухое вино,
всю жизнь только сухое —
натуральное,
кисловатое, как сама земля,
и окрыляющее, как ветер гор.

Сухие грузинские вина после войны
шли под номерами,
этикетки их напоминали солдатские погоны;
с красочных молдавских этикеток
слетали длинноногие добрые аисты;
лучшее армянское
называется золотой лозой —
воскеваз.

Сухое — оно не дурманит голову,
не отяжеляет рук и ног
и в сердце вселяет любовь к людям,
а не злобу,
желание творчества,
а не отвращение от дел.

...Всю жизнь только сухое!

Но по нужде ему приходилось пить
все, что бог пошлет,
что поставят товарищи,
все — от самогонки до «сучка»,

от терпкого вермута в сельских чайных
до маслянистого,
с глицерином,
разливного портвейна
в городских забегаловках.

А когда жил в Заполярье,
приходилось пить даже спирт,
чтобы не замерзнуть на оленьих перегонах,—
спирт легкий, как огонь,
холодный, как северное сияние,
и уже привык,
чтобы время от времени
что-то обжигало ему горло и душу
до слез,
до придыхания.

Так всю жизнь.
Хотя сердцем он был привязан
только к сухому
и любил лишь его,
как всю жизнь любят свою жену,
и только ее одну.

1964

СИВЕРКО

Дует сиверко.
Вечереет.
Скот под окнами месит грязь.
Овцы зябко и нудно блеют,
Будто жалуются, жалеют,
Что погода не задалась,
Осень рано подобралась.

И коровы мычат натужно,
А могли бы и помолчать:
Стали в стойло, жуйте дружно —
Всех подоят.
О чем мычать?
И рогами стучать не нужно.

Или короток день осенний —
Не набили травой боков?
Им бы в ясли охапку сена!

С визгом лезут собаки в сени,
Может, чуют близость волков?
Тьма сочится из облаков.

А еще беспокойней свиньи.
Петухи кричат невпопад...

Надо воду слить из машины:
Ночью, верно, выпадет иней —
Подозрительно красен закат.

1964

ПОРА И МНЕ

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Расстилает холсты,
На кустах, будто свечи,—
Щеглы,
Клесты.

Лен темнеет на стлищах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу — медведь.

Даже мыши-полевки
Спешат,
Гнезда вьют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,
Ближе к теплым лиманам —
От морозов и вьюг.

Что ж, у всех свое.
Вижу,
Пора и мне.

Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

1964

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я? —
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало,—
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,
над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки Вселенной.

А поэт — вроде приемника.
И, если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,
он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приемником,
чутким,
многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век,—
приглушена одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

ВАШИ УСПЕХИ

Вы знаете, чтó у нас за плечами!
А что у вас за плечами?
Вы пальцы сосали,
Вас в люльках качали,
Когда фашисты в дома к нам стучали
Железными сапогами.

В те годы рифмы своеобычные,
Не в меру лиричное слово
Воспринималось
как неприличие,
А местоимение личное —
Как посягательство на основы.

Теперь вы — глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умащенные,
А мы — эпигоны,
Мы консерваторы,
У нас и рифмы традиционные.

Ну что ж, приму ассонансы и лесенку,
Только бы знать, что это не суетность,
Что вы не спасуете,
Не перелицуетесь
И против своих рядовых ровесников
Чего б ни стряслось,
Не проголосуете.

История делает то, что следует,
И мы ни ей, ни вам не помеха.
Но не считайте своей победою.
Только своею,
Ваши успехи.

31 марта 1964 г.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Едва под дождем и солнцем рачительным
Иголочки выбьются из земли,
А мы уже говорим почтительно
О травке об этой:
— Хлеба пошли!

Потом на тока́х, как шатры кочевничьи,
Холмы вырастают —
Из края в край,
И люди добреют,
И песни девичьи
Хватают за сердце:
Урожай!

О корочка хрусткая!
                    Соль зернистая!
С каким торжеством из свежей муки
Пекут в деревнях караваи душистые,
Блины,
        и шаньги,
                    и пироги.

Хлеб-соль — всему голова! — повторяется.
Когда у страны закрома полны —
Сильны мы,
И все у нас получается,
Сбывается все
От земли до луны.

1964

НОЧНАЯ ОХОТА

Неужель последним днем
Станет день вчерашний?
Неужели мы умрем?

На сосне сидим
Вдвоем
Над овсяной пашней
И с медведем схватки ждем —
Может, рукопашной.

Кто в тайге ни запоздал
Этой ночью стылой —
Песни пел
Или кричал,
Чтоб не страшно было.

Торопливо
От болот,
Не дорогой — полем
Ребятишки гонят скот.
Заблудились, что ли?

Далеко слыхать, как бьют
Плетками с размаха.
И смеются,
И поют,
И кричат —
От страха.

Пронеслась толпа девчат,
Словно птичек стая,
Оглашенно хохоча —
Страх превозмогая.

Нам ни двигаться, ни петь,
Мы сидим, как мыши:
Может, рядом он, медведь,
Видит нас и слышит?

В речке рыба раз и два
Бухнула спросонок,
Да заплакала сова,
Как больной ребенок.

Налегке молоковоз
Большаком проехал:
Звон бидонов,
Стук колес —
И опять лишь эхо.

Воздух, будто про запас,
Полым ртом хватаем
И в десятый,
В сотый раз
Ружья проверяем.

Вдруг курки не взведены,
А медведь в засаде?
Что, как с тыла,
Со спины
Он насядет,
Сзади?

Вдруг не выдержит сосна?
Ведь бывает всяко...
И настала тишина,
Как перед атакой.

Ничего не разглядеть,
Словно в преисподней.

Может, все-таки медведь
Не придет сегодня?..

1958—1965

●

Лес поседел от инея,
Бел, как сама зима,
Что ему дюны синие,
Снежная кутерьма!

Закостенев от холода,
Он терпеливо ждет:
Ранней весною молодость
Снова к нему придет.

Мне ничего похожего
Не принесет весна,
Вот почему встревожен я,—
Жизнь у меня одна.

Все невозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем —
И седина навек.

1965

ПРО БЕРЕЗКУ

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы и в бураны.
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны на ее коре.

И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.
О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

1965

ДОРОГА В НЕБО

Дорога змеится в небо,
Подтягиваясь на хвосте.
Кто в этих широтах не был —
Чтó знает о красоте?

Цветы на горах, как звезды,
По самую кромку льда,
А в пропасти синий воздух
И вогнутая вода.

Здесь снег высыхает —
не тает,
И грязи не знает земля.
Орел в облаках летает,
Крыльями не шевеля.

До крика охота,
до муки
Шагнуть с отвесной стены,

Чтобы, раскинув руки,
Проверить:
Сбываются ль сны.

1965

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Все за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Размокло...
Расселось,
Полны колеи.
По крышам, по стеклам,
По сучьям — ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...
Где нечет, где чёт.
И всякая мерзость
В овраги течет.

И только все глубже,
Все чище вдали
Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаще,
Да в роще
У старых запруд
Все слаще,
Все хлеще
Птицы поют.

Все гуще,
Все пуще...
И вот, наконец,
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

МЕДВЕДЯ МЫ НЕ УБИЛИ...

Феликсу Кузнецову

Медведя мы не убили,
Но я написал рассказ
О том, как медведя убили,
Какие мы храбрые были,
Когда он пошел на нас.

Как вздыбился, зарычал он.
И как он потом затих.
Охотничьего материала
Хватило еще на стих.

В журнале меня хвалили
За правду,
За мастерство...
Медведя мы не убили,
Не видели даже его.

И что еще характерно:
Попробуй теперь скажи,
Что факты не достоверны,—
Тебя ж обвинят во лжи.

1965

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

1965—1968

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смута сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол — не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
— Годен! —
Запишут мне.

1965

УТРЕННИКИ

Картину в оконной раме
С утра подновил мороз,
Ледок под его ногами
Дробится на сотни звезд.

Позванивают березы,
Потрескивают углы.
Дымок над трубою розов,
Поля и луга белы.

А днем развезет дороги
И полнятся бочаги —
То сани нужны,
То дроги,
То лыжи,
То сапоги.

Но воздух в окольной чаще —
Хоть на куски кроши,
Заиндевевший,
Хрустящий...
И оживают все чаще
Охотничьи шалаши.

1965

СВЕЖЕЙ ВЫПЕЧКИ

С пылу,
С жару,
С поду,
С ходу —
Свежей выпечки
Хлеб народу.

Будто свадебные,
Пудовые
Пироги подовые,
Пышки и плюшки,
Батоны и сдобы,
Бублики и сушки —
Разламывай,
Пробуй!

Из муки мелкомолотой,
Чисто просеянной
Шаньги желтые,
Будто листья осенние.

Спасибо сердечное,
Поклон особый
Тебе, моя сельщина,
Вам, хлеборобы!

Из вашей муки
Калачи продаются
И в домах пирожки
Жарятся
И пекутся —

С грибками,
С морковью,
С капустой —
Чудо!
А главное — с любовью,
А главное —
Повсюду.

Ешьте на здоровье,
Добрые люди!

1965

●

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел
свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троепёрстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

1966

ОТХОДНАЯ

О как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит у ног.
Мне никогда земля не будет пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О как мне будет трудно умирать!
И никаких
　　　　　　нельзя
　　　　　　　　　　извлечь уроков...

1966

О ПОГОЖИХ ДНЯХ И ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

Когда мне трудно дышится
　　　　　　　　　　　　　　　и кашель,
подобно минометному обстрелу,
гнетет к земле,—
последствия войны! —
когда врачи ничем помочь не в силах,
в груди и слякотно и непролазно,
как в бездорожье,—
я стараюсь вспомнить
о днях погожих,
светлых и сухих,
а их в году бывает больше все же,

конечно, больше,
чем промозглых дней.
И любопытно:
вдруг слабеет кашель,
продует бронхи свежий теплый ветер,
как будто две таблетки антастмана
я проглотил
иль подышал в бору,
на родине,
где мы живицу гнали...

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх,—
бывает все! —
я вспоминаю о хороших людях,
о тех, мне близких
и не очень близких,
а просто повстречавшихся в дороге,
о людях с чистой совестью бойцов,
которых больше все же на планете,—
конечно, больше! —
чем приспособленцев,
чем карьеристов и самоснабженцев,
бесстыжих болтунов и графоманов,—
и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется еще пожить на свете,
полюбоваться небом и землей

1966

ЭКО ДЕЛО!

Дерево пожелтело.
С этого началось:
Что-то в нем задубело,
Сдвинулось,
Надорвалось.

Может — слоев смещенье,
Скрытое до поры,
Как при землетрясенье —
Складок земной коры?

И потекла живица
Лавой
К ногам ствола,
Чтоб янтарем сгуститься;
Может, начало зла

Было в безмерном росте:
К небу вознесено,
Стронцием-90
Дерево облучено?

Или жучки-короеды
Взяли его в полон?..
Сверху валились беды,
Снизу,
Со всех сторон.

Кто-то инициалы
Вырезал на стволе,
Сук в снегопад сломало...
Мало ль какие шквалы
Гнули его к земле!

Желтые в хвое пятна —
Желтая сыпь в бору.
Поналетели дятлы,
Выстукали кору.

Выдюжит ствол могучий,—
Жалко его рубить!
Может, на первый случай
Следует полечить?

Может, лишь отдыхает,
Не умирает оно,
Просто наряд меняет,
Стужей обожжено?

Просто чуть приболело.
Справится —
Не бревно!

Но уже все решено:
— Дерево?
Эко дело!
Лесу вокруг полно.

1966

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Михаилу Дудину

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо недозрело,
Так сказать, уцелело.
Но курица не горевала
И па́рить больше не стала,
Судьба одного цыпленка
Ее не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгребала.

Что же это девятое
Яйцо —
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.
Вот ведь какое дело!
Еще не цыпленок — тело
Цыплячье,
В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышало и жить хотело.

Я стал —
Сначала несмело —
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки,

Как плод живой от последа.
А будет ли победа?
Ох, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке.
Секунды решали дело.

Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыпленка,
Я положил его в тряпку,
Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На теплую печку.

И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил! —
Спасибо, боже! —
Забился, закопошился,
Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыпленок.
Ах ты, мой соколенок!
Орленок ты мой!
Миленок!
Родимый ты мой, рожёный,
Я — крёстный твой нареченный.

Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошел в сторонку,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизнь!
Без преувеличения.

1966

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

По опушке рощи,
Около воды —
Вязью по пороше
Свежие следы.

Разбираю почерки:
Вот чей-то скок,
Лисьи цепочки,
Птичий бисерок.

Кривули чьи-то —
Чьи? — не узнать —
Прошвой вшиты
В белую гладь.

Протянула мышка
Тесьму хвостом...
Вязанье,
Вышивка
Гладью
И крестом.

Косачи — крестиком,
Рябчики — тож;
Куропаток шествие —
Понимай как хошь.

Заячье плетенье —
Смех и грех:
След с оформленьем —
К ореху орех.

Чудо, что творится,
И все — на виду:
Не птицы — кружевницы,
Пяльцы и спицы,
Коклюшки в ходу.

Вот как разделано!
Дивлюсь пестроте...

Все на снежно-белом
На тканом холсте.

1966

СКАЗАТЬ ИЛЬ ПРОМОЛЧАТЬ?..

Приехала сестра.
Не виделись пять лет.
— Поди, уже стара,
Узнаешь или нет?

Узнать почти нельзя.
Ее ли в том вина?
Гляжу во все глаза:
Она иль не она?

Лишь пять недолгих лет,—
Каких? —
Коротких пять,
А целой жизни нет.
Сказать или смолчать?

Какая ж так гроза
Смогла ее согнуть?
Гляжу во все глаза:
Сказать иль обмануть?

1966

ТВОИ ПИСЬМА

И на слух я пробовал,
И на вкус и цвет:
Ничего в них доброго,
В твоих письмах, нет.

Залпом выпить надо бы,
Я же
По глотку
Пью, смирив тоску,
Как дурное снадобье,
За строкой строку.

Стежки прихотливые,
Хитрая канва:
Окрики ревнивые,
Льстивые слова.

Я же —
В одиночестве,
И не счесть обид:
Не живу как хочется,—
Как нужда велит.

Высланный, не высланный,
Но — в лесу с весны.
Не такие письма мне
От тебя нужны.

1966

ВМЕСТО ОТВЕТА

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться,—
В нашей жизни хочу
Разобраться.

В нашей трудной судьбе,
В нашем горе...
А живу в той избе,
В той,
Знакомой тебе,
На Угоре.

Одинок, словно бог,
Словно демон,
Среди хвойных дорог —
Тихо,
Немо.

Как пустынник в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны.

На людей не ропщу
И у неба
Ничего не прошу.
Правду мне бы!

О себе,
О тебе
Правду-матку:
Кто ты все же в судьбе
Моей краткой?

Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?
Не забыть,
Не избыть
До могилы!

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
— Избавь, боже!

1966

ГРАЧИ

Орда грачей орет над крышей,
Черны березы от грачей.
Самих себя в избе не слышим,
Я целый март не сплю ночей.

В ограде радио, базар ли?
Осточертели сад и дом:
Как в лагере,

Как на вокзале,
Как в доме отдыха живем.

Смахнул бы на землю все гнезда,
Стрелял бы,
Только разреши,
Но спохватился слишком поздно,
Теперь поди их устраши.

Ожесточаюсь без успеха.
Переругалась вся семья.
Где ныне выдержка моя?
Уж не до шуток,
Не до смеха:
Не мне — грачи,
Я им помеха,
Грачи хозяева — не я.

А ведь давно ли выл от горя,
Когда какой-то книгочий
Березы вырубил под корень,
Чтоб сад покинули грачи.

1966

ПЕРЕХОДНЫЕ ВОПРОСЫ

Константину Георгиевичу Паустовскому

А в чем моя вера?
Опора?
Основа?
Кого для примера
Брать —
Снова Толстого?

С ружьем зачехленным
Без дела до осени
Томлюсь,
Окруженный
Пустыми вопросами,

Конечно, проклятыми,
Конечно, немодными,

Давно — бородатыми,
И все — переходными.

«Любить своих ближних?
Трубить славу жизни?..»
А если не любится?
А если не трубится?

«О слабых заботиться?
За сильных тревожиться?..»
А если не хочется?
А если не можется?
А если в судьбе у меня бездорожица?

Не новую повесть
В душе перетрясываю:
«А может быть, совесть
Понятье внеклассовое?..

А может, все пошлое,
Фальшивое,
Грошевое,
Продажность
И ложь
Не назовешь
Пережитками прошлого?»

Какой мерой мерится
Моя несуразица?
И в бога не верится,
И с чертом не ладится.

1966

СОЛОВЕЙ

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не вправе я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.

Стыдно тыщи лет воспевать
Птичьи трели
Да небесный свод...

А ему-то, соловью, плевать:
Знай себе работает —
Поет.

1966

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на небо, на поля,
И — восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Все та же земля.

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету.
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опушенные...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростертые,
Тучи, радугами подпертые,
Камни скал в кореньях витых.
Видно, скалы тоже не мертвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,
Непарадную,
Неоглядную?..
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному —
Будто завтра конец всему.

1966

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,

Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

ВАДИМУ КАПЛИНУ, МЕДВЕЖАТНИКУ

Вот опять поставила
На своем
зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач-мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь поземка носится
По полю без лыж.

Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсидим?

А быть может,
в добрый час —
Ах, еще бы раз! —
Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,
Хоть малометражную,
Малогабаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьем,
Кто с ФЭДом бы —
Была не была.

Эх, кабы́
да ка́бы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну а мы,
мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость.
Ружья зарядим?

1966

ГЛУХАЯ ЗИМА

Ночь долгая, как на полюсе.
Как на зимовке мы.
У хвойного ветра в голосе
Дыханье глухой зимы.

Почти нежилые, мертвые
Дома на краю земли,—
Похоже:
Во льдах затертые
Безмолвные корабли.

А я — под медвежьим пологом,
От шерсти спирает дух.
Ударил бы где-нибудь колокол
Или рубанул петух!

Все путано-перепутано,
Не спится,
А вижу сны.
Наверно, до зорьки утренней
Не ближе, чем до весны.

Над башенкой лопоухою
Дрожащие огоньки.
И буфера не бухают,
И не гудят гудки.

Совсем извела бессонница...
Лежу, напрягая слух:
Во всем городке ни звонницы
И хоть бы один петух.

1966

ЛЕСОСЕКА

Птицы еще на гнездах,
Будто в тепле папах,
Но уже хвойный воздух
Выхлопами пропах.

Вклинились лесосеки
В мир, где перо и пух,
А ведь казалось —
Вовеки
Здравствовать без заварух.

Визг бензопил страшен.
Если бы только он!
Сосны, как в рукопашной,
Гибнут
Со всех сторон.

Чибис машин не боится:
Гром —
Стало быть, гроза.
Но — человечьи лица!
Но — человечьи глаза!

В ночь подышав свободней,
Рябчики,
Глухари
Ждут, будто кары господней,
Индустриальной зари.

Некуда скрыться,
Нечем
Гнезда от бед прикрыть,
Втягивай голову в плечи,
Если охота жить.

Взвиться бы к небу
В паре,
Там никаких границ!
Но не пари́ть,
А па́рить
Май принуждает птиц.

Сжались до неприличья —
Робкие,
Курья стать,
Даже обличье
Не птичье,—
Где уж таким летать.

Голодно и морозно.
Все ж,
Презирая смерть,
Птицы сидят на гнездах —
Надо ж кому-то сидеть.

Страх изнуряет, треплет,—
Терпят всему назло,
Лишь бы птенцы окрепли,
Встали бы на крыло.

1966

РАЗВОД

Их рассудил товарищеский суд.
Для сослуживцев было все понятно:
Не получилось,
Вместе не живут,
И ничего не воротить обратно...

Потом уже в районном нарсуде
Пытали их любовно и пристрастно,
Пытались примирить,
Но все напрасно.
А зубоскальства не было нигде
И волокиты никакой:
Все ясно.

А после беготни и суетни,
Когда настало время оглянуться,
Вдруг, ужаснувшись, поняли они,
Что сами-то —
И, может, лишь одни —
В случившемся вовек не разберутся.

1966

СКОРЫЕ ПОЕЗДА

Отходят скорые поезда...
А мы ни разу не расставались,
Не разъезжались,
Не провожались,
Ни разу письмами не обменялись
Да и не виделись никогда:
Еще мы просто не повстречались.

А ведь, наверно, ты где-то есть?
И не чужая —
Моя...
Но какая?
Красивая?
Добрая?
Может, злая?
Живешь, наверно, меня ожидая,
А повстречаемся ль мы, бог весть!
Я ничего о тебе не знаю.

Вот снова один.
Моросят года.
Уж сердце мое дает перебои.
А вдруг мы не встретимся никогда —
Беда или счастье в том для обоих?..

Отходят скорые поезда,
Сверхзвуковые взмывают...
Куда?
Не разминуться бы нам с тобою.

1966

В КОНЦЕ ПУТИ

Пашни, поженьки, перелески,
Как в кино скоростном, летят.
В окнах мечутся занавески,
Будто выброситься хотят.

Для последнего перегона
Вместо дымного паровика
Встал в упряжку к мокрым вагонам
Черт с рогами,
В броне бока.

Отшатнулся состав в испуге,
Напружинился, задрожав.
К проводам подлетели дуги,
Словно вожжи в руки зажав.

И — пошел!
Мимо людных станций,
Без стоянок,

Скорей, скорей!
Визг железа,
Да стук дверей,
Да мелькают протуберанцы
Электрических фонарей.

И чем ближе конец дороги,
Дом, семья,—
Тем сильней, больней,
Тем неистовей гром тревоги
На путях
И в груди моей.

А потом,
Будто с крыши голубь,
Крылья складывая на лету,
Я с вокзала валюсь, как в прорубь,
В суматоху и суету.

1966

ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?

Я видел большую воду —
Апрельский разлив и спад,
И как журавли в непогоду
Домой под обстрел летят.

Свободна
И судоходна,
Как Млечный Путь широка,
Река, будто пену, к сходням
Накатывает облака.

Луга заметает илом,
Бьет бревнами кручам в грудь...
Позднее ей не под силу
И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклевывалась игла.

Подснежников появленье,
Березовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рожденьем новейших звезд.

Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Все видел:
Весну, и осень,
И зиму — во льдах, в снегу...
Все в памяти берегу.
Чего еще сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

НОВОГОДНЯЯ ПОЧТА

О простой переписке
Не тревожусь сегодня.
От далеких и близких
Почты жду новогодней.

Дело не в поздравленьях,
И картинки не новы,
Дорожу завереньем,
Что, мол, живы-здоровы;

Что в трудах и заботах
Дни текут, как и прежде,
И, согласно расчетам,
Крепнуть нашей надежде;

Мол, желаем того же
Вам
И вашему роду...

Многих писем дороже
Эти —
К Новому году.

Есть они —
И легко мне,
Нет их —
Я неспокоен:
Почему друг не вспомнил?
Может, горе какое?

Может, что-то случилось?
Чье-то сердце разбито?
Отзовись, сделай милость,
Позвони,
Аэлита!

Велики ли расходы! —
Только авиамарка,
А для Нового года
Нет дороже подарка!

Нет бесценней подарка —
Почтальон у калитки.
Как заздравные чарки —
В доме к сроку открытки.

Пусть же хлынут лавиной
Телеграммы и письма,
Как шипучие вина
И как добрые мысли.

Пусть овеют порошей
Наши с вами застолья.
Новый год,
Будь хорошим,
Люди этого стоят!

1956

НОЧНАЯ УХА

ВОТ И ВСЕ

Вот и все:
Декабрь на исходе,
Завершился круговорот.
Вспоминаю о старом годе,
Жду, чтоб выпить за Новый год.

Собрались за перегородкой
Побратимы в кругу своем.
— Что тебе —
Коньячку иль водки?
Может, пива?
— И пиво пьем!

— А тебе? —
...А я на гулянке
Прямо места себе не найду.
Уж не выпить ли валерьянки?
Что-то ждет меня в новом году?

1958

О ЧУЖОЙ ДУШЕ

Я не хотел причинить вам зло
И — невдомек,
Что мог.
Доброе чувство меня влекло
В комнату вашу,
В ваше тепло,
На голубой огонек.

В ранний час,
В полуночный час
С глазу на глаз не раз —
Я ничего не хотел от вас,
Я отдыхал у вас.

Как вы подумать только могли,
Что от семьи бегу?
Ваш переулок —
Не край земли,
Я — не игла в стогу...

В мире то оттепель, то мороз —
Трудно тянуть свой воз.
Дружбы искал я,
Не знал, что нес
Столько напрасных слез.

Я от тревог искал уголок,
Душу свою храня,
А о чужой — невдогад,
Невдомек...

Пусть же отныне ваш огонек
Потухнет для меня.

1960

РЕЧКА ВЕРТУШИНКА

Над тобой не одна осинка
Одурманенно склонена.
Колдовством твоим, Вертушинка,
Вся душа до краев полна.

Завертела,
Обворожила,
Закружила меня чуть свет.
Что ж ты делаешь, вражья сила? —
И зимой избавленья нет.

Не в разливе ж,
Не в половодье,
Не невеста — в соку, в цвету,—

Будоражишь не по погоде,
Опьяняешь — невмоготу!

С увлеченьем,
С ожесточеньем,
Изворачиваясь и дразня,
Обнажаешь мои коренья,
Словно хочешь свалить меня.

Не весеннее наше дело:
Сколь ни тешься,
Ни молодись —
Я не тот,
И ты обмелела,
Так застынь же,
угомонись!

1961

ТАМ НЕБО ВЫШЕ

Снег тает быстро
В лесу и в поле.
Он звал нас в Истру,—
Поедем, что ли?

С ним так недолго
Мы вместе были,
Ни слова толком,
Лишь водку пили.

А с этой дрянью
Ни вдохновенья,
Ни пониманья —
Одно мученье.

Уж мы проселки
Пешком прошли бы,
А там —
До Волги,
До свежей рыбы.

Там небо выше,
Длиннее сутки,
Над самой крышей
Летают утки.

Там птичьи свисты
Тревогу лечат...
Поедем в Истру
Весне навстречу!

1963

ВМТ

На маховике коленчатого вала
выбита мета из трех букв:
В. М. Т.
Об этой мете знают
механики и мотористы,
водители всех машин.

Когда поршень доходит до Верхней Мертвой Точки,
его движение как бы на миг замирает,
взрыв сжатой горючей смеси
толкает его обратно,
а к ВМТ
стремится другой поршень,
под новый взрыв,
как под удар гильотины.

У каждого поршня
есть своя Верхняя Мертвая Точка.
Есть она и у солнца в полдень,
у моря во время прилива,
у спутника в его апогее,
у птицы в полете — ее потолок.

В судьбе каждого человека
встречается Верхняя Мертвая Точка.
Выше ее — ничего
ни по ту, ни по эту сторону жизни,
разве что антимир.
И человек всю жизнь стремится
к своей ВМТ,
как река к морю,
как дерево к солнцу,
как жизнь к смерти.
Может быть, ВМТ —
это и есть счастье?

А спортсмены называют Мертвой Точкой
миг своей наивысшей слабости,
за которой следует
новый взрыв энергии,
прилив новых сил.

Я — человек.
Чтобы жить,
я хочу одолеть свою слабость,
свою ВМТ,
уйти от равновесия,
даже если в нем мое счастье.

1964

БОГ

Однажды я был богом.
Это очень тревожно и трудно:
кружится голова от высоты,
а недоверие не покидает душу —
настоящий ли я бог?

Женщина тоже в вечной тревоге:
«Вознесла,
а теперь, гляди, бросит!..»
И оскорбляющие подозрения
не дают ей спокойно спать.

— Неужели не видишь,
что ты мой бог? —
то и дело допрашивает она меня.
— Прикажи — пойду с тобой на костер!
Пожелай — кинусь вброд через море!
Ты — бог, понимаешь? Бог!

— Хорошо, я проверю! —
отвечаю я.
Но я не хочу на костер
и море вброд перейти не сумею.
Как же мне убедиться
в моем всемогуществе?
И что я за бог,
если сам ни во что не верю?!.

— Прикажи что-нибудь! —
настаивает женщина.
— Хорошо, сходи за папиросами!
Купи для меня бутылку вина!..
(Мне ни того, ни другого не нужно,
но больше я ничего не могу придумать.)

Нет, я не завидую земным богам!

1965

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все, как в первом году,
Как в последнем было году,—
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Нынче встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клены...
Вот теперь-то мне и любить!

1965

•

Мы с тобой теперь не подсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно.

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыханье —

Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

1965

НАВСЕГДА

Сегодня я не знал, куда деть свою душу,
и, как бывало прежде,
меня потянуло к тебе,
в твой дом,
к тишине и доброжелательности.

Грохнул лифт на седьмом небе,
будто шахтерская клеть.
Седьмое небо —
это твоя лестничная площадка.

Раньше, ночью ли, днем ли,
ты угадывала, что я уже рядом,
и, не ожидая звонка,
счастливая,
распахивала дверь настежь.
Сегодня никто не открыл мне дверь,
и я стал звонить.

В квартире залаяла собака.
Я назвал ее по имени: «Чапа!»
Она завизжала от радости.
А я стал стучать.
Но и на стук мне никто не ответил,—
наверно, было слишком поздно.
(Раньше никогда не было поздно!)

— Чапа, открой! —
закричал я.
Но собака не может открыть двери.
Вот когда я понял,
что это уже не твоя квартира,
и опять,
и еще раз почувствовал,
что тебя нет больше.
Нет!

До чего же мне трудно было сегодня
спускаться с твоего этажа.
Все вниз и вниз.
В первый раз —
вниз.
Навсегда.

1965

●

Может, и надо мною
Та же беда разразится.
Что ж, не стою за ценою,
Не собираюсь рядиться.

Не попрошу об участье,
Пожил в свою охоту,
Был ко всему причастен
И расплачусь за счастье
По самому крупному счету.

1965

●

Но в мире новом друг друга
они не узнали.

М. Лермонтов

А мы друг друга и там узнаем,
Боюсь лишь, что ей
Без живого огня
Шалаш мой уже не покажется раем,
И, глянув пристально сквозь меня,
По давней привычке еще послушна,
Добра и доверчива,
Там она
Уже не будет так влюблена,
Так терпеливо великодушна.

1966

ЗАКЛИНАНИЕ

Воскресни!
Воскресни!
Забейся сердце в груди!
Пусть — чудо:
Не песней —
Сама, во плоти приди!

Хоть утром,
Хоть ночью,—
Я в доме один живу,—
Явись, когда хочешь,
Но только бы наяву.

Хоть в саване белом,
Хоть в платье —
Теперь не зима,—
Не открещусь оробело
И не сойду с ума.

Хоть с шумом и громом,
Иль тихо войди,
С крыльца,
Но только б — знакомой:
Не надо менять лица.

Воскресни!
Возникни!
Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.

Пред всем преклоняюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.

1966

НОЧНАЯ УХА

Садись, коли пришла!
Ты думала, я струшу,—
Мол, как бы не взяла
Мою с собою душу?

Стоит, как видишь, дом.
Смеялась:
Нá день строю!..
Один я нынче в нем:
Леса, леса кругом —
Куда мне с ней, с душою?

Что раньше, что теперь
Тебя ли мне бояться?
Уж это так, поверь!
Захочешь повидаться —
Не закрываю дверь.

Вахтером в час ночной
У вас там
Петр иль Павел?
Сегодня — выходной:
Апостол в проходной,
Наверно, ключ оставил?

Давай уху варить.
Поужинаем плотно,
Я выпил бы охотно,
Чего греха таить...
Уж очень беззаботно
С тобой мне было жить.

Повесим котелок,
Мягка в реке водица.
Где ерш да окунек,
Там к месту и плотица.

Ольховый уголек
Для запаха положишь.
Есть перец и лучок...
Потом бы я прилег.
А разве ты не можешь?

Мне сроду не понять,
Что ты уже бесплотна.
Ах, если б раньше знать,
Что жизнь так мимолетна!

Я губ твоих и глаз
Не стал бы сторониться.
Почаще бы ушица
Готовилась у нас.

1966

ДУША

Странно:
Дышим — идет парок.
Говорят: душа показалась.
Как я этому верить мог —
Неужели ж только парок?
Не такой душа представлялась.

Улетучилась,
Не уберег —
Ничего в груди не осталось.

Пустота,
Хоть шаром покати,
Только ребра торчат, как стропила.
Отчего ж не легче в груди?
Что в ней все-таки раньше было?..

1966

НЕ НАДО КАЯТЬСЯ

К чему раскаянье?
Все было правильно.
Хоть все —
Нечаянно,
Все не по правилам.

Ни в чем не виню
Ни тебя, ни себя.

Себя
И тебя
Предавал огню.

То беззаботны мы
До вдохновения,
То — тягомотина,
То — завихрения.

Мутит бессонница,
Когда случается
Навзрыд поссориться,
Чтоб тотчас каяться.

То в берег врежемся,
То в небо ринемся,
Денек понежимся
И с год не видимся.

Разноголосица
И несусветица —
Все ныне по сердцу
И светом светится.

Не отрекаюсь я —
Будь все по-старому.
Уж лучше маяться,
Как жизнь поставила.

Ведь если б согласье
Во всем,
Всегда —
Не знать бы нам счастья,
Опять беда.

1967

ДУМАЛОСЬ ДА КАЗАЛОСЬ...

Думалось, все навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной,
Силы ее сердечной
Хватит на сотню лет.

Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день — не в счет,
Из-под земли явится,
С горем любым справится,
Море переплывет.

Надо —
Пройдет по пояс
В звездном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды
Через не могу.

Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом,
Рядом,
Радуясь, что нужна.

Думалось
Да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится·
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.

Так и живу.
Живу?

1967

ВЕСЕННИЕ ОЖИДАНИЯ

Заметно весны дыхание,
Уже в колеях до колен,
Все замерло
В ожидании
Неведомых перемен.

Под вечер березник в инее,
Вода превращается в лед,
А в полдень
Все синее-синее,
Сквозь крыши
И с крыш течет.

И солнце с луной встречается,
Как будто о чем совещается,
И скалы в воде по грудь...
Ах, если бы все, что чается,
Свершилось
Когда-нибудь!

С терпением,
Со смирением,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления,
Как манны небесной, ждут.

Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет...

А, собственно, что изменится,
Весна же не первый год?!

1967

ЗИМОЙ В РЕЧНОМ ПОРТУ

Вмерзли в лед самоходки,
Ждут далекой весны
Быстроходные лодки

И рыбачьи челны,
Ждут,
Как ждали молодки
Окончанья войны.

Не стрекочут моторы,
Не струятся дымки,
Будто вымерший город
Спит в излуке реки.

Обессилев,
Буксиры
Опустились на дно,
Их слегка покосило,
В рубках снегу полно.

Но ложится на трапы
К ночи прошва следа,—
То старик сиволапый
Проверяет суда.

Не чудак,
Не калека —
Просто с юности он
И в озера и в реки
По-мальчишьи влюблен.

И без меры порою
Славя доблестный флот,
Всех зовет пехтурою,
Кто на суше живет.

Оглядевши угрюмо
Рубки, снасти, борта,
Он скрывается в трюме,
Как в утробе кита.

Там на пробке-подстилке
Про «Варяга» поет.
И пивные бутылки
Вылетают на лед.

1967

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Как славно,
Как дивно
В апрельском бору!
Костер над обрывом —
Присядем к костру!
Раздольно,
Разливно,
Заздравно,
Зазывно.
Мы как на пиру
У весны на юру.

Размывно,
Разымчиво —
Вот она ширь! —
Не половинчато,
Не в полдуши.

Напевно и мощно,
Как чудо из чуд,
И денно
И нощно
Птицы поют.

Под вечер морозит,
Звездится ледок,
Ломается озимь
По краю дорог.
До самой опушки
Поля забеля,
Снежной мерлушкой
Обшилась земля.

А ночи,
А ночи
Средь елей и пихт!
Хоть нет их короче
Для тех, кто не спит.
Для тех, кто сидит
У мокрых ракит,
За удочкой,
                    чуть различимой,
Следит.

Не то — косачей
Ожидает на ток,
На взгорок
Меж елок,
На бугорок.

Ах сколько ночей
И я спать не мог!

Весенние ночи,
Рассвет словно дым,
Их нету короче
Для тех,
Кто любим.

1966—1967

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело —
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.

В крошке-сторожке,
В сарае ли —
помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде —
Все-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были
И сметливы,
Неприхотливы,
Неприведливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «Победах»
И «Волгах» — где уж там! —
На велосипедах
Катали девушек.

И у Матрешек
Вместо сережек —
Серпы и молоты,
А вместо брошек —

Значки наколоты:
Ценилось не золото,—
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики?
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге.
Честное слово.
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах до чего же
Глупы и молоды!

1967

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Это все-таки удивительно,
И это надо видеть самому!

Подсолнухи поутру,
Как армия на смотру,
Поворачиваются —
Все, решительно! —
К солнцу,
К маршалу своему
И глазами его едят,
Разодетые на парад,
И почтительно
За ним следят.

Это один квадрат.

А вот другой полевой квадрат.
Тоже в рост
К солдату солдат.
Как защитные плащ-палатки,
Листья с плеч свисают до пят.
В каждой складке
Шинельные скатки —
Туго скрученные початки.
Кукурузы зеленой отряд.

Это пехота-царица,
Границы ее необъятны.
А кругом
Клевера, пшеница —
Другие цветные квадраты,
Иные цветные пятна.

Эх, полюшко,
Поле боя!..
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны
В землянках, в ходах сообщений,—
Они нам навек даны.

За желтою кромкой жита,
Где есть и ячмень и овес,—
Зеленая полезащита,
Линии лесополос.
В тени этих редких рощ
Приметы далекой схватки:
Окопы, как швы на палатке,
Да партизанские скрадки,
Да блиндажей остатки
Еще и сейчас найдешь.

А между дорог незнакомых,
То вытянуты,
То круглы,
Скирды прошлогодней соломы —
Это уже тылы.

И водный рубеж — река
Без переправы пока.

Ах, полюшко, поле боя,
Над головой облака...

Какая-нибудь неделя —
И сдвинутся с мест войска.

1967

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Я с детства привык к василькам,
К полдневному их сиянию,
К их форме
И содержанию,
К соцветиям
И стебелькам.

Я их собирал в овсах,
Как звезды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек на волосах.

Легки,
Мотылькам сродни,
Как часто в стихотворении
Друзьям заменяли они
Лирическое вдохновение.

Мне памятны и венки
С их влажным благоуханием,
Когда начиналось гадание
На берегу реки...

Я с детства любил васильки.
Но вот
Довели до сознания,
Что это же
Сорняки.
С тех пор я вхожу в овес
Без прежнего к ним обожания...

Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

1967

ПТИЧЬЯ ТЕМА

Оперились мои птенцы,
Поднимаются на крыло,
Понесло их во все концы.
На жену смотреть тяжело.

С кем
И где ей век доживать?
Сердобольная — всем нужна,
А приходится выбирать:
Для меня-то она — жена,
А для них —
И нянька и мать.

Как ни кинь,
А отцу все клин.
Такова, знать, судьба отцов,
Я опять остаюсь один,
Без жены,
Без своих птенцов...
Что ж такое, в конце концов!

Неужели же все опять
Надо сызнова начинать,
Вить гнездо,
Сколачивать дом
И свистеть,
Свистеть соловьем?..

1967

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьет никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву

Мы видим в ее глазах,
Она звучит в ее голосе
Денно и нощно.

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые,—
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочерь мою,—
На каждый характер хватило,
На все их сомнения
И смятения,
На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.

Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты — мать,
Ты меня понимаешь...

1967

РАЗЛЮБИЛА ЖЕНА

Разлюбила жена...
Я давно подозревал,
что она уже разлюбила,
и все же принял это

как вероломство —
так было.
Этого мне еще не хватало:
жена разлюбила!

Но все-таки что же это такое:
невезение
или доброе предзнаменование?
Свобода или новая кабала?
Войны объявление
или ее окончание.
22 июня или 9 мая?

Живу, ничего не понимая.
Горевать мне
или торжествовать?
Ревновать
или благодарить бога?
Ни себя, ни ее не могу понять.

Жизнь остановилась.
Комната моя захламлена,
как после отступления оккупантов.
Ружье не чищено с прошлогодней охоты.
Лыжи стоят в углу —
не тянет ни в лес, ни в поле.
На столе горой неразобранная почта.
Стеллажи с книгами забиты пылью,
как заброшенная пахота сорняками.
Кто знает, завтракал ли я сегодня?
Который день забываю побриться.
Не работается,
не спится,
не дышится.
Не пишется!

Вразуми, господи, что же это такое:
набор высоты
или стремительное пикирование
к земле,
в землю?
А может быть, это и есть
состояние невесомости?..

Когда-то я был спокоен за свои тылы,—
шел,
наступал,
отражал атаки!
Разлюбила жена.
Теперь и тылы мои не обеспечены.
Предательство мерещится всюду
и не дает покоя ни днем, ни ночью.

Я беззащитен,
как открытый город.
Даже самолюбие не подымает головы.
Тихо и пусто вокруг,
как до сотворения мира.

1967

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мечтал один остаться.
                                    И остался.
Живу один.
Чего желать теперь? —
Справляй победу,
Не считай потерь...
Но где же все,
                        чего я добивался?
Опять никто ко мне не постучался,
За целый день никто не постучался!
Никто!
Никак!
Хотя б не в душу —
В дверь...

1967

ЛУННАЯ НОЧЬ

Еле вылезла луна
Из-за облаков —
И земля опять видна

Вся, и сверху и с боков,
Словно вдруг из тьмы веков
К свету выбилась она
Из вселенских тайников.

Припадаю лбом к стеклу.
Улица освещена.
А внутри изба черна —
Что за печкой,
Что в углу.
Лишь сияют три окна
На некрашеном полу:
Как в колодцах глубина,
Холод чувствует спина.

Повернусь спиной к стене —
Все равно темно в избе,
Непроглядней, чем в окне.
Мне в родимой стороне,
У себя
Не по себе.
Еще больше при луне
Мне в избе
Не по себе.

1967

ДЖИН

Увели собаку со двора,
Словно женщину переманили.
Чем пленили?
Что ей посулили? —
Ничего не скажет конура.

Доброта собаку подвела:
Вырастала в сытости и в холе,
Ничего не знала о неволе,
От людей не ожидала зла.

Лаяла...
Но разве это лай?
Преданность, любовь, мольба о ласке:
Хочешь — запрягай ее в салазки,
Хочешь — в космос, к звездам засылай.

Я не вешал планку на столбе:
«Осторожно, во дворе собака!»
Сын мой, как на похоронах, плакал
О своей и о ее судьбе.

Увели ее исподтишка,
Верно, за ушами почесали,
Поиграли,
На веревку взяли,
Как телка на пожне, сосунка.

Если б лес вокруг, степная гладь —
Я бы думал, что ее в околки
Ночью играми сманили волки,—
Тоже знают, чем собаку взять.

Джин мой, Джин!
Уж лучше бы меня
Умыкнули от семьи подале,
Обо мне бы меньше тосковали,
Так не убивалась бы родня...

Дни и ночи мы как на посту:
Вдруг примчится,
Завизжит, залает...
Неужель в людскую доброту
И собака веру потеряет?!

1967

МИЛОЕ МОЕ ГОРЕ

Вытянулась семья—
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.
Стал не сильнее я —
Еще ранимей,
Еще уязвимей.

Думалось:
Что ни год,
Мне будет легче,
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.

Но годы идут, идут —
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.

Опять зачеты сдаю,
Дрожу понемножку.
Перелицовываю свою
Ношеную одежку.

Историю с дней Петра
Зубрю снова:
История —
Стара,
Пособия —
Новы.

Не труд — глагол проспрягать.
Трудней и серьезней
Заново перемогать
Опасный возраст.

Я как в огне, на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.

Что за дружки у сынка? —
Не было б худа.
Письма пришли,— откуда?
Сразу три дневника —
Только ль причуда?

Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?

Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И всё —
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот —
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живет,—
Вечно!
Из года в год! —
Страх потери.

Вдруг да опять война —
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Все отнимет.

1965—1967

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Это меня волнует
не меньше, чем цифровые выкладки
в очередных сообщениях ЦСУ.
И хочется в этом разобраться.

У подъезда деревянного барака
стоят две машины «Скорой помощи»,
как два белоснежных катера
у речного причала.

Что случилось?
Кому занедужилось?
Почему такой переполох?
Может, сердечный приступ
у самого министра?

Я подхожу к толпе любопытных,—
а они всюду,
где пожар
или автомобильная катастрофа.
— Что случилось?
— Человек заболел.
Говорят, слесарь какой-то...
— Почему же две машины?
— Жена перепугалась,
позвонила в два пункта сразу.

Это меня взволновало:
человек заболел.
Не министр,
а просто слесарь,
и к нему, к слесарю,
по телефонному звонку жены
прибыло сразу две машины:
два врача,
две сестры в белых халатах.
Помощь бесплатна.

Значит, Земля еще вертится,
значит, его величество слесарь
справится со своими недугами.

Подумав так,
я примкнул к толпе любопытных.
— Не умер? — кинулись мы,
когда из барака выходили врачи и сестры.
— Зачем умер? Будет жить!
Только надо перестать глушить себя водкой
и завивать горе веревочкой,—
это ни при каких бедах не помогает.

«Да, надо, надо перестать глушить себя
водкой!» —
убежденно сказал я про себя

и,— слаб человек! — подойдя к ларьку,
опрокинул стаканчик «Столичной»
за выздоровление слесаря!
За здоровье Человека!

1967

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи, как дым.
Ты меня в город, домой зовешь,
Ждешь, как отходника.
С возом каким?

Груз мой — корзины да пестери,
Не из-за моря —
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил — в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людям на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло,—
Свыкся.
У всякого свой удел.

Все-таки что-то произошло:
Тучи, как дым, и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.

1967

МУХОМОРЫ

Из кустов, как с экрана,
Смотрят в очи Вселенной
То шатры Чингисхана,
То Василий Блаженный.

Прохожу коридором
По сосновому бору:
Счета нет мухоморам —
Мухомор к мухомору.

А отсюда, бывало,
На телегах, навалом,
Снедь лесную возили,
Пестерей не хватало.

Вдоль борушки-опушки,
Словно девочки в школе,
Бесенились волнушки
С бахромой на подоле.

Табунились маслята,
А по влажному скату
В листьях прятались грузди,
Как зайчата в капусте.

Даже белые были —
Что ни год в изобилье
Выносила их осень,
Как хлеба на подносе.

А теперь тут заборы
По всему косогору
И одни мухоморы —
Мухомор к мухомору.

Разнородны и ярки,
Как заморские чарки,
Как ковры на паркете,
Как почтовые марки
На зеленом пакете.

Длинноногие франты
В чужеродном наряде.
Наглые оккупанты
На победном параде.

1967

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Это как приближенье
Ветра, воды, песка.
Вдруг возникает движенье,
Неясное пока,
Словно круговращенье
Медленное
в облаках.
Дикой пчелы роенье?
Шелест березняка?
Может, прорвав загражденье,
Хлынула с гор река —
Стонут от напряженья
Взмыленные бока?
Может, громов рожденье,
Скал прибрежных крушенье,
Слышное издалека?
Ждешь,
Как землетрясенья —
Гула,
Рывка,
Толчка.

Лес пригибает ветви,
Дрогнул небесный свод,
Стекла звенят...
А это
Просекою
Сквозь ветер
Поезд ночной идет.

1967

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.

По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва,
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

1967

И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

Мы выехали утром налегке
В леса, в луга
На Кубене-реке.

Чтоб время понапрасну не терять,
Свои желанья ограничив строго,
Я никаких пейзажей по дороге
На кинопленку не хотел снимать.

Но легкий газик скоро сел в пути:
Проселки наши тем и знамениты,
Что в сушь — разбиты,
А в дожди — размыты,
А в общем — ни проехать, ни пройти.

Свирепо взвыли два грузовика
И тоже сели рядом:
Точка! Пробка!
То ль озеро по курсу, то ль река,
А справа — топко,
Да и слева — топко.

Страдая с шоферáми заодно,
Полезли пассажиры под колеса,

Гремели цепи,
Обрывались тросы,
Чего не встретишь ни в каком кино.

И мне бы только не терять минут,
Снимать, снимать — такие люди рядом!
Тут было все:
И мытарство, и труд,
И смех, и грех,—
Сценария не надо.

Но в тот момент
дорожный эпизод
Во мне другие взбудоражил чувства.
Все важное, достойное искусства,
Казалось, где-то впереди нас ждет.

Жалея, что поездка сорвалась,
Я встал со всеми наравне в упряжку,
Сначала снял пиджак,
Потом рубашку,
Самозабвенно окунаясь в грязь.

Рывок — вперед,
Еще рывок — назад,
А ну, давай!..
Трудясь с ожесточеньем,
Совсем иным охвачен вдохновеньем,
Я позабыл про киноаппарат.
И пролежал он без употребленья,
Пока на землю не сошел закат.

И так всю жизнь.
Не устаем спешить
Куда-то вдаль,
В места большой охоты,
Чтоб где-то там
Какие-то красоты
Запечатлеть,
Воспеть,
Отобразить.

А под боком...
Да что тут говорить!

1959—1968

РОГАТЫЙ ПЕГАС

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет —
Как дóяр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр —
Терпенья
Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И — ну давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижу дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи —
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова,
То приглушенно,
Едва, едва.

Большой надой —
Молоко с водой,
Строка жидка,
Говорят:
От быка!

А чуть запустил,
Нечасто дою,
Кричат:
Присушил
Строку и струю.

Корова,
            рога
До земли клоня,
Как на врага
Глядит на меня.

Вот-вот в бедро
Шибанет ногой,
Свернет ведро,
Разольет надой.

Косится,
Бычится
Рогатый Пегас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

1968

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным:
«С добрым утром!»,
«Добрый вечер!»,
«Доброй ночи!» — говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдем —
Не любо, что ль,
Поклонясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»,
«Хлеб да соль!».

Не от тяги к суесловью
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью
Пожелание здоровья,
Пожелания добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь
По привычке скажет:
«С богом!»
«С богом!» — тоже «В добрый путь!».

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым — в любви согласья,
Долголетья — пожилым.

Рыболовам,
Звероловам —
Теплой ночи у костра,
И — богатого улова,
И — ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стае журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим:
«В счастливый час!».

И живется вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь па земле.

1968

ГРАНИЦЫ ДУШИ

1937—1968

(Стихи из дневников)

ЛЮБОВЬ

Я вновь почувствовал, что я в плену
все той же властной, безрассудной силы,
воспетой в тысячах поэм,
с которой
я был знаком не раз в былые дни,
которую по простоте душевной
и, верно, по доверчивости к людям
я именем красивым называл.

Она кидалась кровью мне в лицо,
гнала искать нехоженые тропы
и там, наедине,
рыдать и петь.
И я, измученный
и окрыленный ею,
приниженный
и обоготворенный,
о смерти думал,
но и жить хотел.

И, бормоча признанья на ходу,
понятие о времени теряя,
я замедлял движение трамваев,
смешил народ.
Так было.
А теперь...

Теперь, заметив по смятенью сердца
приход напасти старой,
удрученный,
я забиваюсь в угол, и молчу,

и, как бывало, божеством ее
не называю,
не рифмую с «кровью».

1937

●

Я уезжаю —
Ты тоскуешь
С душой своей наедине,
Клянешь погоду городскую
И рвешься,
Тянешься ко мне.

Вернусь —
И все идет как было,
Обузу старую несем,
Все пригляделось,
Все постыло,
Обоим надоело все.

И я уверился:
Милее
Скитаться в дальней стороне,
Затем, что лишь тогда жалеешь
И даже плачешь обо мне.

1939

СОСНА

Под палящим солнцем
У излучинки
Лугового ручейка
Одна
Длинные иголки, словно лучики,
Над землей раскинула сосна.

Полыхать хотела густокронная
И светить, как солнце в ясный день.
Но хвоя на ней была зеленая —
Не светилась,
А бросала тень.

И стоит грустпа, как изваяние...
А находят люди у нее
Солнцу недоступное сияние
И тепло особое
Свое.

1939

ПА ДАЧЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО

С детства сосны были мне родными,
Вот и здесь они
Перед окном.
Дом как дом —
С замками навесными,
Красный гребень в небе голубом

Пахнет сеном, будто наповети.
Хорошо, что долго нет дождя,
Из-за каждой ели
Солнце светит,
От ствола к стволу переходя.

По тропе спущусь от дома ниже.
На восходе пруд —
Котел огня.
Наклонюсь над заводью,
Увижу,
Как проходит рыба сквозь меня.

Даже берег,
Даже камни сини...
Хорошо,
Когда прольется дождь:
Круглолистые дрожат осины,
Грянет гром,
И всё чего-то ждешь.

Распевают разные пичужки,
И, пе нарушая тишины,
Где-то близ,

В полях,
Грохочут пушки —
Наше огражденье от войны.

Я сжился и с ними, как с покоем,
По утрам под их пальбу встаю,
Самолеты в поднебесье взмоют —
Я своих знакомых узнаю.

Слышу их —
И нет меня богаче.
Вверх гляжу
И песню бормочу...

Час войны настанет —
Прямо с дачи
Я уйду
И дом заколочу.

1939

●

Любо-дорого, как мы бегали,
Как мы скатывались с горы,
По теченью —
Двины, Онеги ли —
Уходили вплавь от жары.

Как по елям на небо лазили,
Белок стаскивали за хвосты,
Босоногие,
Большеглазые,
Захмелевшие от высоты.

По траве за княжицей ползали,
Исцарапав руки и лбы,
Мчались в выломках —
Рано, поздно ли —
Были б ягоды да грибы.

Соком ягодным перемазаны
В час, когда не видать ни зги,
Возвращались мы
С неба нá землю —
В избы дымные из тайги.

В темный ельник,
В луга метельные,
На заснеженные пустыри
Лыжи гнутые
Самодельные
Уносили нас до зари.

Подрастали —
В полях работали...
Широко, но горько жилось!
Елок в яблоках с позолотою
Нам увидеть не довелось.

Но привычка к жаре и к холоду,
К переходам в лесах,
В снегах —
Всё, чему научились смолоду,
Пригодилось потом в боях.

1938

●

Когда бы ты видела этот город —
Дворцы его, парки, шелка́ знамен,
И то, что теперь переносит он:
Разбитые статуи, щебня горы,
Сожженные кровли, столбы, заборы
И расщепленный мрамор колонн.

На Невском —
Все памятники победы,
Балконы, мосты и арки ворот —
Всё на дыбы от огня встает...
Когда бы ты знала, какие беды
Выносит железный русский народ...

1942

В ГОСПИТАЛЕ

От видений глаз не отвести —
Обдают таким горячим светом...
Ты должна сейчас ко мне войти,

Задержаться не могла в пути,
Чувствую тебя —
Ты близко где-то.

Разве поезд может опоздать,
Если ты торопишься?
Не может.
Как меня ты будешь называть —
«Чудищем»? «Медведем» ли опять?
Пятый месяц врозь с тобою прожит.

Видишь, раны зажили мои,
Как у витязя из русских сказок.
Поднимусь — опять пойду в бои.
Дай мне руки теплые твои,
Не пугайся белизны повязок.

1942

●

Мне надо так глядеть вперед,
Чтоб горы тьмой не застилались,
Чтоб рябь в глазах от тьмы забот
И шум в ушах не замечались.

Чтоб никогда средь бурь и вьюг
Мне не утратить дара слышать:
И сердца собственного стук,
И как в бору деревья дышат.

Мне надо все преодолеть,
Чтоб песня впредь не затихала,
Не замирала б жизнь, а смерть
Чтобы моим бессмертьем стала.

1944

●

Только дождь да ветер за оградою,
Стонет лес, и листья опадают.
Зори над землей меня не радуют,
Золота в садах не замечаю.

Боль в душе тупая, деревянная,
Вспышки гнева — приступы падучей.
Ревность!
Провались ты, окаянная,
Не своди с ума,
Не старь,
Не мучай.

1946

●

Как избавиться от лени?
На душе темно.
Никаких стихотворений
Не пишу давно.

Нету силы, нету воли,
На подъем тяжел.
Как заброшенное поле
Мой рабочий стол.

А уже уходят годы,
И не молод я.
Словно перед непогодой,
Тяжело, друзья...

1946

●

*

Моей любимице,
Моей красавице
Из сердца выльются,
Чтоб ей понравиться —
Дочурке старшенькой
Слова сердечные:
Моей Наташеньке
На веки вечные.

*

Как дудочка или гобой
Она лежит перед тобой.
Чуть синеватые белки,
А пальцы словно лепестки.
Всего-то слов:
— Агу! Ага!..—
А как мила и дорога!
В руках у матери с отцом
Звенит поддужным бубенцом.

*

Звезды как бубенчики,
Изморозь ажурна.
Месяц в светлом венчике,
Как в кольце Сатурна.

Заскрипели валенки,
Варежки зажухли,
У дочурки маленькой
Пальчики распухли.

*

В утренней рани
Мчатся в инее
Детские сани
Из дюралюминия.

Как самокаты—
Легкие, быстрые,
Почти крылатые.
Чуть серебристые.

Летят по краю
В обгон трамвая,
Синиц пугая,
Снежок взбивая.

И ждут не дождутся,
Что в небо взовьются.

1945—1947

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Были сосны, были ели,
На опушке рос орех,
Клены в поле зеленели
Одинаково для всех.

И ольха была ольхой,
И река была рекой,
И земля землей,
Доколе
Первый снег не выпал в поле.

Выпал снег.
И вот осина
Замерла, как на духу,
Стала бабушкой калина
И напялила доху —
Уцелевшие рубины
Словно пуговки в меху.

Сел старик на серый камень,
Борода его бела,
Задремал, взмахнул руками
Это елочка была.

Сохачем глядит коряга,
Встрепенется — чуть дохни,
А вокруг ребят ватага —
В пуховых ушанках пни.

И везде дворцы, сторожки,
Люди, звери, звезды, мех,
Самоцветы, курьи ножки —
Но уж это не для всех...

Может, это только мне
Было видно все воочью,
Словно дело было ночью
Иль во сне.

1946

●

Лес заиндевел, закуржевел,
До луны — белым-бело.
Ветви сосен в тонком кружеве,
Все берлоги замело.

Небо льдистое и синее,
Как полярная вода.
От игольчатого инея
Провисают провода.

А дороженька трескучая,
Как лощеная, гладка,
Вся в раскатах да излучинах
И сверкает, как река.

1948

●

Лес. Темно. Скрипят ботинки.
Хвойных лап переполох.
Ни травинки, ни тропинки,
Только ягодник да мох.

Даже пенья птиц не слышно.
Днем иду, как при луне.
Словно я нездешний, лишний
И ничто не радо мне.

Оборвался ельник темный —
День воскрес,
И я стою
Посреди степи огромной
У пшеницы на краю.

Сразу — солнце, сразу — вечность,
И с земли и с неба свет,
И такая бесконечность,
И от песен спасу нет!

1948

•

Сине-зеленый,
Издалека
Лес нам казался сплошной стеною,
Где от листвы не отделишь хвою,
Ельник лохматый от сосняка.

А подошли —
И из этой стены
Хвойные выделились породы:
Лиственниц вышки взмыли поодаль,
Светлые сосны стали видны.

И, наконец, различает глаз
Даже орешник
И можжевельник.
Тут уж не просто березник да ельник —
Каждое дерево как напоказ.

Милые, с детства родные края!
Все здесь имеет свою примету...
Каждая елочка тянется к свету,
Ветви раскинув:
— Вот она — я!

1948

•

Бор, казалось, был не широк,
Но вырубили,
И вот
Ветер, как у полярных широт,
Снег дни и ночи метет.

Раскинулось — непостижимо уму! —
Поле, поземкой играя,
Глаза слепя,
И теперь ему
Нет ни конца ни края.

Где здесь лежали былые пути?
Нынче не разобраться.
Поле теперь напрямик перейти
Волки и те не решатся.

А лес продолжают вдали рубить,
С веток крошится иней...
Значит, решили еще углубить
Белую эту пустыню.

1948

●

Для меня любые расставанья
Не смертельны,
Даже слез не лью.
Если письма есть — и расстоянья
Не страшны, хоть и люблю семью.

Но когда я к отчему порогу
Две весны подряд не загляну,
Никакие письма не помогут
Сохранить мне в сердце тишину.

Все болезни сразу подступают,
Душит одиночество в углу.
Вот когда ночей не досыпаю,
На погоду зря кладу хулу.

Тянет в край, где я родился, к детству,
В ягодные мшистые места,
Где тайга с деревней по соседству
И угар от прелого листа,

Где, преображаясь год от года
От людских бессонниц и забот,
Северная, средь лесов, болот,
Наша нелукавая природа
Всей Отчизной для меня встает.

1948

●

Прости меня, любимая, за то,
Что не во всем твоей мечте я равен
И часто, пораженный слепотой,
Хочу того, чего хотеть не вправе.

Прости за страх, что порождал,
За ту
Неровность в нашей жизни, за упреки,
Когда терял я веру в чистоту,
За жесткий голос и за взгляд жестокий.

Прости за то, что не хватает сил
И половину тяжестей
На плечи
Твои, родная, я переложил...
Но, видно, жить я не умею легче.

1948

●

Утро бесшумное, раннее,
Степь замерла в ожидании,
Словно бы и сюда
Вот-вот подойдет вода
Из Волги или из Дона
И станет морем бездонным.

Вдали облака плывут
В ясном утреннем золоте,
И жаворонки поют —
Всё, как у нас в Вологде.

Поля распаханы,
Зерном засеяны
И хлебом пахнут —
Всё, как на Севере.

Перекликаются
Светло и молодо
Гудки на станции —
Всё, как в Вологде.

Только нет леса
И тени нет...
Без интереса
Гляжу на свет.

Нету рощи, бора родимого,
Нету ни деревца ни единого,

Нет ни хвойной
Ни лиственной молоди...
И мне неспокойно —
Тоскую о Вологде.

1952

*

Много есть хорошего на свете,
Милого и дивного,
О чем,
Месяцами сидя в кабинете,
Даже вспоминать перестаем.

И чего бы, думается, проще —
А ведь даже удивишься вдруг,
Услыхав, что есть на свете рощи,
И поля, и лютиковый луг,

Самые всамделишные горы,
Берег моря с галькой и песком...
Есть земля сырая, по которой
Люди ходят просто босиком.

1955

БУРАН В СТЕПИ

В полдень — вновь буран.
Весь свет
Стал от снега мутно-белым —
Вдруг завыло, загудело,
Вот уже и неба нет.

Даже воздух снежным стал.
Летом — он песчаным будет!
Налетел девятый вал —
Стонет ветер,
Стынут люди.

Ни дорог вокруг, ни рек,
Провода гудят всё глуше.
Под фуфайку, в уши, в душу
Проникает жесткий снег.

Поезд к станции прижат
И закýржевел,
Как будто
Весь овчиною укутан.
Стекла зябкие дрожат.

Где она теперь,
Весна?
Ни приметы, ни намека.
Ветра свист да снег до окон...
Но должна ж прийти она!

1953—1956

⁂

Не пишется!
Зачем молчу,
Какой у моря жду погоды?
Хлеб есть задаром не хочу —
Он слишком дорог для народа.

Счастливый дар не на года
Дается
И не в одолженье,
Не для забав и развлеченья,
А навсегда —
Со дня рожденья
Для непрестанного труда.

И коль его не сохранить,
В обыденщине раствориться —
Не то же ль самое, что спиться?
Кого тем можно удивить!

Жизнь праздная не для меня...
Есть вдохновенье и в привычке.
Итак:
С сегодняшнего дня
Ни дня без строчки,
Без странички.

1957

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Одного на пленуме сняли.
Про него говорит народ:
— Лишь кампании знал, авралил,
Не заглядывая вперед.

Был другой секретарь — ученый,
Очень добрый...
Теперь говорят:
— Для такого, как наш, района
Не ученый нужен — солдат.

Дали третьего.
Что же третий?
Этот, видно, бывал в беде.
Не сидит ни дня в кабинете,—
Где он ест и ночует где?

За речами в карман не лезет,
Не бросает на ветер слов.
Только — круто берется, резок:
Наломает, наверно, дров...

Что же мне говорить, поэту,
К делу как отнестись, любя?
Верно, надо б на месте этом
Хоть на час представить себя.

Мы судить и рядить охочи,
А случись, о чем говорил,
Сам, конечно, не спал бы ночи.
А каких бы дров нарубил!..

Обижался бы,
Не умея
Защитить себя от молвы,
И все ямбы мои, все хореи,
Верно б, вышибло из головы.

1958

•

Прости меня, мама,
прости, что пусто в твоей избе,
а я это вовремя не заметил.
Прости, что я не заметил, что ноги твои отекли,
что пальцы на руках скрючило от работы.

Прости меня, поле, за неурожай, за пустоши.
Прости меня, моя родная земля,
я рожден здесь для того, чтобы видеть
и обо всем рассказать другим,
а я долго на все закрывал глаза.

Пока ты жива, мама, есть у меня дом родной
и Вологодчина для меня — родина.

1958

•

Есть ощущенье силы и в упрямстве,
Оно как хладнокровие в бою.
Меня не упрекнешь в непостоянстве:
Хоть режь, хоть жги —
Я на своем стою.

Случались в битвах тяжкие просчеты,
Но — кровь во рту,
А мы одно твердим,
Что наше дело правое, и все тут,
Что рано или поздно победим.

И удивляли мир,
И побеждали!
А для кого-то, верно, издалй
Самосожженцев мы напоминали,
Когда на танки со штыками шли.

И мой характер тот.
Неколебимо
Кидает он в неравные бои:
Я, если верю,— верю одержимо.
Самосожженцы — прадеды мои.

1958

●

Старушке, матери своей, на диво
Вчера мы щи сварили из крапивы.
Сегодня над гостями из Москвы
Хохочет вся деревня — каковы!
Вот, дескать, в главном городе живут,
А пищу тоже всякую жуют.

Сколь ни велик был наш авторитет —
Его сегодня и в помине нет.
На что уж мать — а тоже смотрит криво
И всю посуду вымыла брезгливо.
А нам не диво?
Ела же кору —
Теперь крапива ей не по нутру!..

1958

●

Все к лучшему...
В колхоз доставлен хлеб.
И выдан денежный аванс по книжкам.
Стрекочет в праздник кинопередвижка,
Опять поднялся спрос на ширпотреб.

Пришли бульдозеры в разгар весны
На торфоразработку —
Может статься,
И наши земли за год возродятся:
На севере они истощены.

То в Липове, то в Пермасе шанга́ —
Так здесь зовут картофельную брагу.
Шанга не пиво,
Но сбивает с шагу
И так же заливает берега.

А я опять готов писать стихи.
Вот только жаль —
Здоровья меньше стало:
Не пью шангу, как пиво пил, бывало,
Да ночью спать мешают петухи.

1958

●

Тянется тропинка
Прямиком на диво —
И низиной топкой,
И сосновой гривой.

Будто светлый просек
Иль в горах теснина,
Прямиком выносит
К небу без усилий.

А потом с обрыва
Ринется, с откоса —
Хорошо, что криво,
Хорошо, что косо!

Хорошо, что вьется:
Рощи так и мчатся
И не устается
Ими любоваться...

1958

ПОВЫШЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ

С утра на синей загородной даче
И маляры и плотники в поту.
Угодливой прилежностью охвачен,
Прораб и тот часами на посту.

Ни пенья птиц,
Ни шороха лесного —
Шуршит щебенка
Да стучит топор.
На месте палисадника сквозного
Глухой стеной вздымается забор.

Как будто пограничная застава
Возводится на стыке двух дорог.
Теперь спустить собаку-волкодава
И без тревог
Живи себе, как бог.

С поклоном,
С пожеланием удачи
От гаража вручаются ключи...

Хозяин синей загородной дачи
По службе повышенье получил.

1959

*

В каждом доме свое богатство.
И меня господь наградил:
То ли плакать мне, то ли хвастать —
Семерых детей народил.

Их добру учу, не балу́ю.
Но беда, что пошли в отца:
Все рифмуют напропалую
И строчат стишки без конца.

Ситуацию зная эту,
Убеждают:
Мол, чтобы жить,
Надо прозой писать поэту,
Чтоб концы с концами сводить.

Я и сам на эту дорогу
Не однажды хотел ступить,
Но ведь дети и те не могут
Дня без песни-складки прожить.

Не читатели виноваты —
Знай сердечней для них пиши,—
Что пока у нас маловаты
Для поэзии тиражи.

А что трудно — время рассудит:
Из моих семерых, как знать,
Может быть, и прозаик будет,
Чтоб родителей поддержать.

1959

ПОЧЕМУ?

Мы с сынком заодно живем —
Вместе думаем, вместе спим,
В рощах воду живую пьем,
Из одной тарелки едим.
Удим рыбу, ищем грибы,
Учим грамоту:
«Мы не рабы!»

Он мне друг,
И я ему друг.
Друг без друга мы как без рук.
Хорошо нам вдвоем.
Но к чему
Эти вечные «почему»?

«Почему?»
«Отчего?»
«Зачем?»
Разве нету попроще тем?
Вот над пашнями дождь прошел.
— Хорошо тебе здесь?
— Хорошо.
— Не зайти ли в село?
— Зайдем.—
В дом зайдем, молока попьем...
— Стосковался о молоке?
— Почему же дом на замке?
— Чтобы воры не взяли чего.
— Кто ворует? Из-за чего?
Почему коршун кур дерет?
А нельзя ли наоборот?
— Вот опять ты вопросов тьму.
Ни к чему это.
— Почему?
Разве я не в своем дому,
Почему не спросить: «почему»?

— Мальчик мой, надо проще жить.
Нам всего не обговорить.
Видишь бор? А в бору забор?
За заборами гладь озер.
Хочешь — щель найдем, поглядим,
О природе поговорим?

Сыну тоже нравится бор.
— Но зачем же в бору забор?
Почему?
— Опять «почему?»!
Сам я многого не пойму...

Сам-то я их задам кому —
Эти вечные «почему»?

1959

В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Они вошли
И сели в три ряда
В заранее намеченном порядке.
Стол под сукном.
Трибуна.
И вода.
По краю сцены — зелень,
Как на грядке.

Поселок майским воздухом дышал,
И в клубе праздник начался весенний.
Но чем шумнее становился зал,
Тем лица их
Бесстрастней
И надменней.

Мы знали всех, сидящих за столом,—
Как говорится, нашенские парни:
Директор леспромхоза,
Агроном,
Начальник почты,
Мастер с сыроварни...

Но к нам они вошли из-за кулис
И — что случилось? —
До смешного строги,
Теперь на нас смотрели
Сверху вниз:
Ни дать ни взять —
Всеведущие боги.

1959

•

Мы с детства верили примете,
Что в миг, когда звезда зажглась,
В какой-нибудь избе на свете
Душа святая родилась.

Мы не одну за годы эти
Зажгли звезду.
И, как должно,
Считают люди по примете,
Что много душ на белом свете
За эти годы рождено.

Пусть как хотят о чуде судят —
Мне надо верить, чтобы жить:
Что их и в детстве не застудят,
И взрослых не дадут сгубить,

Что души их не искалечат,
Любовь к добру не заглушат,
Не иссушат живой их речи
И права думать не лишат.

1959

•

С сединою да с лысиной
Примиришься с трудом.
Сколько книг не написано,
Разве скажешь о том.

Наши мысли, и чаянья,
И бессильные сны,
И немое отчаянье —
Никому не видны.

А предчувствие страшное
Часто мучает зло:
Может, самое важное
То, что впрок не пошло.

И напрасно растрачены
Столько сил, столько лет,
Кровью сердца оплачены
Книги те, коих нет.

1959

•

В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.

Смешное влеченье!
И что за мученье —
Писать сочиненья
До отупенья?

Что — счастье? Что — тленье?
В чем жизни значенье?
И нужно ли людям
Такое служенье?

С большим запозданием,
Как испытание,
Настал мой период
Исканий, метаний.

С тоской безысходной
Лечу, как с откоса,
В свой мир переходный
Проклятых вопросов.

И труд, коим рано
Увлекся я слепо,
Мне кажется странным
И даже нелепым.

1959

НОВОЗЕРО

Вот и я побывал в раю —
Оказалось легко и просто:
В Белозерском лесном краю
Обнаружился Сладкий остров.

Так случилось, что ныне он,
Как заброшенный заповедник,
Не распахан, не заселен
И зверьем покинут последним.

Плоский, будто грибной пирог,
С невысокими берегами,
Заберись — и живи, как бог,
Не водись с земными богами.

Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на земле война?
Где, какое оно — лихолетье?

Только крыльев утиных свист,
Только звон зари глухариной.
Небо ясное, воздух чист
Пахнет рыбою да малиной.

Пусть местами вода мелка,
Но как небо ясное глянет —
Отразятся в ней облака:
Глубже моря озеро станет.

1960

ИСПЫТАНИЕ СЛАВОЙ

Что такое геройство?
Всем присущее свойство,
Иль оно — исключенье,
Редкий дар,
Вдохновенье?..

Прославляем отважных,
Юных,
Седоволосых —
И встает перед каждым
Много сложных и важных,
Очень личных вопросов.

Все ль живущие вправе
Помечтать хоть украдкой
Об успехе,
О славе,
Как считается, сладкой?

Иль она навещает
Тех лишь, кто и не тщится,
Даже не помышляет
К ней хоть раз приобщиться?

Просто —
Люди как люди:
Дышат полною грудью,
Не сгибаются — ходят,
Смотрят — глаз не отводят.

Просто —
В море, на суше
Честно родине служат,
Не мельчат свои души,
А случится что —
сдюжат.

Ну, а мы с вами — что же?
А все прочие — хуже?
Может, случай похожий —
Тоже что-то заслужим.
Неужели не сможем?
Неужели не сдюжим?

Разве в этом желанье
Схоже что-то с забавой?
Не профессия ж, право,
Героизм,
Не призванье...
Только есть замечанье:
Всех трудней испытаний
Испытание славой.

1960—1961

БУХАРА

Старинные мечети,
Резные медресе,
Экзотика столетий
Встает во всей красе.

Брусчатка Регистана,
Сиянье Гур-Эмир
И строки из Корана,
Премудрые, как мир.

Глазурью и эмалью
Расписан небосвод
Всё сказочною далью
В полон меня берет.

А с этой сказкой рядом,
Как новый великан,
Встает, отрадный взглядам,
Иной Узбекистан.

Ведут экскурсоводы
К местам иных чудес,
Где новые заводы,
И фабрики, и ГЭС.

Жаккардовые ткани,
Чугунное литье,
Но всё перед глазами
Былое веретье.

За университетом,
Полнеба заслоня,
Колонна минарета
Стоит в сиянье дня.

1960

●

Костер догорел,
Не шумит уже.
И лес потемнел,
Будто мы в шалаше.

Стало так темно,
Как в кромешной тьме.
Лишь полено одно
Чуть дымит в золе.

Что ж, оставим, пожалуй,
Его,
Не будет пожара:
Полено одно —
Одному полену гореть не дано.

1961

●

Когда все силы на исходе
И стылость осени в крови,
Еще сильнее год от года
Потребность в жертвенной любви.

Чтоб кто-то ждал тебя весь вечер,
Осатаневшего от дел,
Клал руки ласково на плечи,
Отогревал, кормил, жалел.

И хоть уж ясно, что не можешь
Свершить, о чем всю жизнь мечтал,
Тебе с годами все дороже
Слова признанья и похвал.

1962

●

От кустика да к кустику
По ягодке, по кисточке —
В корзине полно.
По рыжику, по груздику—
Ведро насолено.
Недаром осень прожита,
Зима не страшна.

По слову, по присловию,
К словцу словцо —
И вот стихотворение,

И книжка налицо.
Поэма есть,
И новая
Почти завершена —
И жизнь прошла не попусту,
И смерть не страшна.

1962

•

На многих охотах я побывал,
Все хороши по-своему, верю.
Люблю я гон по красному зверю,
По серому зверю,
По белому зверю,
Я бурого зверя в берлоге брал.

Лишь кабана вовек не гонял
И даже в глаза не видал ни разу.
О тиграх тоже лишь в книгах читал
Да слушал охотничьи рассказы.

Люблю собак,
Их бесстрашный нрав,
Готовность идти на любые муки,
Задрав ли зверя, живым ли взяв,
Свернувшись клубком и хвосты поджав,
Смиренно лизать хозяину руки!

Люблю их красивые имена —
У гончих — одни,
У птичниц — другие,
Носы их холодные,
Мышцы тугие...

Одних овчарок терпеть не могу...
Все понимаю и не могу.

1962

ПЕРЕХОДНАЯ ПРОБЛЕМА

(Дружеская автопародия)

> «Тревожно и грозно,
> Тем боле что поздно,
> И мой наступил
> Переходный возраст...»
>
> «На какой же орбите ты,
> Моя Аэлита?»
>
> «Убери свои губы, Нуну...»
> «Но, признаюсь,
> Если бы Лали...»
>
> «Дебора, Дебора, Дебора,
> Ужели я зря тебя жду?»
>
> *и т. д. и т. п. ...*
> *(Из последних стихов)*

Есть темы для прозы,
Есть все для поэмы,
Но возраст —
Тревожней не сыщешь проблемы.

Ах, если бы Ла́ли,
Олёны и Маши
Меня замечали
Немного пораньше!

Из дикого бора
Кивает Дебора,
Уставилась Нина
Из-за овина.

С орбиты то Рита,
То Аэлита
И Пелагея
На перигее.

Вон сколько их ныне!
А что я могу?
Пред всеми в долгу,
А чем помогу?

От Лали ушел,
От Гали ушел,
От смерти ушел,—
От жоны не могу.

Спешите, друзья,
Пока вы в зените.
Творите добро —
Любите, любите!

1964

•

Когда на улице метель,
В избе особенно уютно,
Печь горяча,
Мягка постель,
И спится сладко, беспробудно.

А то соседи подойдут
И до полночи — трали-вали:
Махорку жгут, бухтины гнут,
Как на охотничьем привале.

Мать подает на стол горшки,
Картошку, шаньги на подносе,—
Все подбирают мужики
И хвалят, и добавки просят...

О том, что было,— споров нет,
Все пережито, не забыто,
А вот насчет грядущих лет,
А как теперь там белый свет,
Куда несет его орбита...

1964

•

Осенью засыпает вода:
Холодна становится и темна.
Много ли из-подо льда
Видит и слышит она?

А ослепнет человек,
Долго ли помнит во мгле
Под ледяною корочкой век
Краски на небе и на земле?

Душа тоже слепнет.
И что ж?
Мутной, как водоем,
Все ей порою вынь да положь
Память о светлом, о былом,
О назначенье своем.

1964

●

В этом поле замерзнуть можно —
Снег по грудь,
Никаких примет,
Безнадежно и бездорожно,
Только ветер свистит тревожно,
Только заячий вьется след.

На приволье, а как в неволе...
Если б лыжи, но лыжи где?
А кому-то и в этом поле
Хорошо, как рыбе в воде.

1964

ПЕРЕГРУЗКА

Вся жизнь в перенапряжении
Порой до потери чувств,
Отрыв от земли,
Кружение,
Снижение, торможение
И, наконец, спуск.

И новое воспламенение,
И новое самосожжение.

Какие нервы выстоят,
Какое здоровье не сдаст?
Наслаиваются неистово
Волнения пласт на пласт.

Ни у друзей, ни дома,
ни на пиру
Спокойствие незнакомо,
не по нутру.

1964

ГРАНИЦЫ ДУШИ

А душа у меня есть.
И у нее свое зрение,
и свой слух,
и память,
и свой сказочно богатый мир,
а это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды.

Зрение души удивительно —
и оно тоньше ультрамикроскопов,
сильнее любых локаторов.
Она видит в пространстве
и во времени,
проникает в глубь веков,
заглядывает в самое себя.

И слух у души
совершеннее морских эхолотов —
слышит душа музыку вечности,
голоса цветов и трав,
их рост и дыхание.
А память души — это граничит с чудом.

Берегите душу,
раздвигайте ее границы,
расширяйте ее полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

1964

РОДИНА ЕСЕНИНА

Высоки́ берега!
А на той стороне
По лугам стога —
Копна к копне.

У таких копен
Он сидел не раз,
Как всегда, влюблен,
Тоже в ранний час.

А над ним текли
Облака, облака,
И за край земли
Заливалась Ока.

Посижу и я
На сухом сенце,
Вдруг сойдет на меня
Свет стихов его...
Синий свет.

1965

●

Не хочу озлобленья!
Озлобленье как старость:
Меркнет воображенье,
Пригибает усталость.
Духоборов все меньше,
Крохоборов все больше...
Где оно, вдохновенье?
Что от счастья осталось?

1965

●

...И когда,
может быть, впервые,
мне стало невыносимо тяжело,

ты меня не поняла,
ты отвернулась от меня,
не увидела
и не пожалела.
И я остался один.
Я должен был бы стерпеть
эту боль и обиду,
                    смолчать,
а я закричал.
И на этом все кончилось:
я потерял тебя.

1966

●

Который день метет метель.
Селенье в страхе и тревоге:
Ужель ничто,
Никто ужель
Не в силах перебить ей ноги?..

В снегу, как веха, журавель,
А вместо изб — одни сугробы...
И избавленья нет ужель
От этой сатанинской злобы.

1966

ЧЕРЕМУХА

В молодом лесу весны
В бивуачном беспорядке
Ивняковые кусты;
Кроны кленов зелены,
Как солдатские палатки.

А по склонам, как костры,—
Купол к куполу,—
Огромных,
Десять белых, как шатры,
Распустившихся черемух.

Что в них есть?.. Гляжу в упор,
Отвести не в силах взор
От нарядных, от красивых,
Как от граней снежных гор,
Как от троек белогривых.

Так белы — вокруг бело,
Белое чудо весны!
Природа позвала нас к себе в гости.
Мы в гостях у природы.

Обломали всё —
И чуда не стало.

1966

●

Если бы знать нам, что завтра
его не будет,
по-другому мы относились бы к людям —
к любому, как к своему родному,—
разговаривали бы по-другому.

Когда говоришь с другом,
помни: быть может,
это последний
разговор с ним,
последний день его жизни...
Последний раз его видишь...

Помни: завтра может его не быть.
Ты навсегда потеряешь его...
Спеши любить,
жалеть и любить.

1967

САШЕ

Два мира в доме: мы и он.
Два полюса.
Мы ходим, дышим,

Друг с другом говорим, все слышим,
А он — лежит.
И то — не сон.

Наш мир — он кажется простым,
Его — бескраен, необъятен
Уж тем одним,
Что непонятен,
Необратим.

У нас все тот же тарарам,
Столы и стулья, хлам в квартире...
А что в его закрытом мире?
Куда ушел он?
Где он там?

Он — рядом,
И его уж нет.
Что скрыто за его безмолвьем?
Непрожитых полсотни лет
Стоит за белым изголовьем.

Полсотни лет весенних гроз,
Весенних всходов, увяданий,
Удач и неудач,
Желаний,
Страданий и счастливых слез,
Полсотни лет любви, скитаний,
Всего, всего, что он унес,—
Оборвалось, не началось,
Растаяло, как свет в тумане,
Как след в безмерном океане,—
Распалось, смылось, расплылось.

Всей тяжестью своей они —
Года, не дожитые сыном,—
Придавят тех, кого он кинул,
Но лишь укоротят их дни,
Не удлинят —
Ополовинят.

1967

СНЕГ

С детства,
С самых первых зим
И на весь свой век,
Как Отчизны сладкий дым,
Полюбил я снег.

Полюбил его покой
И буранный вой.
Снег не мертвый,
Он живой —
Вихорь огневой!

У него свое лицо —
Запах, вкус и вид.
Звон морозный бубенцов —
Это снег звенит.

Знает вся моя родня:
Из села
Лыжня
Столбовой дорогой в мир
Стала для меня.

Не о вечности грущу —
На земле мой век!
Все ж, когда умру,—
Прошу:
Схороните в снег,

В его светлой мерзлоте
На Бобришной высоте.

1967

●

Схороните меня
на Бобришном Угоре.

Только на Бобришный.
Там есть против крыльца
моего охотничьего дома
старая береза
с муравейником —

самое чистое место на земле,
самое дивное и сухое.
В грозы обмывается,
в ветры обдувается.
Отсюда
в детстве съезжали мы с горы,
потом — охотились здесь
на рябчиков и глухарей...
Вот место,
которое я для себя выбрал.
Прошу только сюда:
на Бобришный Угор.

1967

●

Мне верить надо
В кого-то,
Во что-то,
Чтоб жить без оглядок,
Жить без расчета.

Мне надо верить,
Надо!
Надо!
В любые двери
Входить без доклада.

Мне неохота
С землей расставаться:
По сердцу работа —
Чего ж опасаться?

Я просто птица
На тонкой ветке,
Хоть тоже в зверинце
И тоже в клетке.

Но все же птица.
И мне с заземленьем
Не примириться
Ни на мгновенье.

1967

НЕ КО ВРЕМЕНИ

Что мне эти поздние почести —
Только старое бередить!
Не ко времени все,
Не по сердцу...
Ничего, ничего не хочется —
Ни любить,
Ни с ума сходить.

Не хочу ни сластей с орехами,
Ни копченостей.
Не хочу!

Вот опять на кривой объехали
И похлопали по плечу.

Не дерзается, не мечтается,
Как ни тщусь — не поднять крыла.
А красавица повстречается —
Я ей:
— Где ж ты раньше была?

1967

НАСЛАЖДЕНИЕ В ВЕРНОСТИ

Даже если замучила,
Даже если наскучила,
Столько все-таки прожито
Вместе...
Столько пережито уже.

Это— как верность родине,
Деревне верность своей,
С ее некрасивым именем,
С грязью непроходимою,
С запущенными сенокосами...
И все же —
Нету ее красивей.

Это — как верность Вологде.
Жил я там в холоде, в голоде,
Спал на газетах в редакции
С «Красным Севером» в изголовии.

Сколько б ни худославили
Меня,
Облыжно ни обвиняли,
Все тянет на Юг-реку,
На Кубену,
Всё — называю родиной.
Родная, не покидай!

1967

●

Счастливы однолюбы,
Они что единоверы:
Душа не идет на убыль,
Чужды ей полумеры.

Раз навсегда влюбиться —
Это, ни мало ни много,
В жизни определиться,
Выбрать свою дорогу.

Что полюбилось с детства,
То навсегда любимо —
Свято мое наследство,
Свято и неделимо.

1968

●

Что ж ты спишь, ветер,
Куда глядишь?
Хуже всего на свете
Такая тишь.

Сосны, обессилев
От снежных груд,
Руки опустили,
Спины гнут.

Снег вроде дыма —
Пока летит,
Почти невесом,
А невыносимо
Придавит он.

Обломает ветви у ствола,
Обломает крылья —
Будет роща гола,
Одни будылья.

Обломает ветви,
Того гляди,
Покалечит лес,
Что ж ты медлишь, ветер,
Гряди, гряди!
Нагрянь с небес.

1968

АКАДЕМГОРОДОК

1

Посреди поселка
Кормятся клесты.
Стелется поземка.
Распустив хвосты,

Легкими и юркими
Среди снежных груд
Серенькими струйками
Белки бегут.

Прямо под ногами
Мечутся дымками,
Катятся клубками,
Веют ветерками.

За сосновым бором
От берез бело —
То ли это город,
То ли село.

По кромке поселка,
Где институт,
Стелется поземка —
Белки бегут.

2

Редкая погода в городке,
В небе облаков ни лоскутка,
Ветерков вокруг — ни ветерка,
Снег сухой хрустит на холодке.

Улицы, как просеки в лесах,
На Морском проспекте — край земли.
Из берез жилые корпуса
Выплывают, будто корабли.

Прямо от гостиницы лыжня:
Оттолкнись
                    и — лётом по прямой,
Где в вершинах птичья щебетня,
Где живицей пахнет и зимой.

1968

●

...Подари, боже,
Еще лоскуток
Шагреневой кожи.

И женщины, женщины
Взгляд влюбленный,
Чуть с сумасшедшинкой
И отрешенный,
Самоотверженный,
Незащищенный.

Еще хоть одну,
С ее миражами,
Большую весну
С журавлями, с ветрами

С ее полноводьем,
И полногрудьем,

С разнопогодьем
И многотрудьем.

Еще сверх счета
Прошу у бога
Одну охоту,
Одну берлогу.

А там и до осени
Недалёко,
До златоволосой,
До кареокой.

А там
Прихватим зиму
Неукротимо.

А там посмотрим.

*

Дай бог,
Мой боже,
Еще лоскуток
Шагреневой кожи.

А мне уходить.
Не хочу уходить!
Дай мне, боже,
Еще пожить.

А мне
На переформировку,
переподготовку.
Продли мне, боже,

Командировку
на этом свете,
на этой планете.

А там готов на любую.

1968

ВИЛЬНЮС

По суткам в городе чужом
Мы бродим, как в безлюдном доме,
Пока ни близких, ни знакомых
В нем для себя не обретем.

Все не родное, не свое,
Как в том волшебном спящем царстве.
Кому кивнешь при встрече: «Здравствуй!»,
Кого расспросишь про житье?

А появляются друзья:
И даже камни оживают
И нам легенды поверяют —
Они — у каждого своя.

Душой стремясь во все вникать,
С друзьями ходим, не сутулясь,
И начинаем замечать
Названья площадей и улиц.

До слез волнует старина,
Веков прославленных руины.
И с древней башни Гедимина
Нам башня Спасская видна.

А если вдруг в счастливый час
В какой-нибудь светлице древней
Очнется спящая царевна
И подарит улыбкой нас,—

Тогда все в городе чужом
Становится навек бессмертным.
Мы именем ее пресветлым
Все, что полюбим, назовем.

1968

●

Две матери
На двух концах Земли,
Два каменных тревожных изваянья,
Изображающие скорбь, и муку,
И гнев людской, непреходящий гнев.

На Пискаревском кладбище — одна,
Средь опаленных кленов Ленинграда,
Другая — в Пирчюписе,
На литовских,
На выжженных фашистами полях.

Они живыми были, на щеках
Играл живой румянец, и в глазах светилось
Желание добра и счастья людям,
Но горе превратило в камень их.

Стоят под небом, будто две скалы,
Возникшие из пламени и крови,
Глаза их неусыпные суровы,
Опущенные плечи тяжелы.

Две матери...
А сколько их еще,
Окаменевших от людского горя,
На юге и на севере России,
На Балтике, на Волге, на Днепре.

Кому-кому, а им-то не забыть
На чем стоит, чем живо наше братство.
И разность языков им не помеха —
Они друг другу руки подают.

19 апреля 1968

УТРЕННЯЯ ПОЧТА

Не поземка ночью
Снегу намела —
Утренняя почта
Посреди стола.

Отбираю срочную —
Что душе мила.

Все делю поровну:
Важное — в стопу,
Остальное — в сторону,
Как щепу.

Будто свежая щепа —
Письма по избе,
Но от каждого — тропа
К чьей-нибудь судьбе.

Рубят лес там и тут
И щепа летит,
И со всех концов идут
Письма, полные обид.

Открываю в чью-то жизнь
Дверь — рву конверт:
«Поддержи, заступись,
Защити, дай совет!..»
Добрый дай совет!

Просят жены и мужья
Укрепить семью!
— А нельзя ль иметь, друзья,
Голову свою?

От влюбленных вороха —
Их не перечесть.
Главным образом, в стихах —
Даже рифмы есть.

Если б сам не писал,
Сам не грешил,
Я бы кое-что сказал
Им от души.

1968

●

Так же будут юноши писать
И стихи и прозу,
Так же будут ветры задувать
И трещать морозы.

Все, что пело, будет впредь
Так же петь,

Достигая роста...
Просто можно зареветь —
До того все просто.

Так чего же мне желать
Вкупе со всеми?
Надо просто умирать
Раз пришло время.

28 апреля 1968

СТРОФЫ

•

А мне Москва не легко далась:
Из тундры в берестяных сапогах
Я шел пешком в осеннюю грязь
К ее святым берегам.

1947

•

Поэзия!..
Вряд ли припомню,
Когда это всё началось.
Поэзия! Как нелегко мне
В голодной деревне жилось.

1958

•

Давно обходимся без бога:
Чего просить?
О чем молить?
Но в сердце веры хоть немного.
Наверно, надо б сохранить.

1958

•

Настежь открытая миру душа,
Как ты была чиста, хороша!

1958

●

Тебе со мной — беда.
Не знаю, будет ли легко,
А скучно — никогда.

1958

●

В многообразии бытия
И мы для кого-то несовершенны:
У каждого свой шесток во вселенной,
И правда своя,
И кривда своя.

1959

●

Десяток лет
И два десятка
Спокойствия и тишины,
А я,
Как та вдова-солдатка,
Всё не опомнюсь от войны.

1959

●

Пути поэзии трудны,
И все ж мы за нее в ответе —
Кому-то и стихи нужны,
И я не зря живу на свете.

1959

●

Я бы мог сочинить
не один том.
И построить бы смог
не один дом.

Только дело в том —
    кто поселится в нем,
Кем прочтется и как,
    что далось трудом...

1959

●

Листья разные —
Желтые, красные,
Резные, фигурные,
Огромные...
Миниатюрные.

1959

●

Вода живая,
Дождевая
Шумит, дороги заливая.

1959

●

Много планет, а Земля одна,
Солнце — одно навеки.
Только одна на всю жизнь дана
Родина человеку.

1959

●

Спокойно и ровно
Любить не умею.
Любовь моя —
Словно
Гиря на шею.

1961

•

Я снова влюбился в свою жену,
И — ничего, кроме радости.
Опять за собою везде тяну,
Дарю ей цветы и сладости...

1963

•

Все во имя совести,
Все во имя чести,
Все — от первой повести
До последней песни.

1963

•

Запой, соловушка, запой
В подлеске
За моей избой.
И пусть поэзия моя
Достойна будет соловья.

1964

•

Затянуло пашню,
Словно заводь илом.
День мой, день вчерашний
Мусором забило.

1966

•

Все ушли.
Я опять один.
Только письма да папиросы,
Да все то, что оставил сын...
И все те же вопросы, вопросы.

1966

•

Сплю на овчине,
Прикрыт овчиной,
Себя самого
Зову молодчиной.

1966

•

Ой ты, Русь, моя Русь,—
Ноша невесомая!
Насмеюсь, наревусь —
У себя дома я.

1967

ПОЭМЫ

МАТЬ И СЫН

Елене Христофоровне Первенцевой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти,—
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Прямиком на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

*

Как быстро в лето перешла весна!
В аудиториях запахло сеном.
Легко ли усидеть до перемены:
У самого окна шумит сосна,
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвечивают стены.

Как стрелы — в небе черные стрижи.
Галдят грачи и галки над оградой.
За город вырваться хотя бы на день!
А тут корпи — зачеты, чертежи...
И появлялись на полях тетрадей
Речушки, елочки, полоски ржи.

Уже сговаривались — кто куда
Поедет на лето:
Страна богата,
Везде хотелось побывать ребятам.
Тянуло их в большие города,
К морям —
Ужель там дó неба вода?
К горам —
Ужель не тает никогда там?

Василий сдал последний свой зачет,
И что-то вдруг напомнило дожинку,
Последний сноп.
Теперь бы квасу кринку!..
Друг путешествовать его зовет
Да не на юг —
И дома все в новинку!

Взять удочки, палатку и — в поход
На север от селенья до селенья,
В Великий Устюг,
Дальше по теченью...
Но тянет к матери:
Уж третий год
Родная сына на побывку ждет,
Наверное, не спит от нетерпенья.

Всегда больная, в вытертом платке,
В дырявом домотканом сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных
И перед кем не кланялась, робея?
Перед кем
Не плакалась?
Спала в чуланах, в бане...

Искала счастья.
Только годы шли.
Состарилась под окнами чужими

И лишь на кличку отзывалась —
Имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон:
Не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора,
Перебиваться становилось нечем,
Они ходили вместе по дворам
За милостыней,
Спали по углам,
Где приведется, где застанет вечер.

И он, Васёк, Васютенька, ей был
И утешеньем в жизни, и надёжей,
Что вырастет и матери поможет,
Не сглазили бы лишь его судьбы...
Порой молилась богу:
«Дай ты, боже,

Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла!»
Ведь все по-новому пошло недаром:
При новой власти можно комиссаром,
А можно стать учителем,
Дела
Шли по людски б,
Она бы зажила —
Корову бы доила, лен пряла,
Своим обзавелась бы самоваром.

И чтоб сынка в детдом устроить, мать
Не раз ходила в город — хлопотала.
Но без него сильней затосковала.
Сын, правда, стал учиться...
Да ведь мало ль?
К добру ли? Да пробьется ли — как знать?

Василий рано начал понимать,
О чем она молилась и вздыхала.

И вот он вынул вещевой мешок,
Взял хлеба, сала — ведь долга дорога! —
На подбородке пощипал пушок

И вслух сказал:
— Готов! Чего еще? —
Но в голосе его была тревога.

От матери шли письма редко. Мать
В последний раз писала, что на свете
Еще есть бог, что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:
Старик, к которому ходила жать,—
Вдовец Михайло,— вдруг надумал взять
Ее в хозяйки, в жены,
Сам приветил;

Что у нее теперь есть свой домок,—
Весь двор мычит утрами и кудахчет...
Жизнь муторная кончилась,
Сынок
Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

Сначала с пылу сын решил: ему
Идти нельзя к ней — мать кулачкой стала.
(Кого-кого — Михайлу с детства знал он!)
Но любящее сердце подсказало:
Батрачит, верно, как и встарь. К тому ж
Видней все будет после, на дому;
Он должен повидать ее сначала.

Василий был суров не по годам.
К чужим попавший чуть ли не в пеленках,
Напоминал он людям иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого, лихого ястребенка.

Но сколько б раз ему заговорить
О матери своей не доводилось —
Его лицо печальным становилось:
Умел жалеть он, помнить и любить.

Да и в полях охота побывать,
В лугах, в лесах —
Там лето в полной силе.
Что за малинники в заречье были!..
Решил письмо ребятам показать,
Друзьям своим.

Друзья как отрубили:
— Ты ей не сын! Она тебе не мать!
В детдоме жили мы с тобою?
Жили!

Дружили, породнились?
Еще как!
Так что же ты о нас-то не подумал?
Чтобы тебя как гостя встретил враг?
Чтобы с тобой беседовал кулак?!
Спать, есть пойдешь под крышу толстосума?..

Легко сказать: ты ей теперь не сын,
И, дескать, матерью своею брошен!..
Все так: в детдом голодным и босым
Он взят был, как зайчонок с полосы,
И жизни раньше не видал хорошей.

Но брошен ли?
Не верится, чтоб мать
Вдруг стала сразу для него чужою.
Нет, мать забыть — что родину предать...
— Пойду! — решил он.
Где ребятам знать,
Чем связан он с родимой стороною!

Решил — и легче стало. Башмаки
Проверил: топать по корням, по лужам;
Встряхнул мешок — ремни еще послужат.

Стрекочут за обоями сверчки.
Грачи над общежитьем у реки,
Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ох, и лес, ребята, ох, и лес!
Говорят, что сосны до небес,
До небес, до туч...
Легко сказать,—
Неба в соснах вовсе не видать.

А болота!
Только забрести —

Не найдешь обратного пути,
Разве что охотники спасут,
Не путем их ноги занесут.

И, живя в лесах до ста годов,
Люди не видали поездов.
Поездов все нет, но самолет
Что ни день над головой плывет.

*

Каким большим он помнил этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым
И все полно чудес,
Знакомым с детства, дорогим и страшным.

За кузницей глухой овраг, а там
Ютились ведьмы, оборотни, звери.
Какие — кто видал? Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночным и старым сказкам
верил.
Поют, как раньше, по садам скворцы,
С ветвей рябин свисает паутинка.
Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые —
В пупырышках, в ворсинках.

Пусть радостей не знал он здесь,— кругом
Труд беспросветный да нужда лихая,—
А не было милей на свете края.
О детство незлобивое! Всё — дом!
Всё — свой порог!
Всё — сторона родная!

Мальчишества беззлобная пора!
Как нас ни унижали, как ни били,
Обиды мы простили и забыли,
Когда в былое отошло *вчера;*
Остались в памяти лишь вечера,

Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

Зеленый свет без края, без конца...
Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...
С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

Взглянул, вгляделся — можно ль не узнать?
Но, все не веря долгожданной встрече,
Он бросился навстречу:
— Мама! Мать! —
И стал ее неловко целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилось в яму.
И вот уж собралась толпа девчат,
И баб невпроворот, и все кричат,
И ахают — не оберешься гаму.

— Вот повезло!
Сама, вишь, привилась
К готовому, и парень вышел в люди.—
Но Аграфена слушать пересуды
Не стала, гостя за руку взяла
И мимо баб в хоромы повела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
Тут все свое. Вот явится родитель...
Все это — двор, амбары, теремок —
Не кто, как бог,
Не кто, как муженек,
Радетель наш построил, вызволитель.

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли, Огрёной не зовет —
Графинюшкой все больше. То-то вот...
А уж тебя, бывало, ждет-пождет:
Мол, скоро силой станет сын в округе.

Василий растерялся — рад, не рад?
Смотрел на мать:
Согнулась, исхудала,
Трясутся руки, неспокоен взгляд...
— Здорова ль, мамонька?..

...А с год назад
Огрёпа у Михайла поле жала.

Он овдовел, Михайло. (Почему?
О том лишь богу да ему известно.)
— Как жить тут,— говорил он,— одному?
Хлеб не́ сдал — штраф,
Не вышел в лес — в тюрьму.
Ну, прямо — перекинь на горб суму
И с глаз долой,
В родной деревне тесно...

Нет, кулаком себя он не считал:
Ведь — дом как дом...
Ну, пять коров... ну, лошадь...
Он обхожденьем славился хорошим,
Работал сам,
Работе цену знал,
А батраков держал двух-трех, не больше.

Году в двадцатом в бане за двором
Домашнюю устроил мыловарню,
За обученье знающему парню
Платил позеленевшим серебром,
За мыло рожью брал,—
И крепнул дом.
До двадцать третьего все шло куда с добром,
Но донесли, и он, захлопнув баню,

Подался в волость продавцом служить.
«Усушка» объявилась, он — в контору,
«Утечка» обнаружилась — он скоро
В деревню перебрался.
Так и жил:
Пил только за компанию, дружил
С людьми из города,
И сам шел в гору.

Да ждал войны, ох, как он ждал войны!
Возня с обрезами не увлекала:
Власть у Михайлы корни подрубала,
Ему безделки были не нужны,
Так мстить хотел, чтоб вся земля пылала.

Когда же беднота его взяла
За ворот, надо было примениться
И к ней, и хоть жена не рукавица,
А сбросил все же: баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.

Огрёна сразу словно ожила:
Еще бы замуж ей не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила —
Все без толку, зазря пропала сила;
А сколько хлебушка измолотила,
А сколько скотных обошла дворов,
Каких коров по найму не доила!

И ни единой кринки молока
Себе не надоила, хоть дрожала
Над каждой каплей, все казалось, мало;
Телят выхаживала — ни телка
Себе,
А сколько жала — под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая, что и не сказать,
Нежданная удача привалила!
Огрёна для приличья погрустила
И согласилась.
Сыну написать
Решила тут же: больше, мол, страдать
Нужды нет, приезжай, мол, Вася, милый,
Теперь и без ученья благодать.

Все было просто:
Поутру на стол
Михайло, покрестившись на икону,
Бутылку водки вынес,

Стол обмел
И — тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе, по закону,
С собою рядом посадив Огрёну,
Неторопливо сватовство повел:

— Коль зло какое было — зло забудь.
Входи, Огрёна, правь и будь как дома,
Будь Аграфёнушкой, графиней будь,
Не казачихой — большачихой [1] будь
В амбарах, в погребе, в моих хоромах.

Из загса к вечеру вернулись — он,
Еще не раздеваясь, от порога
Ей указал на три угла икон:
— Благодари Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля
И бойся бога...

А через две недели снарядил
Ее в Совет.
Она три дня ходила,
Ревела и Калининым грозила,
Чтоб твердое заданье снято было.
Добилась.
И Михайло поступил
На службу «по призванью» — в Союзмыло.

Огрёна воевала за свое.
Хозяйкой став впервые, как в угаре
Она бродила.
Это ль не житье:
Полны зерном все закрома в амбаре,
Полны добром чуланы...
Все — ее?
Ужели все в дому теперь — ее?..
А сколько же гербов на самоваре?

А что в подполье?
Что в шкафу? В ларе?
Что в сундуках и что за сундуками?

[1] Казачиха — на севере работница, батрачка. Большачиха — хозяйка дома. *(Примеч. А. Яшина.)*

(Все сундуки стояли под замками.)
Огрёна поднималась на заре —
Хотелось все ощупывать руками.

Петух под окнами трубит в трубу,
Разлегшись, боров стонет —
Стой и слушай!
У конуры,
Привязанный к столбу,
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Завидовала всем,
Сама теперь
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась,
Проверяла дверь:
«Жизнь!.. Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса бранила: — Чтоб ты сдох! —
Второй замок привесила к ограде.
Все нынче есть, что Аграфене надо:
Был сарафан — теперь ей мало трех,
Был бог, как и у всех крещеных бог,—
Теперь их два:
И вышний бог не плох,
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?! Не велика семья,
А пять коров... Да ну-ка, посчитай-ка:
Пяток овец, три борова, свинья,
Две казачихи...
И над всем-то я,
Я, Вася, надо всем сама хозяйка.

Заторопилась, скатерть постлала,
Сходила нарвала на грядках луку.
— Тебе яиц или свиного туку?
Уж так-то плакала я, так ждала!..—
Пошла в чулан,
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

«Закрыто...» Застыдилась:

— Сам, большой,
Ключи-то взял. А я, все я хранила! —
И заметалась. Уронив горшок,
Котенка пнула:
— Брысь, нечиста сила! —
Окно открыла: — Бабы, сын пришел.
Уж так-то ладно все и хорошо...—
Но в избу ни одной не пригласила.

«Пол только топчут...»
Бабы разошлись.
Василий поглядел в окно, на крыши,
На небо серое, что крыш не выше,
И муку матери —
Какая это жизнь?! —
Вдруг ощутил —
Как будто стон услышал.

Иное счастье грезилось ему,
И мать хотел устроить по-другому.
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить, чем дохнуть в этом «терему»,
Полы выскабливать в чужом дому,
Копить добро, служить всему чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васюта, в стойле конь:
Меня увидит — ржет, чужой — не тронь...
Ну, как из сказки, прямо конь — огонь,
Яга от зависти б сломала ступу.

Уж и не помню вот, по скольку в час:
Хвост — в подгоре, а грива на угоре...
— Что ж, покажи!
— Да... стойло на запоре.

Вошел слепой. Сказала:
— Бог подаст! —
Но передумала.— Который раз
Пришел? — спросила.— На! Молись за нас! —
И задержалась взглядом, как на воре.

— Сколь этих нищих ныне развелось —
Проходу нет! Отколь, скажи на милость?
Трудились бы, так нет! Глядят небось,
Как бы кого обчистить довелось...

Огрёна набожно перекрестилась.

*

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей и шум тепла в трубе.
И вдруг ударил ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Затопотали по железной крыше.

Промокшие до нитки,
До костей
Продрогшие, в заплатанной одёже
Вбежали девушки. Таща пестерь,
Вошел и сам.
— О, бог послал гостей!
И я до радости под старость дожил.

Он был, как сыч, невиден, но глазаст,
С раскинутыми крыльями-руками
И с носом птичьим,
Только над бровями
Морщины громоздились пласт на пласт;
Такому если бог чего не даст —
Он за чужое схватится зубами.

— Так, значит, проживаешь в городу? —
Заокал он Василию.— То гоже!
Кому чего положено в роду.
Ты на окладе, стало быть? Я тоже,
Да небольшой вот дом еще веду.
Домок и служащему нужен все же.

Огрёнушка, подай-ко огурцов
Да водочки остаточек! —
И вынул

С ключами из-за пазухи кольцо.—
Я, стало, довожусь тебе отцом?
Ну, что же, рады коммунисту-сыну.

И, у окна устроившись, повел
Раздумчивую, дельную беседу
Об устроенье жизни, о победах
Большевиков, о том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы...
Но не порок и бедность;

О том, что вот со жнивой чуть просрочь —
И спелый колос все зерно обронит;
Что «ономедни подошли помочь
Племянницы... Еще ночуют ночь...»
И тут Михайло подмигнул Огрёне.

Он выдал ей
(«Такой сегодня день,
Давай-ко, оборачивайся, делай!»)
Яиц, лучку и даже мучки белой.
И вот защелкало и зашипело,
Запело сало на сковороде.

Подав на стол, Огрёна за шестком
Остановилась, на Василья глядя:
«Сыночек мой! На старости награда...»
Сын вдруг заметил:
Мать не за столом.
Боится, что ли?
— Мама, сесть бы надо!..
— Да вы-то кушайте! Я что... Я так... Потом...

Михайло — тоже:
— Что ж ты? — и перстом
Ей указал на лавку, с сыном рядом.

Потом, когда настало время спать,
Сказал:
— Устал ведь сын-то за дорогу,
Его на нашу положи кровать,
Мы на полатях будем ночевать.—
Огрёна радовалась и молилась богу.

*

А сын невесел будто. Почему?
Стесняется, наверно...

Звонким лаем
Собак,
Возней кошачьей за сараем
День начался...
Теперь они в дому
Вдвоем остались, и она ему
Сказала воровато:
— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный черт,
Косясь на желтую в медяшках сбрую.
Огрёна хвалится:
— Смотри-ка вот,
Ученый конь, глазами так и жрет.
«Дай ногу!» —скажешь,
Ногу подает,
«Подай другую!» —
Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
К колодцу ткнулся, обезумев, хряк,
Когда лихой, подтянутый рысак
Пошел плясать, поёкивая басом.

Деревня с визгом жалась к стороне.
Взлетала над ухабами корзина.
Огрёна правила сама: коней
Она любила; муж ушел, а ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля, тереби! —
Молила шепотом она сквозь зубы.—
Пляши, родимый, топай, толстогубый!..—
Мелькали палисадники, столбы,
А небо то вставало на дыбы,
То опускалось на сады, на трубы.

Горяч рысак — не натяни вожжи́.
«Вот на таком невестой выезжать бы!..»

И вспомнила Огрёна свою жизнь,
Украденную молодость во ржи —
Обидную неисправленную свадьбу.

И так дышала, словно никогда
Уж не дышать ей больше.
Лошадь взмокла...

Зло огрызались бабы у пруда,
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный, недобрый:
В хлев не зашел, не осмотрел двора,
Как будто в них ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло был покладист, как вчера:
Ждала — ругать начнет,
Он все одобрил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пылью избы занесло,
Свищет ветер в поле.
И на сердце тяжело,
Тяжело до боли.

Ждет Василий, чтоб гроза
Освежила лето.
До того болят глаза,
Что не видно света.

Будто пыль со всей земли,
Все пески, что в поле,
Прямо на сердце легли —
Тяжело до боли.

*

В деревне было сто дворов. Кругом
Леса и пашни.
В три ряда́-посада

Тянулись избы с трех полей на холм,
И здесь был центр села, «угор»; на нем
Часовня с куполом;
Как всякий дом,
Часовенка стояла за оградой;
Конечно, и калитка с петухом,
Скамья, конечно, и колодец рядом.

Сюда по праздникам, по вечерам
На круг, на пляску девушки сходились;
Здесь на досуге мужики судили,
Когда косить, когда пахать пора;
Охотники похвастаться любили —
Они всегда на сказки мастера...
Ходил к часовне этой и Василий.

Как свой — к соседям.
И, казалось, все
Раскланивались с ним по-свойски просто:
Уж он не нищий,
Да и не подросток.
— Василий Николаич, вы совсем
В деревню к нам иль в гости?
— В гости, в гости!

Все шло как надо.
Только замечать
Василий стал, что иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат
Иль засмеется кто-то из девчат,
Закашляются старики соседи:

Что ж, мол, Михайло... может, и кулак,
Но человек же...
Ничего, гостите.
А впрочем, сами — вам видней! — смотрите,
Судите сами — что к чему и как...

Иные просто не скрывали зла,
С его приходом становились строже,
В глаза глядели, как из-за угла,
Шутили так, что холодок по коже.

И уж совсем не шли дела на лад,
Согласья не было с Петром Валовым.

Тот у Михайлы много лет подряд
Батрачил,
И «наследника» был рад
Поддеть при случае веселым словом:

— Как вас теперь — на «вы» или на «ты»?..

...В селе Валова звали «Долог-Тонок»:
Что весла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный, беднота из бедноты,
Покладист и доверчив, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Но жизнь любя, Петр сетовал немало,
Что старость близко и уж, как бывало,
Не грохать на угоре каблуку,
Что бабы нет своей,
А мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности Валов,
И запевала и плясун когда-то,
Невест немало разных пересватал —
И старых дев,
И даже старых вдов
С коровами, а чаще без коров,
Но сваты были, что ль, не тороваты?

И за него боялись выходить:
«Веселый,— говорили,— да не сытый;
И сруб не дом, коли стоит не крытый...»
Лишь горничная сельской попадьи
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее ушел побитым.

Большая, мягколапая, она
Мурлыкала:
— С тобой не жизнь — веселье! —
И сладко пахла липкой карамелью.—
Считай, что я почти твоя жена,
Но только, Петя, музыка нужна,
Чтоб танцевать на нашем новоселье.

Есть у Михайлы старый граммофон;
Труба что колокол, в трубе вся сила.
Я на твоем бы месте согласилась
Три года проработать — есть резон!
Ну, а Михайло не поспорит, он
За два отдаст...
Уж я договорилась.

Петр две страды за «музыку» трубил,
Сил не щадил, дня не сидел на месте,
Пни корчевал в полях, дрова рубил,
Но в чем-то под конец не угодил,
И вот — ни граммофона, ни невесты...

...— Так как же вас: на «ты» или на «вы»? —
Он спрашивал Василья.— Сделай милость,
Скажи!
(И гостю жутко становилось.) —
Михайле не снести бы головы,
Когда б Огрёна с ним не породнилась.

А с вами он и вовсе не кулак.
Мы тут мечтаем о колхозном деле,
Так вы бы о Михайле порадели.
Пишите заявленье:
Так и так,
И мыловары, мол, нужны в артели.

Иль так порою начинал Валов:
— Ну, как наследство? Принял все по форме?
Теперь тебе, я думаю, тепло,
Поди, свининой да блинами кормят? —
А сам как захохочет...

...Тяжело!

*

Любил Михайло летом перед сном
С цигаркою усесться под окном.
Ни голосов вокруг,
Ни ветерка...

Василий следом за Михайлом вышел
И, торопясь, не оробел пока,
Спросил:
— К чему ты связывался с нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика —
Ужель невесты не нашел почище?

Михайло брови поднял. Желваки
Вдруг заиграли.
— Что вы! И в помине
Здесь этих псов,— сказал он,— нету ныне.
Ну что у нас, в лесу, за кулаки?
Мы от всего такого далеки.
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

Я линией партийной дорожу.
Батрачки — говорите? Я их сроду
Не нанимал. Племянниц вон держу,
Так — для добра...
Я, как и вы, служу —
Вы сами понимаете — народу...

Ночь летняя светла и коротка.
Вот уж к колодцу поплелась старушка.
Из ничего рождались облака,
Как будто чья-то сильная рука
Строгала небосклон и по бокам
Охапками раскидывала стружку.

За палисадом вздрогнул первый лист...
Михайло встал.
Он понял, что некстати,
Что попусту слова и время тратил.
— Ты, стало быть, еще не коммунист? —
Сказал Василию он.— А речист...
Ну, что ж... Светает. Посидели...
Хватит!

*

Когда в дому раздоров не изжить,
Кто может горе матери измерить?
Огрёна плакала и не могла поверить,

Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось всех перемирить!

Конечно, муж поглядывает зверем,
Но сын-то, сын! Ему бы все — добром,
Ведь до какого счастья парень дожил:
К нему по праву перейдет весь дом,
И утвердился б он навеки в нем
С женою работящей да пригожей.

Не радуется! Чем его пронять?
И уж она и так, она и этак,
И про коров ему, и про коня...
Молчит — и только.
Васю не узнать.
— На что, сынок, теперь тебе пенять?
Не любо, что завидуют соседи?

Молчал Василий.
Что он мог сказать?
Какую мог пообещать ей малость?
А надо отстоять ее, отнять...
Учебы две зимы еще осталось.
Еще два года — и он смог бы взять
Ее к себе, чтобы утешить старость.

И, выбрав время, с наступленьем тьмы,
Обняв ее, заговорил он прямо:
— На кулака позарилася, мама?..
Иль нет другой дороги от сумы?
Иль думала — не справиться самим?
Нет, жизнь не та... Травы не ниже мы...—
Огрёна брови сдвинула упрямо.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине,
Мы от всего такого далеки.
Уж если есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак — какой же он кулак?
Мужик как все, и никого не хуже...
Живет на жалованье — стало, нужен.

Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло служащий, а не кулак:
При месте он, и сам народу служит.

— В народе-то о нем и говорят,
Что он не служит, а народ, мол, грабит.
— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти:
Михайло, вишь, богат.
Радеть о доме, Вася, каждый рад,
Да ведь не бойки и умишком слабы.

— «Племянницы»,— Василий наступал,—
Лишь у одних у кулаков бывают.
— И полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да ведь не выдюжить, достаток мал;
Ну, зло берет...
Вот бабы-то и лают.

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все и был вдвойне
С Огрёной утром ласков:
Звал «Огрёшей»,
«Моей графинюшкой», «моей хорошей»...
Ключи ей передал, сказал: — Жене
Всем володеть, коль будет жить по мне.—
И потрепал, погладил по спине,
Как верную, объезженную лошадь.

Но вечером, узнав, что ополдня
Огрёна жарила оладьи сыну
И что брала из погреба свинину,
Он в дом вошел, косясь, весь свет кляня,
Шипел, подталкивал ее, гонял,
Совал костистым кулачищем в спину.

— Беда двору, коль курица поет
По-петушиному.
Жена что кошка,
Пусти за стол — и наживешь хлопот.
А тут еще какой-то обормот
Не ждан, не зван пришел к тебе, и вот
Ему — кровать,
Ему — большая ложка.

Огрёна сникла: в угол за шесток,
Как в щель, забилась. Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.
Василий думал:
«Может, впрок урок —
Глаза откроются...»
Но мать вздохнула
И отошла, ни слова не сказав.

А только стихли ругани раскаты
И муж полез за стол, под образа,
Огрёна по-собачьи, виновато,
Покорно глянула в его глаза,
В зеленые Михайловы глаза,
И бросилась греметь в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Чужою показалась мать, горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась! Причитала,
Как будто спорила с собой, вздыхала,
Шла в погреб с кипяченым молоком,
Да не дошла, к поленнице припала
И растирала слезы кулаком.

Вся жизнь пред ней, как пустошь за двором
Крапивная — в колодинах и в ямах:
Все до вершка завалено камнями.
Не вспомнить дня, чтобы прошел добром...
Все втоптано,
Все полито слезами.

И литься, литься им... На лоскутки
Душа изорвана...
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала бы, плакала с тоски,
Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало.

Сын видел все и вот уговорить
Решил ее поехать сразу в город.
— Ты, мама, будешь в общежитье жить,

Со мною вместе,
Там начнешь служить:
Белье стирать, полы мести и мыть,
Потом... Колхозы в селах будут скоро.

И я ученье кончу. Положись
На сына, мамонька. Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет, замает...—
У матери слеза в глазах дрожит.
— Васютенька, сынок!.. Опять к чужим?
Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.
— Но, мамонька, да ты и здесь — чужая!

Мать выпрямилась, словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.
— Ты ослеп неуж?
Михайлу хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик справил.
— Он, мама, царь и бог...
— На то и муж.
— Зачем же бьет тебя он?
— Бьет по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет, так будто и не лихо.
— Все от тебя закрыто.
— Он — большак!
— Батрачка ты!
— Нет, Вася,— большачиха.

*

На гумнах, за дворами, по домам
Давно уже ходили разговоры:
— В хомут Огрёпа сунулась сама,
И сын — набрался в городе ума! —
Туда же лезет,
Там же будет скоро.

Василий горячился, но в ответ
Шутили да плечами пожимали:
Мы ничего, мол, слыхом не слыхали,
До ваших дел нам вовсе дела нет.

По деревням заем распространяли,
И днем пришел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем, нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиною целый угол,
Сидел один, потея, как над плугом,
Над сводками, где на числе число.
Все с революцией к нему пришло,
Лишь арифметика давалась туго.

Василья встретив, он оставил счет.
— А! Знаем,— говорит,— как поживаем?
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
Образованье каждому дает.
Ну, как вы там? Ученье как идет?
Наслышались: приехал и живет,
Мол, у Михайлы... Или врет народ?
Или не врет он?
И Михайла знаем!..

И председатель щурился, щипал
Бородку, двигал хитрыми усами.
Все выпытал, все выспросил, узнал,
А поручения давать не стал.
— Управимся,— сказал,— тихонько сами.

Василий встал, не видя ничего,
И председателю руки не подал.
Он принял недоверие его
Почти как отлученье от народа.

*

Дорога шла болотом, через гать.
Журавль покрикивал в траве высокой.
И было непривычно одиноко.
В душе смятенье:
Как оставить мать?
Мать позабыть — что родину предать...
Свернуть с тропы, упасть да зарыдать
И рвать зубами горькую осоку!

Лес окружал его кромешной тьмой.
И вот представилось:
Он снова нищий...
Один...
Василий сел на корневище,
Вздохнул:
Та-ак! Рвался человек домой,
Шел — песни пел,
А дома не отыщет.

К воде склонился: думалось, юнцом
Себя увидит...
Как он посуровел!
В болотной жиже, словно в луже крови,
Веснушчатое бледное лицо,
Донельзя сдвинуты густые брови.

Стоячая зеркальная вода,
Казалось, отразила ястребенка,
До срока выпавшего из гнезда.

Пора была нелегкая тогда,
И все, переболев, перестрадав,
Взрослели рано мы, не по годам:
Глядишь, уже мужчиной стал мальчонка...

Василий посидел, набрал камней
И стал кидать с мостков за камнем камень,
Чтобы рассеяться.
Вода пошла кругами,
Густыми, розоватыми, и в ней
Явились сотни молодых парней,
Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск
Да брызги, как пыльца,—
И толпы одногодков проявлялись
Из одного скуластого лица;
Они то хмурились, то вдруг смеялись,
Шли вглубь, и вдаль, им не было конца;
И снова все в одном лице сливались.

Припомнились знакомые места...
Решение созрело:
В город, в город!..

. . . .

Мать подала письмо.
«Ну, как ты там,—
Друзья писали,—рыжий, сирота?
Не прижился? Сбежишь, наверно, скоро?

Иль дом нашел? Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...»
Василий думал:
«У меня семья
Одна со всеми. Сирота не я.
Вот мама у меня осиротела».

В ограду ночью вышел. Как в гробу,
Как в яме погребной, темно и душно.
Все спит, и лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да, сын сбежит.
Но этот чертов дом
Развалится.
Пора еще настанет,
И над Михайлой гром великий грянет,
Мы здесь порядок наведем во всем!

*

Еще все спало, куры свой насест
Не покидали — уж Огрёна встала.
В сенях работниц грубо растолкала
И повела их к новой полосе.
Еще был след заметен по росе,
Стрекозы не летали —
Чуть светало.

За нею, так и не успев соснуть,
Взяв рюкзачок свой, мучась от зевоты,
Пришел и сын.
Явилась вдруг охота
Привычно спину над жнитвом согнуть,
Почуять запах ячменя и пота.
— Сядь, мама, отдохни, а я пожну,
Тебя и так сгорбатила работа.

Все никого дороже и родней
На свете не было. Ах, мама, мама!
В какой бы час, какими бы словами
Заговорить еще раз с милой, с ней?..
Огрёна разогнулась.
— Ты ко мне? —
И, улыбнувшись, развела руками.

— Я, Васенька, сыночек мой, авось
Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
— Я не об этом, мама, беспокоюсь.
— Зачем же серп тебе — ты нынче гость!
Есть вот запасный,
Но тупой небось...—
Василий взял — и вот за горстью горсть
Стал хлеб ложиться на крученый пояс.

Мать сноп нажнет, Василий — два снопа,
Завязывает через два наклона;
Сухие сразу ставятся в суслоны,
Сырые на просушку, на попа.
— Ну и дотошный! Видишь, как напал!
Ну, работяга! — ахает Огрёна.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь-де, мама, у тебя плохая,
Батрачишь, мол, и что-то про Михайла,—
Она поджала губы, стала рвать
Ячмень с корнями — не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб кормильца хаять.

И снова стали торопливо жать:
Василий — молча,
Мать — ворча, вздыхая.

Вокруг — все больше кепок и платков
И все слышнее влажный хруст соломы.
Шли мимо толпы баб и мужиков.
Одни остановились:
— Кто таков
Жнет у Михайлы? А, да тут знакомый...—
И отыскался хлеб для остряков:
— Василий Николаич, бог на помощь!
Вот, бают, нет в деревне батраков,
А у Михайлы — трое. Счастье дому!

Огрёпа даже взвизгнула. Хлыщом
Кого-то назвала.
— Завидно, что ли? —
И завязалась перебранка в поле...

О чем просить и ждать чего еще?
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простившись, зашагал в заполье.

Он брел, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник — стороною,
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать, Христа звала на суд...
Так заблудившийся кричит в лесу,
И жалуется на судьбу,
И воет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три года — время малое,
А не узнать села:
Вершатся небывалые
На родине дела.

Страда, страда великая
По всей стране идет.
Как прежде, горе мыкая,
Не хочет жить народ.

Взрыхляют землю вешнюю
Стальные лемеха,
И кажется потешною,
Нездешнею соха.

За трактором гоняются
Мальчишки вдоль полос.
Старухи удивляются
Следам его колес.

И лишь неудивительно,
Что здесь же, на меже,
Подростки все решительно
Условились уже,

Чтоб после обучения —
Настанет же пора! —
Им всем без исключения
Идти на трактора.

*

Михайлы дом, и темен и суров,
Стоял, как после ливня грозового.
Шла опись всех наличных животов:
Сводили со двора овец, коров,
Считали,
Пересчитывали снова.

Пять мужиков в амбаре на весы
Ссыпали рожь, трясли пшеницу в сите,
Перегребали семя льна в корыте...
Все проверял и в книгу заносил
Член сельсовета, Аграфены сын,
Василий Николаевич — учитель.

Уж год как по путевке крайоно
С наказами и РИКа и райкома
В свое село с учительским дипломом
Пришел он;
Попросили заодно
Работать избачом
И заодно
Колхозным счетоводом.
Как родной
В деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери в богатый дом
Ему дороги не было.
Вначале
Его у матери не раз видали.
Но сын твердил Огрёне об одном:
Мол, брось все это, будем жить вдвоем...
И как-то даже пес, как на чужом,
Повис на нем,
Аж полы затрещали.

Теперь он снова был в ее дому:
На все решившись, не колеблясь долго,
Себя сменить он не дал никому;
Распутать этот узел самому
Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых
Был Петр Валов.
Он жил уже в колхозе.
Сюда пришел он с чувством правоты
И по-хозяйски строг был и серьезен.

Но, суд верша, он все же не забыл
О личном деле, о своей обиде,
Как здесь бессовестно обманут был:
Он две страды за граммофон трубил,
А граммофона так и не увидел.

Теперь он перешарил весь амбар,
Пока другие занимались хлебом.
— Найду! — кричал,—
И где он только не был!
— Мой граммофон!
Моя теперь труба!..—
Он вынести хотел ее для баб.—
Пускай хоть раз споет под нашим небом!

Как в праздник, под окном шумел народ.
Одни смеялись, плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет и на весь приход,
Вопит Огрёна...
Но потребуй сход—
Любой пошел бы, верно, в понятые.

И вот на улицу, прижав к груди
Корзину с допотопным граммофоном,
К народу, к детям вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи!—
И щупали:
— Сундук с замком...
— Зеленый...

Седой старик, зажав клюку меж ног,
На граммофон косился, как на чудо,
Он опасался: не было бы худа,
Но любопытства превозмочь не мог
И из толпы не уходил покуда.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистив их от плесени и пыли,
Все разложили.
— Что еще забыли?
— Иголки где? —
Иголок не нашли.
Но у Петра без шляпок гвозди были.
На валуне, торчавшем из земли,
Укоротив их, тут же наточили.

И, затаив дыханье, стали ждать.
Мужчины сели, ребятишки встали.
— Не заиграет! — бабы завздыхали.
Петр осердился:
— Должен заиграть!
Я столько бился — и свое не взять?
Давайте подбирайтесь, да — плясать,
Ведь мы за жизнь ни разу не плясали.

Пружина заурчала, как могла,
На скрип несмазанных колес похоже,
И вдруг труба
Гнусаво, ржаво, с дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых, с воем воззвала
К широкому пустому небу:
«Боже,
Царя храни!»

Сначала мужики
Опешили. Все показалось внове.
И бабы ждали песен не таких.
Насторожились, и взлетели брови,
Как будто, ожиданью вопреки,
Стал о народе граммофон злословить.

Тень старого державного орла
Над сбившейся толпою пролетела,
Она людей по-разному задела,

Но рана старая не зажила:
Толпа заволновалась, загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то, снял пластинку,
Понес ее к колодцу, на тропинку.
Ему кричат:
— На что она сдалась!
Отдай старухе, пусть закроет крынку!—
И вдруг вся площадь смехом залилась:
Валов на плоскую коровью грязь —
Край в край — с причетом возложил пластинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками пустыми грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым:
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья, весь седой,
В муке, Василий вылез из подвала,
Прищурился— задорный, молодой,—
Присел. Пружина снова застучала.
И вот пошла
«...девица за водой,
За холодной ключевой...»
Да так, что вся деревня заплясала.

И лишь Огрёна в доме, к вековой
Печи припав, той песне подвывала.

Устала... Окаянная судьба!
Глаза слезой-туманом застилает.
Добро в трубу летит,
Всему труба!
Не бог карает: бог, он правду знает.
За все простила бы Огрёна баб,
Петра простить не может.
Не желает.

Болтун как есть, из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по миру ходили,
Батрачили, где приведется жили,
Где бог велит,

Своей земли, избы
Иметь не чаяли...
И все забыл!
Вошел в права, продрал глаза бобыльи.

Мир отвернулся от нее: одна,
Без сына — мать,
Хозяйка — без коровы,
Без власти под своим родимым кровом...
Но с нею муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижней валуна,
Согнувшись за столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками.
Огрёна утром не нашла часов,
Ножей с серебряными черенками...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
«Все будет нашим... в яме...»

«Теперь вся сила, вся надёжа в нем,
С ним — бог, он богом в большаки посажен,
Моя душа — он, и семья, и дом.
Все будет так, как он решит и скажет.
Уйти захочет — стало быть, уйдем,
А смерть застанет — заодно умрем:
Могилу выроем и рядом ляжем.

Жить заодно и гибнуть заодно.
Ни я его, ни он меня не бросит...»

Дымят, шумят, смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной.
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Катался бы от злобы по земле,
И пусть песок набьется в рот и в уши,
Но только б смеха бедноты не слушать
И радости не видеть на селе.

Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят окурки. Он огня не тушит.

Не верится еще, что вот конец
Пришел всему —
Такое ль проносило!..
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайлы душу зазнобило:
Из стойла выведенный жеребец
Плясал в оправе пряжек и колец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал, сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прядал и глазами рыскал.
Казалось, не сдержи Михайло стон,
Скажись хозяин —
И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло сжался, губы закусил,
Но стон сдержал и голоса не подал,
Лишь ласково Огрёне забасил:
— Огрёпушка! Твой сын, твоя порода...
В тебе вся сила.
Ро́дная, спаси!
Проси прощенья, милости проси...
Да не у этих — всех,
Не у народа,—

К нему пойди,
К ногам его пади.
Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Где у тебя, мол, совесть-то, у сына?
Не разоряй, мол, Вася, пощади!
Ты вырос на моей, скажи, груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чтут партийцы матерей?
Али, скажи, не я тебя рожала?
Пойди, графинюшка моя, скорей...

Огрёна, словно от удара, сжалась,
Взяла платок — рука ее дрожала —
И вышла в сени, не закрыв дверей.

*

В ограде сын и трое понятых
В телегу упряжь разную сносили,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты.
У граммофона — смех до хрипоты,
А здесь, в ограде, даже не шутили.

Огрёна сына позвала за двор.
Он не готов был для такой беседы
И, раз один взглянув на мать в упор,
Потупился:
— Что? Отойти за двор?
На разговор?
Не нужен разговор!..—
Тогда в сторонку отошли соседи.

И сразу стало слышно, как жует
Овца в хлеву, как друг у друга перья
Рвут петухи...
Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет,
Надеялся: она вдруг все поймет,
Махнет рукой на все
И хлопнет дверью.

И, не решаясь поглядеть опять
В глаза ее (как все теперь далеко!),
Он отвернулся, чтоб слезу сдержать:
Вдруг стало жалко и себя и мать.
Но ничего ей, видно, не понять!—
Сын ощутил, как с нею одинок он.

И все ж навек родная дорогá!
На плечи б кинуться,
Услышать: «Милый!»
Василий брови сдвинул через силу.
Легко ли видеть в матери врага!..

Огрёна грохнулась к его ногам
Врастяжку, как на свежую могилу.

Сын, отступив, позвал Петра, а сам
Скорее — к людям, ко всему людскому.
Петр сел с Огрёной рядом на солому.

— Запуталась ты! Шла бы снова к нам.
Чего тебе,— сказал он,— в этом доме? —
Огрёна грязь растерла по щекам.
— Завидуешь, что не твои хоромы?

Чужой те двор покоя не дает?
Глаза вам выело чужое счастье?
Набросились, обрадовались власти!..
— За счастье-то и поднялся народ.
Мы и тебе хотим, Огрёна, счастья.

Но тут на двор окно раскрылось настежь —
Огрёна заспешила:
Муж зовет!

ГЛАВА ПЯТАЯ

У тальянки звонки планки
Колокольчики — лишь тронь!
До полночи на гулянке
Заливается гармонь.

При погоде, непогоде
По отаве, по траве
За селом девчата ходят
С гармонистом во главе.

«Раньше были мы в неволе,
А теперь на волюшке,
Любо, девочки, работать
На колхозном полюшке».

«Мыловар переродился,
Запросился в наш колхоз.
Он на нищенке женился:
Притворился кровосос!»

«Я иду, а трактор пашет,
Тракторист мне кепкой машет.
Я сказала: «Не маши,
Аккуратнее паши!»

«Я так топну!
И вот так топну!
Кулакам не будет ходу —
Все равно лопнут!»

Просыпаются леса,
Голубеют небеса,
Петухи хозяек будят —
Не стихают голоса.

Аграфёне за ночь эту
Очи выела роса.

*

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел, и опустело стойло,
А с ними вымер, опустел весь свет.
Огрёна утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому сготовить пойло?

Кому с утра напарить, наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
Кого по теплой шее потрепать?
Кого приветить?
На кого прикрикнуть?

К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертво.
Труха, да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
А с нею что? Не волк ли искусал?
Кровавая на ребрах полоса...
Огрёна молча обласкала пса
И в хлев впустила:
Все-таки скотина!

В ту ночь, забрав котомку и топор
И все, что зарывалось у забора,
Кой-что заранее спровадив в город,
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор;
Тьма поневоле укрывала вора.

Один ушел.
Теперь не до жены,
На что еще могла она сгодиться?

К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той, так с этой стороны,
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны,—
Куда же с ней?
Жена не рукавица.

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрёна утром взвыла, закричала:
— Ограбили! Спасите, мужики! —
Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла: «Ушел», —
И замолчала.

«Ушел! Куда? Ни слова не сказал.
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою Христову половину?
Ушел и ничего не наказал.
Где были раньше у меня глаза?
Одна теперь, как сноп в пустом овине,

Как голый камень в поле у межи,
Как веник, выброшенный на дорогу.
Не занесешь теперь к соседям ногу.
Податься ли к сыновнему порогу
Иль снова мерзнуть под окном чужим,
В чужих чуланах спать?
А надо жить,
Доплакивать, домаливаться богу...»

И Аграфена стала собирать
Все, что осталось:
Самовар с полицы,
Горшки с шестка, тарелки, коробицы
С тряпьем, с железками,
И под кровать
Все забивала — может, пригодится.

Приволокла из погреба конец
Половика, в подполье побывала,
Обшарила все уголки подвала —
Нашла топор да ржавый бубенец;

Все разложила,
Все пересчитала,
Уселась на кровать и под конец
Заплакала:
Насобирала мало!

Два дня, две ночи бесновался пес:
На стену прыгал, аж стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала,
Баб у колодца пробирал до слез —
Огрёна ничего не замечала.

Разлегшись под вечер во всю длину
И глядя на навозную лепешку,
Он взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слюну,
Затих, лежал, не подходил к окошку.

Не видела Огрёна ничего.
Но вновь пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили,—
Как найти его? —
И снова к сердцу привалился камень,
Огрёна подняла истошный вой,
Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели? —
И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок.—
Умру! Уйдите! Мало вам еще?
Все подчистую взяли, все поели!

Ей показалось, что у всех в глазах
Недоброе к ней что-то затаилось,
Она еще отчаянней забилась:
Впервые ощутив пред ними страх,
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

«Валов все тут же...
Вишь, глаза горят.

Во двор пошел зачем-то... ходит, шарит...
Он первый стал хозяйничать в амбаре:
Нет своего — в чужом порыться рад...»
Огрёна к сыну обратила взгляд:
— Васютенька! Куда теперь мне, старой?

Одна ведь я...
Ты грудь мою сосал...
Оставь для матери хоть сруб да крышу.
Зачем Валов опять в ограду вышел,
Чего он ищет?

Вдруг рычанье пса
Из хлева донеслось, и голоса,
Визг с улицы и хохот ребятишек.

Огрёна бросилась к окну, назад
Отпрянула,
Увидела Валова —
Он в хлев заглядывал —
И, не сказав ни слова,
Метнулась из избы на голоса.
Василий не успел поднять глаза,
Мать выпустила бешеного пса,
Растравленного, на Петра Валова.

— Усь! — закричала.— Усь! Души! Вот! Вот
Чтоб домом нашим злыдню подавиться! —
Собака зарычала, как волчица,
Рванулась из распахнутых ворот,
Но не к Петру,
А врезалась в народ
И начала кружить, оскалив рот,
Кусать ребятам ноги, руки, лица.

Василий выскочил из дома:
— Бей! —
Кол на бегу рванул из палисада.
— Петр, за берданкой!
Запереть ограды!..

Собака, взвизгнув, от избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрёна у себя,
В своих владениях, распоряжалась:
Закрыла хлев, на лестницу вбежала
И, увидав испуганных ребят,
Набросилась на них, шипя, хрипя,
Кого к стене, кого к крыльцу прижала,

Кого хлестнула палкой по спине.
— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!
Щенки! —
Всех выбросила из сеней,
Ломая ногти, влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

*

Собаку задержали за селом.
На тракторе бригада пар пахала;
Собака, морду опустив, бежала,
След заметая черным помелом,
Через загоны к лесу, напролом,
Но, ткнувшись в трактор, очумело встала,
И тракторист ее пришиб колом.

Василий с шомполкой наперевес
Спешил, когда его остановили:
— Василий Николаич, мы убили! —
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так, словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причеты.
Но он не сразу догадался — что́ там.
А там к колодцу бабы собрались,
Кляли всё скопом, поносили жизнь,
С Огрёной старые сводили счеты.

Одна кричала:
— Бабы, надо к ней
Самим идти, детишки-то ведь наши!
Гоните стерву из деревни взашей! —
Петр пошутить хотел:
— Шумней, шумней!
Погромче, бабоньки, не слышно мне.—

И вдруг всерьез:
— Учителю видней —
Огрёна все-таки ему мамаша...

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отдирая ноги,
Душила пыль, песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит,
Постоит немного
И снова ступит, снова трудный шаг,
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:
«Надо в город написать.
Смолчать нельзя, хоть, верно, маму вышлют...»
С колодца долетают голоса
И рев, но чудится — ее он слышит:
«Взгляни, родимый мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу...»

А ребятишки плачут. И опять
Решенье трудное сгибает спину:
«Придется, видно, мать арестовать.
Я сам возьму...»
Но снова стонет мать:
«Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Не вместе ль милостыню собирать
Ходили мы? Ты хочешь жизнь отнять!
Где совесть, Вася, у тебя, у сына?!»

К колодцу, не заговорив ни с кем,
Пробился торопливо он — к народу.
Там Петр Валов ведерком черпал воду:
У девочки по розовой щеке
И по искусанной до локотка руке
Стекала кровь и капала в колоду.

Василий сразу будто выше стал,
Уверенней в себе и даже строже.
Усталости как не было,
Но все же
Еще он дрожь под сердцем ощущал.
Он думал:
«Пес, который искусал
Детей, и вправду бешеный, быть может?

Нас не осилив, наших матерей
Враги изводят.
Но не сладить с нами!»

И он распорядился, чтоб скорей
Везли ребят в больницу. У дверей
Ружье поставил.
Ровными шагами

Михайловой оградой зашагал.
За ним Валов с соседями — гурьбою.
Изба им показалась нежилою,
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрёны не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор... Огрёны след пропал
На сеновал вошли — и сеновал
Дохнул на них могильной тишиною.

«Ужель ушла?»
Василий по скобе
Влез на чердак, ногой тряпье откинул,
Вгляделся в сумрак и... оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной к родному сыну.

*

В избе под тяжестью десятков ног
Слегка постанывали половицы.
Огрёну положили под божницу.
Никто над прахом свечки не зажег,
И сухи были и суровы лица.

На лавках, на полу, по всем углам
Валялись тряпки, битые стаканы,
Тарелки, полушалки, сарафаны...
Кому теперь он нужен, этот хлам?
Беречь, раскладывать по коробам
Никто обнов Огрёниных не станет.

Василий к матери щекой припал.
Что скажет он? Глаза его горели.
Так постояв, он перешел к постели,
Сел, сгорбившись, вздохнул
И снова встал...
Все на него на одного смотрели.

Василий, потерев ладонью лоб,
Спросил, отправлены ли в город дети,
И, наказав, чтоб сколотили гроб,
Пошел на улицу,
На свежий ветер.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.
Петр злился:
— Доски не Огрёну ждали! —
И так рубил, вздымаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали.
— Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте же схороним по-людски.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты навсегда любима. Отзовись,
Поедем к нам, в далекое Блудново
Иль в Каргополь, где начинали жизнь.
Теперь повсюду что ни день — обнова.

Бывало, посмотреть велосипед
На звук рожка сбегалось полселенья.
Ощупав все до винтика, мой дед
Руками разводил от удивленья.

Опять подростков, ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний к нам придет успех:
В селе давно велосипед не чудо.

И патефон не чудо, не бог весть...
Иголки, правда, есть еще не всюду,
Хоть гвозди ставь,

Но патефоны есть!
Амбары новы, хлеб в сусеках есть,
А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне лето, благодать,
Уже свиваться начала капуста...
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена, ячменя пожать,
Чтоб в пояснице чувствовалась усталь.

Шесть месяцев там крутятся снега,
Два — грязь стоит, к соседу нет прохода,
Перебираются по огородам.
Зато как оживает вся тайга,
Светлеют дни, медоточат луга,
Земля свежеет в середине года.

Охота дома побывать опять,
Хорошие доходят в письмах вести.
Но без тебя я стал бы тосковать.
Поедем вместе!
Будем снова вместе!

Блудново—Москва
1937—1938

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк —
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Как бы грозя неотвратимой карой.

Еще один — в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутясь?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

*

Ольга жила за Балтийским вокзалом.
Были у Ольги отец и мать,
Койка под стеганым одеялом,
Полочка книг,
Со стихами тетрадь.

Все было просто, и все по росту —
Как в ленинградских семьях живут:
Выезд с зарей на Васильевский остров
В Педагогический институт,

Летом прогулки в сосновые чащи,
На поклонение к милым местам,
К волнам морским,
К ручейкам журчащим,
В лес, на простор,
К полевым цветам.

Всюду веселой и дом и место:
Взвихрив подола белый дымок,
Уже не дитя,
Еще не невеста,—
Бегала, скинув сандальи с ног.

Ольга считала себя счастливой —
Как ей хотелось, так и жила.
В меру удачливой,
В меру красивой,
Неприхотливой и незлобивой,
Всеми любимой в семье была.

Старый отец в рабочей артели
Слесарем был — поднимался чуть свет.
Мать убирала дом и постели,
И начинала варить обед.

Братья работали в цехе где-то.
«Счастье — с плеча молотáми бить!..»
Аня писала статьи в газеты —
Ей журналисткой хотелось быть.

И всё сбывалось, о чем мечталось.
Не было в мире дружней семьи!
. . . .
Что от веселой жизни осталось?!
Осенью небо располыхалось,
До Ленинграда дошли бои.

Ольга не сразу стиснула зубы,
Голос не сразу начал грубеть.
Но помрачнели улиц раструбы,
Пела тревогу трубная медь.

Кровь холодило с врагом соседство —
По вечерам горел горизонт...
За полчаса распростившись с детством,
Осенью братья ушли на фронт.

Дома остались сестренка Клара,
Старая мать, да отец, и она.
На ноги всех подняла война.
Немцы бросали на город пожары,
Шли в облаках за волной волна.

Ольга в шубейке и в полушалке
Лезла на крыши — дома стеречь,
Взвизгнув, кидала вниз «зажигалки»:
Русской твердыни врагу не сжечь!

Строились доты и баррикады,
В сталь одевались улиц углы,
Через решетчатые ограды
Строго глядели стальные стволы.

Вскоре выехал в тыл на Волгу
Педагогический институт.
Ольга осталась.
Решала недолго:
Немцы города не возьмут.

К горлу уже подступала блокада.
Чашу разлуки испив до дна,
С младшей дочерью из Ленинграда
Мать переправилась — так было надо.
Ольга осталась с отцом одна.

Сколько тебе в этот день минуло?
Каждый сходил за десяток лет.
В окна дуло, и в щели дуло.
Молвила ты:
— Не поеду, нет!

*

Зиму эту не позабыть
Всем,
Кто вынес ее, кто выжил:
Больше стали мы жизнь любить.
Духом стали выше — не ниже.

Каждый дом наш окопом был —
Та же сырость
И тот же холод.
В наши жизни не заходил,
Нет,— хозяином был в них голод.

Немцы городу рвали грудь,
Вся страна о нем горевала,
О любом бойце где-нибудь
Мать иль девушка тосковала.

Долго будем после войны
По ночам стонать и метаться,
Долго будут со всей страны
Наши семьи домой съезжаться.

Зиму эту не позабыть.
Через десять лет, через двадцать,
К детям в школы будут водить,
Как родных гостей, ленинградцев.

*

Мать за хлебом в магазин ушла,—
Над Невой едва-едва светало,—
И, как часто в эти дни бывало,
По дороге где-то умерла.

Дети оказались взаперти,
Как в гробу, откуда не уйти.
Старшей, Вале, было восемь лет,
Шесть без мала худенькому Толе,
Владику — четыре-пять, не боле.

Посидели, начали скучать,
Кулаками стали в дверь стучать;
Захотели скоро есть и пить,
Стали ложками о стулья бить.

Но никто не слышит, не идет,
Словно вымер в доме весь народ.
Инея на стеклах седина,
Улицу не видно из окна.

Обыскали в кухне все углы,
Перерыли ящики, столы,
Но нигде ни корочки, ни крошки.
Соли в блюдечке нашли немножко.

В кухне озарился самовар,—
Не поймешь: закат или пожар.
Все яснее в окнах,
Все светлей,
Но не стало в комнате теплей.

Владик бродит средь столов, шкафов,
Только нос и виден из шарфов.

Вдруг под койкой, как сухой камыш,
Зашуршало что-то... —
Может, мышь?
Владик ожил, юркнул под кровать,
Крикнул:
— Валя, помоги поймать!

Вылез в паутине до ушей:
В Ленинграде нет давно мышей.

Тяжело оперся о кровать,
Начал плакать,
Начал маму звать.
— Почему так холодно в дому?
Дверь не открывают почему?

Посмотрела Валя на ребят —
Слезы затуманивают взгляд.
Восемь лет ей.
Взрослая она
И за маму отвечать должна.

Не по-детски загорелся взгляд.
Отвечает:
— Гитлер виноват!

День прошел в слезах и уговорах
— Мама скоро...

Мама будет скоро...—
Не раздевшись, забрались в постель —
Одеял и тряпок целый ворох.

Разорвался вдалеке снаряд,
Вздрогнул дом, как в бурю шумный сад.
Владик в бок толкнул тихонько Валю:
— Это что — обстрел или бомбят?

Валя успокоила ребят:
— Спите! Не обстрел и не бомбят.
В нашем доме, в коридоре где-то,
Сундуки передвигают это.

До рассвета не могли заснуть.
Валя задыхалась:
Ныла грудь.
До рассвета в стороне реки
С грохотом таскали сундуки...

Утром встала первая с постели.
«Неужели мамы дома нет?»
Дверь толкнула —
Тишина в ответ.
Братья — в слезы:
— Мы еще не ели!..

День настал,
И детям надо жить.
Должен детям кто-то дверь открыть.
Скоро комнату заполнит свет...
— Валенька, а может, мамы нет?

Может, наша мама умерла?..—
Валя побледнела добела,
Валя стала добела бледна,
Зубы сжала —
Взрослая она.

Обхватила плачущих ребят:
— Плакать станем — Гитлер будет рад.
Если мама не придет назад,
То за маму Гитлера казнят.

Толя молча отошел к окну,
Смотрит в город:
Как понять войну?..

Холоден и темен Ленинград —
В этом немец Гитлер виноват.

Дом напротив в щепки разнесен,
Улица в воронках — тоже он.

Все в снегу троллейбусы стоят,
Голодают люди — Гитлер рад.

Он теперь за дверью — этот зверь,
Стережет, чтоб не открыли дверь.

Отвернулся Толя от окна,
Толе страшно стало одному.
— Валя, что мы сделаем ему?
Кончится ж когда-нибудь война.

— Кончится.
А ты не плачь и жди.
Гитлер рад, когда мы слезы льем.
Лучше будет, если мы споем...
Вот весна придет, потом дожди,
Хлеб...

*

Вдоль по коридору из угла
Ржавая вода ручьем текла,
Собиралась в лужи у порогов,
В комнаты сочилась понемногу,
С лестниц устремлялась водопадом,
Из парадного лилась к оградам.
Там и тут в суровый этот год
Лопался в домах водопровод,
И не наводненье — *наледненье*
Приводило жителей в смятенье:
До вторых, до третьих этажей
Доходили ледники уже.
Сетка лифта сквозь зеленый лед
Проступала очертаньем сот.

Ольга проходила коридором,
Ощупью вдоль мокрых стен брела,
И затихла:
До нее дошла
Песня вперемежку с разговором.
Песня, вперемежку со слезами,
Детскими дышала голосами.

Пробивались в коридор сырой,
Как на склон ромашкового луга:
«Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой».

Страшно в доме слушать песню эту,
Если в нем тепла и хлеба нету...

Ухватившись за косяк дверной,
Девушка впотьмах остановилась.
Вмиг — как взрыв —
Квартира огласилась
Криками, слезами, беготней.

Всеми мыслимыми голосами
Закричали дети:
— Мама! Мама!..
«Сколько их? Наверно, целый рой!..»
— Чьи вы, дети?
— Тётенька, открой!..

Девушка подобрала ключи.
Налетели, обняли за плечи...
Разве может сердце человечье
Вынесть лепет этот, эти речи?
Опустись на землю и кричи!

Толя ухватился за подол —
Радость, радость в заблестевшем взгляде,
Шепчет что-то и не плачет Владик,
Валя тянет девушку за стол
И ей руку гладит, гладит...

Девушка, чуть дух перевела,
Обхватила головы льняные,
— Дорогие вы мои, родные...
Значит, мама ваша не пришла...

С болью, со слезами на глазах
Раздала ломоть пайка дневного.
(Раздавала, а на сердце страх:
Что оставит для отца больного?)

Рукавицы отдала — свои!
Три полена принесла — свои!
Вскипятила чайник:
— Пейте, дети!
Милые, родные вы мои...
Всякие бывают дни на свете:
Потерпите, кончатся бои,
Немец Гитлер нам за все ответит.

Пробыла с детьми до темноты.
Утешала, по головкам гладя:
— Я живу по коридору рядом,
Не одни вы и не сироты,
Расскажу соседкам — все уладим.

А сама стоит едва жива,
А сама не падает едва.
Маленькая, бледная, худая —
Старая она иль молодая?

Толя вдруг припал к ее рукам,
Не по-детски замер в муке долгой...
— Как нам звать тебя?
— Зовите Ольгой.
— Тетенька, ты будешь мамой нам?
— Нет,— сказала Ольга.— Мамой? Нет.
Мне самой едва семнадцать лет.

*

Очень трудно жить,
Голову не опускать,
Отца своего накормить,
Детей чужих приласкать,

Страшней любого врага,
Когда в квартире метель.
Если бы не цинга,
Отец бы не слег в постель.

Ольга взяла пиджачок
Старенький, шерстяной.
Надо сходить на толчок,
За день —
любой ценой.

Надо отцу найти
Зелени пучок,
Но с километр пути
До улицы, где толчок.

А километр пройти —
Это что жизнь прожить.

Корку, чтоб есть в пути,
Склянку с водой, чтобы пить,
Ольга взяла и пошла
Рано, с утра,
За вокзал...

Что ей отец пожелал?
Только и мог — простонал.

*

В белом тумане двоится город:
За горизонт уплывает сад,
Шпили дворцов в облаках висят,
Купол Исаакиевского собора
Как перевернутый аэростат.

Петр, от обстрела тесом обшитый,
Кажется, сердится на коне:
— Место мое, как раньше,— в огне,
Надо умножить силы защиты.
Разве могу стоять в стороне?!

Дав шенкеля скакуну в полете,
Он раздвигает мешки с песком,
Немцам грозит литым кулаком:
— Этого града вы не возьмете,—
Штык наш германцам зело знаком.

Смотрят со стен глазницы пробоин,
Словно в расщелинах гнезда птиц...
Даже зимою пахнет прибоем.
Веет от Колпина близким боем.
Грозен тяжелый прищур бойниц.

Тихо и твердо в черных бушлатах
Ходят по берегу патрули,
Утренний иней на автоматах.
Тонут шаги в громовых раскатах —
Бьют по противнику корабли.

Адмиралтейство, дворец Растрелли...
Кажется, город в блокаде спит,
Но каждый камень в немца нацелен,
И каждый дом о мести вопит.

*

На углу толкучка,
Замедлен шаг,—
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шалях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет ни мясных, ни молочных —
Нет рядов никаких.
Все без весов — с руки,
Но взвешивается точно.

Взвешивает рука
Искачиванием —
Наверняка.

Табак продается понюшкой.
Затяжкою —
По рублю.
«Триста рублей осьмушка,
Дешевле не уступлю!»

Граммами хлеб — не пакетами...
Хлеб и табак в цене
С серьгами, с самоцветами,
С золотом наравне.

Женщина на чемодане
Мертвым голосом тянет:
— Салфетку, и кружева,
И котиковую шапку
Меняю на дрова —
На одну охапку.
За бусы и брошки
Хлеба немножко...

Неужель эта женщина —
В трупных пятнах лицо —
Носила нитки жемчуга
И платиновое кольцо?

Что-то вроде творога
Идет за бриллианты:
— Не дерите дорого.
— Мы не спекулянты.

Два волосатых одра несут
В ржавом ведре жирный суп.
Из какого мяса?..
Из каких круп?..
Его не берут.
— Под суд!
— Под суд!

Здесь на углу, на народе
Хоть с полчаса побудь
И ничего не забудь.

Медленно, медленно ходим,
Чтоб никого не столкнуть.

Боль распирает грудь.

Ольга по рынку ходила
Медленно, с полчаса.
И ничего не купила,
Вслушивалась в голоса:

— Товарищ матрос,
Купи папирос!

— Табак, махорка —
Мое почтение! —
И поговорка,
Как приложение:
— Кури табак,
Бей фашистских собак!

А Ольге нужна зелень
Сосны́ или ели,
Не изумруды и не рубины —
Нужны витамины.

— Веточка ели пятнадцать рублей.
Покупайте веточки ели.
На хвойный настой рублей не жалей,
Чтоб десны не заболели!

Соберите иглы в горшок,
                                        потом
Разотрите иглы медным пестом,
Залейте остывшей водой с кислотой —
Три части воды,—
И готов настой.
Через два часа настой процедить.
Полстакана в сутки —
Можно пить.

— Меняю рояль
На дуранду,
В придачу инструмент для джаз-банда.
Очень жаль,
Но делать нечего...

В черную шаль одета,
Доживет ли до вечера
Старушка эта?

— Веточка ели пятнадцать рублей...
— Дайте вот эту, позеленей.

У девочки с веснушками
Руки опущены,

Под глазами отеки.
Бледная, испитáя.
Стоит —
святая!

— Томичек Есенина
За жмыха кусочек.
— Есть, есть лоточек
Мучки несеяной.

Солнце не светит.
И снег словно мучка.
Где еще на свете
Есть такая толкучка?

Вдруг загрохотало —
Крышу рванул снаряд.
Толпа не бежала
Ни вперед,
Ни назад.

За один Ленинград
Всей Германии мало.

Ольга брела под вечер
Домой по тропкам кривым,
Женщины навстречу
Везли в бидонах воду с Невы.
Смотрели, понурясь, львы
Во льду и в снегу по плечи.

*

Жизни теплились в нас
в эти дни не сильнее свечи.
Дистрофия... Цинга...
Ни кровинки, ни света в лице.
Нам побольше смеяться
советовали врачи,
Говорили, что в смехе
не счесть витамина С.

Мы умели смеяться,
хоть часто бывало невмочь.
Вспоминаю зенитчика...
Осень. Дожди в ноябре:

Одурев от тревог,
    он встречал прибалтийскую ночь,
Распевал перед сном:
    «Не бомби ты меня на заре...»

Пел, кулак поднимая,
    угрожая врагу,
И в усталых глазах
    догорал исступленный огонь.
Спал он тут же, в палатке
    на невском сыром берегу
Меж снарядов и гильз,
    положив в изголовье ладонь.

Помню ночь. Только мост,
    да студеная, в масле, волна,
Да узор чугуна
    и булыжник — гора на горе...
Утром взвыли сирены,
    забилась под мост тишина,
Мы вскочили от сна:
    налетел-таки враг на заре.

Мы умели смеяться,
    и страшен был смех для врага.
Из палатки зенитчик
    шагнул, разминая ладонь,
Вскинул к небу глаза,
    сбросил пакли клочок с сапога,
Встал на пост
    и открыл по фашистским машинам огонь.

Схватка длилась минуты,
    а сталь невтерпеж горяча.
Два иль три самолета
    расчет орудийный подбил.
И зенитчик запел,
    но теперь он не пел, а рычал:
— Я ж тебе говорил:
    «На заре ты меня не бомби!»

*

В те дни я был в морской пехоте,
Где ветры, снег и сосняки.
На поле боя моряки
Трудились, как на обмолоте.

С высот Прибалтики просторной,
Бушлаты сбросив на бегу,
Они кидались смертью черной
Навстречу лютому врагу.

То незаметно подползали,
Неслышно скатывались в рвы,
То вылетали, словно львы:
По три гранаты в руки брали
И против танков шли «на вы».

Через Кронштадт от Красной Горки
Мы навещали Ленинград.
С людьми последней черствой коркой
Был поделиться каждый рад.

Смелее, злей, придя обратно,
Кололи немцев, гнали их.

Я тоже прибыл в город ратный
И навестил друзей своих.

*

Вхожу в родную квартиру
По лестнице ледяной.
В прихожей, где шубы висели,
Теперь сарай дровяной,
А в дровяном сарае —
Поленницей... не дрова...
Но я не могу об этом
Укладывать в рифму слова.

В гостиной, где раньше пахло
Теплом, табаком, едой,
Где Клара училась гладить,
Опрыскав платки водой,

И вышивала на шелке
Нелепые лопухи,
Где вечерами, знаю,
Читались мои стихи,—

Лежат только щепки от стула
(А были буфет и комод),
И лезет из горла графина
Прозрачною свечкой лед;
Ненужный электрочайник,
Совсем промерзшая печь,
Семейные фотографии,
Которые жалко жечь;
И словно дракон в полете,
Чешуйчатые бока,—
Кривая труба времянки
У самого потолка.
Еще — железная койка
В углу, где совсем темно,—
Была бы она деревянной,
Сожгли б и ее давно.

На этой железной койке,
Свернувшись, лежит отец.
Он маленьким стал, как подросток,—
Жилец или не жилец?
Недвижный, худой и черный,
У черной сырой стены,
Как мумия, в одеялах —
Усы да глаза видны.
Глядит он недоуменно,
Он спрашивает без слов:
Откуда взялась сосулька
На маятнике часов?

В ногах его только Ольга —
Сестра милосердия, дочь,
Одна она в целом доме,
И чем она может помочь?
Где Клара, где Гриша, где Аня?
Война разнесла семью —
Мое неокрепшее счастье,
Быть может, судьбу мою.

Стою у отцовской кровати.
А что я сделать могу?
Сказать ли ему, что город
Мы не сдадим врагу?
Он сам это знает не хуже,
Он сам из последних сил
Все делал, что было нужно,
Покуда ходил и жил.
Сказать, чтобы он мужался,
Что близок победы час,
Что мы его не оставим?
Он сам не оставил нас.

Или пожелать здоровья?
Как можно о том сказать?..
Мои запоздалые слезы
Не смогут отца поднять...

Стою у холодной кровати.
Такая вокруг тишина,
Что даже разрывов не слышно...
Не кончилась ли война?

*

Красноармеец в огонь идет,
В бой — по снегам, в бездорожье,
Хоть одного врага да убьет.
А девушка — что она может?

Ждать избавленья да рвы копать?
Ольга копала немало.
Жить в окруженье и не стонать?
Ольга жила, не стонала.

Кровь за страну отдает солдат.
Что отдавала Ольга?..
Хлеба кусок для чужих ребят,
Крошки жмыха — и только.

В ЖАКТ управдомом пошла служить —
Все ей казалось мало,
Душу людскую в себе сохранить —
Доблестью не считала.

*

Сразу, лишь смерть в квартиру вошла,—
Силы не стало в помине,
Страшная тяжесть на плечи легла.
Всем она, Ольга, казалось, была,—
Только не героиней.

Села, закутавшись у окна,
Словно у края могилы,
Холодом смертным стена холодна,
А отойти нет силы.

Как она сможет потом рассказать
Маме о времени этом:
Даже родным матерям не понять,
Как было трудно детям.

Утро настало — она одна.
Шуба уже не греет.
Может быть, лучше, если б война
Кончилась поскорее?

Только бы кончилась...
Как-нибудь...
Чтоб отдохнуть, отоспаться,
Явь, словно тяжкий сон, отряхнуть,
С матерью повидаться...

Голову в бане горячей промыть,
И обязательно с мылом.
Вечером свет не зажечь — включить,—
Чтоб электричество было.

В чистом белье посидеть в тепле
С книгой перед печуркой,
Желтой картошки напечь в золе,
Есть — чтоб хрустела — со шкуркой.

И чтоб была тишина, тишина.
Выспаться, позабыться!
Будь она проклята, эта война!
Лучше бы не родиться.

Утром соседки к Ольге пришли,
— Мы,— говорят,— ненадолго.—
Лица у них не светлее земли,
А улыбаются Ольге.

В месяцы эти любая из них
Мать или дочь схоронила,
Все же в душе своей для других
Силы и свет находила.

— Что ты сидишь в своей конуре
С плесенью и паутиной?
Нынче уже теплей на дворе,
Чем у тебя в гостиной.

Только что трубы сыграли отбой
Двухчасовой тревоги,
И посвежел небосвод голубой,
Повеселели дороги.

Горе твое и твоя печаль
Души и нам тревожат.
Плакать не можешь ты — это жаль.
Ты бы всплакнула все же.

А запираться нехорошо —
С горем на людях легче.
Все-таки девочка ты еще,
Слабы девичьи плечи.

Ольга шагнула к ним. Зарыдав,
Плечи их обхватила...
Так же вот дети рыдали, когда
Дверь она им открыла.

Может быть, Ольге немного сродни
Женщины эти были?
Может, подругами были они?
С матерью, может, дружили?..

Нет, не считались они родней.
Но в опаленном братстве
Все они были одной семьей —
Кровники, ленинградцы.

*

От берега до берега
По льду через туман,
Как из Америки
Через Ледовитый океан,
От одного материка
До другого материка,
Словно легенда,— в века
С Большой земли — Отчизны
Пролегла к Ленинграду
Дорога жизни.

Не железная — снежная,
Вьюжная, вихревая,
Разметенная, прямоезжая,
Автогужевая.
Не в два следа
И не в три следа,
А во всю ширину озерного льда.
Через Ладогу,
Будто радуга:
По каждой цветной полосе —
Два, три шоссе.

Не летают вóроны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
Во всю ширину дороги,
В оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли
Идут обозы
И автомобили.
Словно бы неторóпко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядишься — несутся,—
Льды метровые гнутся.

Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
В немце все берега,
Идут — нипочем пурга,
Машины как буера.

Слава вам, шофера!

С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют —
Этих немытых ребят
Немцы с пути не собьют.

Если вблизи от дороги
Пó льду хлестнет снаряд,
Парень свернет немного
И догоняет отряд.
Если машину под лед
Бомба, всплеснув, забьет,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперед идет.

Чтоб ни случилось на свете,
Грузовики идут.
Хлеб и тепло везут —
Их ленинградские дети,
Смерть отгоняя, ждут.

Вечером все расцвечено,
Фары включаются вечером —
Озеро горит,
Будто подходишь к городу,
Большому, широкоплечему.
А это все — фонари.

Почти замерзая,
Ходят пикеты,
Небо взрезая,
Взлетают ракеты
С берега где-то.

Вновь огневой налет,
И стонет ладожский лед.

Обозначается, хрястнув,
Трещины тонкая нить...

С какой неизведанной трассой
Эту дорогу сравнить?

Она идет не на полюс,
Хоть часто в снегу по пояс,
Не к сказочным далям путь,
Хоть часто в воде по грудь,

И не на тот свет —
Цены ей и меры нет,
В миллионах сердец — ее след.
Всем золотом Лены, Аляски
Не оценить этой трассы.
Величественная, как на Луну,
К городу в плену.

Времени минет много,
Переживем тревогу,
Но будем на каждой тризне
Добром поминать дорогу,
Спасшую столько жизней.

*

Теплого ветра дошла волна
С моря, со льда залива.
В самое сердце дохнула она,
Кажется, где-то близко весна,
Солнечна, водоречива.

Если б, откуда вдруг ни возьмись,
Голуби полетели —
Как просияла бы наша жизнь.
Первой сосульки мы заждались,
Первой с карниза капели.

Даль освеженная высока.
Я открываю ворот...
Чувствую, вижу:
весна близка!
Издали к нам плывут облака
Светлые — будто входят войска
В освобожденный город.

1942

АЛЕНА ФОМИНА

(Повесть в стихах)

Александру Фадееву

1

По дороженькам знакомым
Отчей стороны
Пробирался к женке, к дому
Инвалид войны.

От застиранной рубахи,
От солдатских брюк
Еще госпиталем пахло,
Порохом от рук.

А вокруг — густой, сосновый,
Темный до небес,
И родной, и чем-то новый,
С детства милый лес.

Белки путь перебегают,
Распушив хвосты,
Из-под самых ног взлетают
Рябчики, дрозды.

Сенокосы, села, пашни,
Стукоток желны...
Словно это день вчерашний,
Словно нет войны.

Над жнивьем, над огородом
Золотистый дым,
Опахнуло парня медом,
Молоком парным.

Словно вся земля такая —
Тишина и труд,
Словно немцы, отступая,
Городов не жгут.

Словно все, что с ним случилось
В дальней стороне,
Поморещилось, приснилось
В беспокойном сне.

Эту жаркую прохладу
И шмелиный гуд
Принимал он как награду
За окопный труд.

За осеннюю, за злую,—
Как она лилась! —
За густую, фронтовую,
Чумовую грязь.

В сельсовете дали лошадь —
В кольцах жеребца.
Отношением хорошим
Тронули бойца.

У запряжки дед плешивый
Взял под козырек:
— Ну, держись теперь, служивый,
Прокачу разок.

Офицер, наверно, гордый?
— Чуть не генерал!
— Заработал, вижу, орден?
— Как же, воевал!

— На покой теперь, по чистой,
На хлеба жены?..
— На хлеба! — сказал и свистнул
Инвалид войны.

— Мой покой, отец, заслужен,
Немцев бил сколь мог.
Был я ранен и контужен,
Жизни не берег.

Костыли, мешок — под козлы,
Закидал травой.
И ударил в уши, в ноздри
Воздух боровой.

Заиграла селезенка
Злого жеребца.
Здравствуй, отчая сторонка,
Принимай бойца!

Принимай, да с солью, с хлебом
От всего села:
За тебя, за это небо
Кровь его текла.

Как подкатит, как подъедет
К дому своему,
Все соседки, все соседи
Прибегут к нему...

Вот уж поле и речонка...
Как горит лицо!
Ну, скорей, скорее, женка,
Выйди на крыльцо!

2

Но ни души в селе. Родимый дом
Как не живой стоит, и только куры
Да поросята бродят под окном,—
Никто не вскрикнул, не заплакал в нем,
Пустые окна, словно амбразуры.

Он молча перенес через порог
Больную искалеченную ногу
И, оглядевшись, на скамейку лег,
Хотел собраться с мыслями немного.

С минуту головы не поднимал,
Прислушивался к шорохам в подполье,
Все примечал и все припоминал...
Сосновый стол как будто меньше стал,
В окне все то же золотое поле;

И кот на печке... Только масть не та.
А кот на печке,— значит, живы люди.
Деревня как деревня, простота:
Дом сторожить оставили кота!
Еще заметил холодец на блюде...

— Ну, здравствуй, угол теплый, здравствуй,
дом! —
Скорей подумал, чем проговорил он,—
Посудный шкаф, суденка под холстом...
Каким родным все это с детства было!

Смогу ль опять когда-нибудь пройти
Без костыля по этим половицам,
Не задевая стульев на пути,
Дров наколоть и в избу принести,
С сынком, как раньше, взапуски пуститься?!.

А где же сын? И где жена?
— Жена!..—
Но ждал три года, потерплю и малость.
Вот я и дома!
Кончилась война.
А в этом хвойном далеке она,
Как погляжу, совсем не начиналась.

3

Тишина ты, тишина,
Узенькая улица!
На картошке у гумна
Копошится курица.
А мальчонка и жена,
Видно, в поле трудятся.

От зари до зорюшки
То в лесу, то в полюшке,
На покосе, на лугу
На заречном берегу.
Что-то делать я смогу
Со своим горюшком?!.

Ноженьки вы, ноженьки,
Ужели отслужили?
Нет такой дороженьки,
Где вы не ходили.
А теперь — веревки вить?
Лапти плесть да мух давить?..

4

— Ты что же не встречаешь? Не ждала,
Не знала — еду?.. Иль не рада мужу?
Я чаял, выбежишь в конец села,
Да не сбылось... Иль я, такой, не нужен?

Жена пришла в мякине и в пыли —
Весь день за жнейкою снопы вязала,—
Как вскрикнула, к груди его припала!
И вдруг, заметив рядом костыли,
Все поняла и в голос зарыдала.

Она из тех была, которым труд
Как свет, как хлеб, как песня на народе,
Привычные ко всякой непогоде
И жнут, и ткут, и кружева плетут,
И на медведя в одиночку ходят.

— Ну, ладно, ладно, не реви, жена!
А ты согнулась...— и взглянул с тревогой,—
Осунулась, состарилась... Больна?
Иль жизнь в деревне очень голодна?
— Нет, жить не голодно. Работы много.

— Сынок, сынок! Ужели это мой? —
И сгреб Васютку русого за плечи.—
Ты где же пропадаешь? Скоро вечер.
Вот и пришел папаня твой домой!
Целуй. Вот так! Вот этак вот... Покрепче.

Давно когда-то удочкой в избе
Ловил Васютка рыбу из ушата —
На выдумки мальчишки тороваты,—
И след крючка остался на губе,
Зарубцевавшийся, продолговатый.

Узнал отец и руку у сынка,
Не заровнялись памятные знаки:
Сын жить не мог без кошки, без щенка,
Собак с руки кормил,
Его рука
Не раз была искусана собакой.

— Ну, Дунюшка, затваривай блины,
Да — пива, водки... Доставай любое.
Селом отпразднуем конец войны.
— Ужель совсем конец?
— Для нас с тобою!

Так будет пиво?
— Пива наварю,
Но ведь страда, деньков погубим много,
У нас в колхозе с этим нынче строго.
Я с председательшей поговорю.

И заспешила, словно на пожар:
Печь разожгла,
А чтоб помылся в бане,
Поставила ведерный самовар,
Белья на выбор принесла шесть пар —
Все короба перетрясла в чулане.

Покуда хлопотала,
Сын-пострел,
Чтоб легче бегать, на крыльце разулся
И полсела оповестить успел,
Что у него отец с войны вернулся.

5

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
Кем ты, между прочим?
— Ну какие там чины,—
Так, чернорабочим.

— Может, завтра отдохнешь,
Не поедешь в поле?
— Нет, теперь молотим рожь,
Дело не позволит.

Говорит, а сам глядит
Батьке на карманы:
Не граната ли торчит?
Есть иль нет наганы?

— Пистолетов не привез?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Автомат бы где добыть,
Усмирили б скоро.
А гранаты, чтоб глушить
Рыбу по озерам.

Смотрит Вася на отца,
Задает вопросы —
Не узнаешь сорванца,
Говорит, как взрослый.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного.

6

Лишь к по́лночи соседи собрались.
— Живем здорово! Как повоевали?
— Где, Николай Петрович, побывали?
— Теперь у немцев незавидна жизнь,
Что ж, на Россию нападали, знали...

Не разберешь: кто баба, кто мужик —
Здороваясь, все пожимают руки,
На женщинах пилотки, френчи, брюки
И плащ-палатки,
А один старик
Пришел в каком-то ватном архалуке.

Подростки раньше станут у стены
И слушают;
Теперь — к столу садятся,

И тоже речь заводят о германцах,
О душегубках, о конце войны,
О торжестве Объединенных Наций.

Пришла и председатель. Высока,
На взгляд худа, но крепко руку сжала.
Сказала:
— Дождались фронтовика! —
Да сразу ухватилась за бока
И звонко, на весь дом, захохотала.

— Иду сейчас, а Батя, наш баран,—
С командированными он не ладит,—
Метнулся чертом, да как стукнет сзади.
Ошибся, видно, в сумерках болван.
Я обернулась: что ж ты, дескать, дядя!

Хозяйку бьешь, не видишь, говорю...
А Батя вдруг, смотрю, как поперхнется,
Да как закашляет, да повернется,
Весь от стыда порозовел, смотрю,
И боком, боком — в сторону колодца...

...Знакомый голос. Темные глаза.
Коса густая с ленточкой зеленой...
Вгляделся гость:
— Ужели ты, Алена?
Начальница уже, а егоза
По-прежнему.
Ну, с фронтовым поклоном!

Уж — председатель. Вишь, какая честь
Великая!
— Не знаю, велика ли,
А только всем колхозом выбирали.
И если б мы не «егозили» здесь,
На фронте б ваши пушки не стреляли.

— Где муж твой ныне?
— Тоже на войне.
— А помнишь, к нам его перевозили,
Ведь не его, тебя на нем женили...
— Еще бы этого не помнить мне.
Ну, как воюем? Вижу, наградили?..

— А помнишь, как мы жили на гумне,
Как уходить с работы было жалко?
С цепом, как в кузнице, бывало жарко.
Ох, до чего же нравилась ты мне!
— И ты мне...—
Из-за печки, в тишине
Добавил кто-то: «Как собаке палка!»

Изба захохотала. А к столу
Все новые сельчане подходили,
Отряхивались от трухи и пыли,
Здоровались, искали мест в углу,
Вдоль серых стен, садились на полу,
Переговаривались и курили.

— Мы, Николай Петрович, здесь — в лесу,
И о войне читаем разве сводку.
А видим только то, что на носу...
Порассказали б!
— Созывайте сходку,
Поговорим... Я речь произнесу.

7

Закинув костыли на стол,
Как будто напоказ,
Перед соседями повел
Боец такой рассказ:

— С японцами, иль с финнами,
Иль с немцами война —
Страшна она не минами,
Пожарами страшна.
Земля горит, хлеба горят,
Твоя душа горит,
Бежишь назад, что жив — не рад,
И жарко, а знобит.
Страшна война потерями,
Но в горький час войны
Мы утешались, верили,
Что в глубине страны
Есть край озер, осинника,
Заломов и берлог,
Куда вовек насильникам
Не проложить дорог.

Когда бедой научены,
Погнали мы врага
В дремучие, зыбучие
Болота и снега
И видели сожженные
Деревни, города,
В пустыню превращенные,
Казалось, навсегда,—
Нас утешало в горести,
Что где-то за спиной
Стоят лесные области
Не тронуты войной:
Ручьи неоскверненные,
В рябинах птичий грай,
Дома неразоренные,
Незатемненный край.

И вот я здесь.
И дорого,
Что тут у вас покой,
Не пахнет дымом-порохом,
И не пугают шорохи
В деревьях над рекой.
В полях не рвы, а полосы,
Не взорваны мосты,
В лесу —
шатайся по лесу,
На пожнях —
рви цветы.

Давно я не пил жирного
Парного молока,
Не ел ржаного мирного
С грибами пирога.
Окопы, мины, надолбы...
Не стоит говорить!
Теперь, соседи, надо бы
Хмельного наварить,
Чтоб все, что было пройдено,
Припомнить до конца...

И красным светом ордена
Сияла грудь бойца.
И с красным светом ордена

В согласье был народ:
Путей, что парнем пройдены,
Никто не отберет.

Но вот, привстав, нахмурилась
Алена Фомина:
— Конечно, к нам да с бурями
Не забрела война.
Живем как полагается,
Дома не сожжены.
Все так. Но что касается
Покоя, тишины,—
Ты на поле с бригадой бы
Поговорил сперва.
Для нас траншеи, надолбы —
Мудреные слова.
В деревне только курицы
С рассвета дотемна,
Вот почему на улицах
Такая тишина...

Старик с бородкой редкою,
Что архалук носил,
Вздохнул за табуреткою
И так бойца спросил:

— Слова твои туманные
Не понял я, сосед,—
Теперь-то с басурманами
Воюем мы иль нет?
Или уж люди прожили
Тяжелые деньки,
И нам, к примеру, можно ли
Ослабить кушаки?
У нас тут сроки хитрые,
И линия одна:
Пока колхоз не выправим,
Не кончится война...

Глаза его веселые
Под цвет сырой земли...

А на столе тяжелые
Чернели костыли.

И вопреки сомнениям
И страхам вопреки
На костыли с почтением
Смотрели мужики.

8

Все не так!
А что не так —
Не поймет Козлов никак.
Не того от встречи ждал,
А чего? — и сам не знал.
Может, праздника какого,
Чтобы шум на весь колхоз,
Может быть, чего иного —
Больше охов, больше слез?
Преклоненья, удивленья
От людей всего селенья?
Песен, звону, всяких благ?..
Все не так!..
А что не так?
Словно б стал другим народ,
А каким? — Не разберет.

Плохо это, хорошо ли,
Что вот не было его,
А в родной деревне, в поле
Не случилось ничего.
И погибни он, к примеру,—
Статься в битве все могло! —
Все б текло своим манером
И своим порядком шло.

Был он раньше кузнецом,
Важным был для всех лицом:
Мужиком колхоз гордился,
Бабы звали мудрецом.

По деревне, по району
Равных не было ему,
И привык Козлов к поклонам,
К положенью своему.

Обижаться доводилось,
Думал:
«Вспомните меня!..»
Но ушел — а что случилось?!
Говорят же, что ни дня
Без огня, без кузнеца
Не стояла кузница...

9

И темно еще, и сыро,
Землю стужей обдаст,
А в колхозе бригадиры
Поднимают свой народ.

Ходят шумно, с фонарями
По калиткам, по дворам,
Бьют в простенке батогами
И кричат:
— Встава-ать пора-а!

В черной гуще хмельника
Ни сверчка, ни ветерка.
Не прошла еще усталость
От вчерашнего денька.

Лишь в овраге, за оградой,
Зазвенел опять металл.
Кузнеца будить не надо,
Он давно к горнилу встал...

— И когда я только спал?!.

А теперь что за жизнь!
Отдыхай до ужина,
На заре опять ложись...
Главное — заслужено!

Дома быть, идти ль на рожь —
Ты мне не указывай:
Не заможется — не тронь,
Соглашусь — приказывай.

Зря людей не огорчу,
Кость моя не белая,
Но когда не захочу —
Что со мной поделаешь?!.

10

Над самым ухом затрубил горнист,—
Козлов давненько петуха не слышал.
Взял костыли и на крылечко вышел,
На свежий воздух. Как он утром чист!
Заря играет на тесовой крыше.

Сынка уже на сеновале нет —
Чуть свет, куда-то малого послали.
Отец пришел, передохнуть не дали,
А малому всего-то десять лет,
Таким еще возиться у завалин.

С подойницей ведерной на руках
Жена вернулась со двора, сказала:
— Испей стакан парного молока!
— Парного выпью, но стакана мало.

Уже поспели шаньги и блинки,
Стоял поднос с грибными пирожками —
Края прожаренные гребешками,
Капустные дымились пирожки,
А печь была заставлена горшками.

Всё, что скопила, сберегла жена
За три зимы,— всё выложила мужу:
— Досыта кушай, пей квасок до дна.
(А он-то думал: Дуня голодна!)
Одна беда, что не нашла вина,
Да, верно, будет и вино на ужин.

Никиту помнишь? Тоже награжден.
Пришел с войны, с чужой связался женкой,
И все вино в деревне выпил он,
Вина не стало — пил одеколон.
Он нынче промышляет самогонкой.

К нему схожу.
Так думаю: найду!
— Ну, что ж, сходи...
А солод растворила?
— Нет. С пивом надо переждать страду,
Теперь в колхозе жнива на ходу —
Мне председательша не разрешила.

— Неужто?! — вскинул голову солдат.—
На чем, однако, выгадать решила!
Когда бы раз хоть под огонь сходила,
Не запретила б...
Тоже мне — комбат!
Но для меня здесь Фомина не сила.

Васютка где? С сынком на плёс пойду.
— Он возит рожь. Возниц сегодня мало.
— Как?! И ему Алена приказала?
Мне не плясать ли под ее дуду?
Совсем, как вижу, стала генералом.

Скажи ей: пусть и труд не по плечу,
А не подсяду к даровому блюду,
Колхозу в тягость не был и не буду.
От власти вот паек исхлопочу,
Сам за собою вымою посуду.

Есть грузди в роще, окуни в реке...—
Бойца обида за сердце задела.
«Вишь, как без нас тут баба осмелела!»
К тому ж какой-то дед в архалуке
Вчера над ним подтрунивал без дела.

Жена едва смогла заговорить:
— Ты, Коля, сам дошел бы до Алены.
— Зови сюда, не мне за ней ходить.
А пиво завтра ж начинай варить!
— Я наварю...
Но чтобы по закону.

И Дуня серп взяла на сундуке.
— Вот, Коленька, когда придет охота,—
Жаркое в печке, каша на шестке...
— А ты куда?
— Да ведь стоит работа.

От удивленья он протер глаза:
— Ну, вижу, ты не очень тосковала.—
Потупившись, жена ему сказала:
— Ты отдыхай,
А мне в страду нельзя,
Как и Алена, я не воевала.

И не послушалась его, ушла,
Оставив мужа одного с горшками.
Ну и смешны, солдат, твои дела!
Со вздохом он уселся у стола
И занялся грибными пирожками.

11

Дуня жала дотемна
И пары пахала,
Уставала допьяна —
Все казалось мало:
Не щадила сил она,
Чтоб скорей прошла война,
Чтобы легче стало.

Чтобы с суженым опять
Вместе жить да поживать
И в ладу и в счастье,
Только с сыном воевать:
Парень стал озоровать
Без отцовской власти.

Что скрывать, без мужиков
Бабам трудно было,
Но побили бы врагов,
Да вернулись бы с фронтов,
Горе б отвалило.

Дуня бабам об одном
Говорила:
— Всё вернем!
Отдохнем, успеем!
Будет глаз мужской во всем —
Снова ладом заживем,
Все помолодеем.

Муж пришел,
И вот она
Верит и не верит.
Первой ночью — не до сна:
Посидела у окна,
Приоткрыла двери.

Душно.
Муж с сынком легли,
И она от них вдали —
Только бы не скрипнуть! —
Оглядела костыли...
Сразу слезы потекли —
Только бы не всхлипнуть!

Прикорнула в чем была
К мужу
И несмело
Простыню приподняла,
Ноги осмотрела.
«Только б кость была цела,
Нарастет и тело!»

Замерла. В глазах темно.
Слез полны ладони.
Сколько ей любви дано!
Муж когда-то (как давно!)
Безответною женой
Звал ее,
Тихоней.

Нет, тихонею она
Не была уже. Война
Жизни научила.
Но была строга, скромна,
Как и раньше, и сильна,
Немногоречива.

Безответна? Может быть.
Так сама хотела.
Лишь бы муж остался жить,
Стала б век ему служить,
Поперек сказать, сгрубить
Ввек бы не посмела.

И на все хватило б сил,
Помощи не надо,
Пусть он только б ел и пил,
Только б выжил, только б жил
С сыном,
С нею рядом.

Встала.
Где, какой там бог?!
Все же помолилась,
Чтобы мужа поберег,
Не оставил бы без ног —
Сделал божью милость.

Об усталости теперь
Больше ни полслова.
Бригадир не стукнул в дверь —
Уж она готова.

12

Нет, и болезнь, и костыли
Живучего его
Не отрешили от земли,
От дома — от всего.

Но на войне устал боец,
Не скажешь, как устал,
И где усталости конец,
Не видел и не знал.

Порой рукою шевельнуть
Не мог.
Да и зачем?
Хотелось иногда заснуть
И не вставать совсем.

Устал от жизни без жены,
От огненных ночей,
От грохота,
От тишины
И даже от врачей,

От ломоты в костях, от ран,
А больше от того,
Что сразу жизнь, как океан,
Свалилась на него.

В селе живи хоть сто годов —
Всё те же лес да лог,
А там — десятки городов
И тысячи дорог.

В селе всех баб и мужиков
Он знал наперечет.
А там десятки языков —
Со всей страны народ.

И думалось по простоте:
Когда война пройдет,
Заботы будут, но не те,
Весь ход работ не тот.

Вся жизнь не так, как в старину,
Пойдет в семье родной.
Уже и верную жену
Он представлял иной.

Так много видел он,
Теперь
Вернулся, и ему
Казалась слишком узкой дверь
В своем родном дому.

Пахать да жать до старых лет...
Когда всему конец?
Охоты нет,
И смысла нет...
Какой вдали маячит свет?

Устал боец.

13

К Козлову на дом Фомина не шла
Не так; все некогда:
Сломался трактор,

Звонил райком, застрял извоз на тракте,
Семян недоставало —
Всё дела...
А Николай выдерживал характер.

— Так вот как принимаем мы гостей! —
Сказал он ей при встрече.—
Ну, Алена!
Я думал, въеду с колокольным звоном,
Да, видно, ты превыше всех властей
И у тебя на все свои законы.

Иль ты и надо мною генерал?
Не так солдата привечать бы надо.
Я генералов не таких видал,
Мне сам Калинин орден выдавал.
(Приврал солдат!)
Но я не о награде.

Вы все тут жили за моей спиной.
Теперь без ног я, вроде как солома,
Без зерен колос — смятый и пустой...—
Алена вскрикнула:
— Постой, постой!
Ты здесь хозяин, а не гость;
Ты дома.

Она, казалось, сразу поняла,
Что за хвороба на бойца насела.
«Решил, наверно: жизнь его прошла,
Что он в селе — помеха для села,
Что для него не подберется дела...»

— У нас большие планы на тебя.
Пей молоко да отдыхай с дороги,
Пока идет уборка, молотьба,
А там...
Найдешь работу для себя.
— Ну, нет, хозяйка. У меня, вишь, ноги!..

— О чем же ты, о пиве, неужель?
— Не в пиве дело!
Ты меня не трогай.
Вся жизнь моя — от лавки до порога.
Вот из увечных сколочу артель:
Безногие идут своей дорогой.

И Фомина сдержаться не смогла,
За плечи косу кинула сердито:
«Вот гостя мне нелегкая дала!»
И властно разговор оборвала:
— Ты что шумишь?..
И здесь война была!
И мы хлебнули горького досыта!

Увечьями своими не кичись.
Я генералов не таких видала.
Войну прошел...
А нашу знаешь жизнь?!
Ты вот у нас попробуй отличись,
Чтоб вся деревня за тебя стояла.

Работать неохота?! Сделай милость!..
Подумай только о своей жене —
Такой награды еще нет в стране,
Какой она трудом своим добилась.

И ссора все острее становилась.

Но странно, ни горячности, ни зла
В Козлове эта ссора не будила.
Одно обидно Николаю было:
Во всем Алена снова верх брала,—
По-прежнему как с младшим говорила.

Козлову вдруг припомнилась пора,
Когда он бегал в рваной рубашонке.
Алену звали попросту Оленкой.
Подружку уважала детвора:
Она была на выдумки востра,
Никто не знал отчаянней девчонки.

В семье мальчишек не было, и ей
Дела мужские с детства доверяли —
Возить дрова,
В ночном пасти коней...
И в праздники она — среди парней,
Себя «парнями» ребятишки звали.

Как помнится, одним была смешна —
В косичках ленточки носить любила.
Ни в чем другом ребят не подводила:

Ныряли все —
Ныряла и она,
Дроздов ловили —
И она ловила.

Училась, незаметно подросла —
И все старухи ахнули:
«Царевна!»
Густую косу туго заплела,
И вот, как по согласью, вся деревня
Аленушкой Оленку назвала.

В воскресный день или по вечерам,
Когда заря во хмельниках играет,
Когда спадает над селом жара,
Не спрашивай, где песни,
Где игра,
Спроси лишь, где Аленушка гуляет.

В деревне любят красоту и стать.
Но ты работу покажи сначала —
По всей округе сразу будут знать:
Бахвалить свахам,
Женихам не спать...
Аленушка-невеста всем блистала.

В те дни и Николаю Фомина
Была люба,
Но робость помешала,
Решил: не мне такая суждена!
Года прошли...
Нагрянула война.
Козлов вернулся с орденом,
Она
Теперь Аленой Николавной стала.

По-прежнему над всеми верх берет.
Но воину ходить под Фоминою
Уже нельзя.
Козлов теперь не тот...
И он подумал с гордостью, что вот
Теперь бы сватать,
Верно, без хлопот
Алена стала бы его женою.

Он заглянул ей в темные глаза.
— Не горячись! — промолвил.—
Что без дела... —
И больше ни словечка не сказал.
Но и Алена сразу подобрела

И отошла.
— Не спится до зари,—
Сказала тихо.— Что-то леденею...
(Так о погоде часто говорим.)
Устала...
Пива все же не вари,
Ведь не умрешь, пожди недельки три...
Но сам решай:
Хозяину виднее.

И о Никите краем речь зашла,
Об инвалиде:
— Ты его не видел?
Поговори с ним по душам, без зла.
Глушит вино, отбился от села,
Никак остуды не найдет обиде.

Жене и сыну дома перед сном
Козлов, смеясь, рассказывал:
— Ну, баба!
Ведь настояла все же на своем.
Ну и полковник!
В деле боевом
Дивизией командовать могла бы.

Сын подтвердил:
— Конечно бы, смогла,
Муж у Алены в офицерах служит! —
А Дуня даже слезы пролила:
— Жизнь для Алены нынче тяжела,
Уж года два, как писем нет от мужа.

14

А при новой встрече
Фомина Козлову
Рассказала про своих,
Про колхозниц, к слову.

Дескать, вот был случай.
Угадать не чаешь...
Понимай как лучше,
Принимай как знаешь:

«Лошади в колхозе
Вечно на работе.
То в извозе,
То на обмолоте,

В роще да в поле
По целой неделе.
Где уж тут — в холе,
Где уж там — в теле.

Хо́леные мерины
На другой работе:
Может, в кавалерии,
Может, в пехоте.

В колхозе постарше,
Попроще, поплоше.
А крестьяне наши
Жалеют лошадь.

И решили бабы:
— Мы задворки наши —
Велики ль усадьбы! —
Без коней вспашем.

Тяжело — не тяжко.
И пошли цугом:
Четверо в упряжке,
Пятая за плугом.

Тянут-потянут.
Пот — ручьи льются.
Отдыхать станут —
Шутят, смеются.

— Ну, как?
— Неплохо!
Вон, отмахали...
— При царе Горохе
Так не пахали.

Тут, как председатель,
Я налетела:
— Тотчас выпрягайтесь!..
Разве это дело?!.

Весь колхоз ославите,
В петлю лезть заставите.
Да еще — за что, про что? —
Пред судом поставите.

Завтра же вам вспашут.
Лучше б не родиться!
Что в райкоме скажут?!
Что за границей?!.
Ну, не бестолково ль,
Честное слово?!

— Стойте!..
Дуня крикнула,—
Что ж тут такого?

Хает заграница?
Вишь, чего боится!
Не понять им, что ли:
Наши кони в поле!

Это наши кони
И колхозы наши
Нынче немцев гонят,
За Дунаем «пашут».

А кто хаять будет,
К нам таких направьте:
Если они люди,
Разберут по правде.

Лес возить впряжемся —
Не согнем спину.
Не за так бьемся —
Чтобы враг сгинул.

Вот какие люди!
С ними — молодеешь.
Может, польза будет,
Как понять сумеешь».

15

Ну и жизнь!..
Что за жизнь!
Спи себе до ужина,
На заре опять ложись,
Отдыхай —
                    заслужено!

Время здесь не быстрое,
Год пройдет — ни выстрела,
Ни начальства, ни тревог,—
Сам себе и царь и бог!

16

Летают утки над рекой.
А до реки — подать рукой,
Не то что с костылем —
С клюкой
Туда дойти легко.

Взяв уду в руку, котелок
Надев на ремешок,
Пошел Козлов на весь денек
К реке, на бережок.

В деревне ни одной души,
Лишь с краю, у гумна
Быков впрягают малыши
В телегу для зерна.

Старшой кричит:
— Ходи! Ходи!..—
Мужик, ни дать ни взять:
Лосей начнет, того гляди.
Ловить и запрягать.

Козлову старое гумно
Хотелось навестить,
Где не бывал давно-давно,
Да так решил, что все равно
Ему не молотить.

Еще не вышел из села,
И вот они — поля!
Ах, до чего же ты светла,
Родимая земля!

Как раньше мог не замечать
Такую благодать,
И эту ширь, и эту гладь?
Как мог их забывать?..

Услышал жниц:
— Зайди, сосед,
Поговорим ладком!
Попотчуй, если нет конфет,
Фабричным табаком!

Хотел зайти,
Отвык давно
Он серп в руке держать,
Да так решил, что все равно
Ему теперь не жать...

И вот уж видно с бугорка:
Тиха, неширока
Под солнцем вспыхнула река
Белее молока.

Потом, вблизи, в листве резной,
Под ивой навесной
Она сверкнула вдруг сквозной
Сплошной голубизной.

И наконец у ног легла
Прозрачнее стекла,
И потекла, и потекла,
Какой всегда была.

Среди рябин и тополей
Бульбульканье воды
Напоминает журавлей
Гортанные лады.

На перекатах, на мели
Воркуют голубки,
Кричат, скрипят коростели...

Солдат отбросил костыли
Подальше от реки,

Надел наживку на крючок,
Воткнул в траву уду
И лег к обрыву на бочок—
Вся рыба на виду.

Затих.
Теперь сиди кури,
Сиди не шевелись.
Вот налетели пескари,
Сорожки пронеслись.

Пришли поджарые ельцы,
Вокруг червя снуют,
Целуют леску, стервецы,
Глядят, а не клюют.

Вот появился окунек,
Схватил крючок взаглот
И под корягу поволок:
Такой не подведет.

В червя вцепился мелкий ерш
И стал. Чего ж ты ждешь?
Хитришь, как мелкий плут? Но врешь,
Меня не проведешь.

Потом— голавлик, пескари,
И снова окунек.
Знай не зевай — таскай, бери,
Клади их в котелок.

С оглядкой щука подошла,
Крючок на зуб взяла,
Чуть потянула, повела
И с леской уплыла.

Рыбак достал другой крючок
И вновь улегся на бочок.

Вот так и жить бы, не тужить
Бойцу до старых лет.
Ершей ловить, да хмель варить,—

Войну забыть, людей забыть..
Но нет покоя, нет.

Жена на целый день еды
Нажарит и уйдет.
А в сердце мужа нелады,
Предчувствие какой беды,
Как ревность, душу жжет?.

И сам не разберет.

17

Скрипит, скрипит нога
Без чулка, без сапога,
Самодельная клюка,
Нет ни пятки, ни носка.

Ветер замер, ельник спит,
По домам молчит народ,
А нога себе скрипит,
Аж за душу берет.

Одичавший, перекошенный
Костыляет инвалид.
У шинели вид заношенный,
У рубахи рваный вид.

— Кто таков?
— Попов Никита,
У него нога отбита.—
У людей душа болит:
Пьет Никита-инвалид.

Где его повадка твердая,
Где его поглядка гордая?!,
Ни ухватки, ни поглядки,
На базар пошли манатки.

Воевал, как бог, как мог,
Как и полагается,
Только душу не сберег,
Нынче с горя мается.

Обтирает пот рубахою,
Сам похож на мертвеца,
На Никите нет лица.

Люди охают и ахают,
Отвертываются.

Плох ты стал, боец Никита,
Не нога — душа отбита!
С ним бродяжат что ни день
Все, кому работать лень.

Из окна Козлов глядит:
Что же это деется?
Тоже орден на груди,
Орден не безделица,

А вокруг народ твердит:
«Обормот — не инвалид!
Инвалид себя блюдет,
А Никита — он урод».

Неужель такой почет
И меня в деревне ждет?!.

Засидишься дома сиднем,
Окрестят словцом обидным
Прямо скажут мужики,
Что отвык-де от сохи,
От пилы, от топора,
От крестьянского двора.

— Стой, Никита! Приверни,
Загляни, как к другу,
Нынче вроде как сродни
Стали мы друг другу.

Деревяшкою в сенцах
Брякнув, как задвижкой,
Тот вошел:
— Поклон бойца!
— Проходи, братишка!

Сел Попов к столу, кисет
Вытянул из кепки

И сказал:
— Верти, сосед,—
Корешковый, крепкий.

А кисет широк и ярок,
Буквы шитые горят,—
Фронтовой, должно, подарок,—
А в кисете самосад.

Дым пошел под потолок.
— Ну, рассказывай, браток,

Как дела?
— Тут все дела
Поделом заело.
Первым делом у села
Фомина всю власть взяла —
Разве это дело?!.

И Никита сплюнул,
Пепел с пальцев сдунул.

— Настоящей силы нет.
Бабы и отчасти
Сосунки в тринадцать лет
Тут стоят у власти.

Всё, конечно, у бабья
Ни на что похоже:
Философия своя,
Угол зренья — тоже.

Им бы печи да вода,
Ступки да корыта...
А мы брали города!
А нам горе не беда!..

— Не чуди, Никита!

Не чуди,— сказал сосед,—
Если разобраться,
Нашей жизни лучше нет:
Спать да поправляться.

Но Попов уже кричал,
Бил ногами о пол —
Деревянною стучал,
Сапогом топал:

— Устояла земля
На одном солдате.
Почему ж опять не я
Здесь председатель?

Видно, как ни чуди,
Нам из этой чащи
Надо в город уходить —
Случай подходящий.

А потом, косясь на дверь,
Вдруг шепнул Козлову:
— Может быть, тебя теперь
Примут за основу!

Ведь бывает:
Ставят вдруг
Вожаком артели.
Мы б тогда с тобою, друг,
Всем селом вертели!..

И когда со скрипом встал,
Взяв кисет солдатский,
Прямо в ухо зашептал
Уж совсем по-братски:

— Может, хочешь первачу?
Не вино, а диво.
— Нет, Никита, не хочу,
Подожду пива.

Что-то мне твои слова
В сердце не ложатся.
В чем-то нам, браток, сперва
Надо разобраться.

*

Вот и все речи.
Только в тот же вечер
Много слухов по селу
Шло об этой встрече.

Суды-пересуды,
Мол, стакнулись люди,
В общую посуду
Водку гнать будут.

Николай злился,
Людей сторонился.

18

У жены полно забот,
У Васютки тоже.
Муж по суткам у ворот
Мундштучишко гложет.

Похозяйничал в дому,
И с отвычки, что ли,
Стало скучно одному,
Захотелось в поле.

Приглашений ждет-пождет,
А никто ни слова.
На работу не зовет
Фомина Козлова.

Про нехватки с ним народ
Не заводит речи,
За советом не идет —
Погордиться нечем.

Быть, как раньше, впереди
Он теперь не может,
Но ты все-таки приди,
Позови все же.

Как и что ни говори,
А обидно, черт дери!

19

Запах леса, шум ржаной
Подступают к горлу.
Ввечеру, как в дом родной,
Потянуло к горну.

«Может быть,— вздыхал Козлов,—
Снова, как бывало,
В кузнице ни молотов,
Ни мехов не стало...»

Захотелось обойти
Все поля, дороги.
Согласился бы ползти,
Если б сдали ноги.

Шел по улочкам кривым,
По-солдатски — встречным
С поворотом головы
Кланялся сердечно.

На конюшне увидал
Грязи до колена,
Завернул на сеновал —
Ни травы, ни сена.

Охнул:
— Видно, за конем
Никакого глазу!..
Мы там головы кладем,
Дома — безобразят.

В скотный двор зашел, и здесь
Ждал всего худого,
Но,— взглянул,— коровы есть,
Ничего коровы.

Чистота, простор и свет —
Ничего не скажешь.
Накричать причины нет:
Стало жалко даже...

*

Только бы не в сторожа
С боевого рубежа,
Не на понижение:
Хуже острого ножа
Это унижение.

20

— Здорово, дед!
(А сердце бьется!)
— Здорово, служба. Как живем?
— Что за бадейка?
— Для колодца.
— Куется как?
— Чуть свет, куем.

Все обжитое, дорогое —
Меха, корыто, молоток...
Волнуясь, словно перед боем,
Переступил Козлов порог.

Передник кузнеца хоть брось —
Прошит окалиной насквозь.
Окладистая борода
Рыжа, как ржавая вода.

Он клещи опустил в горнило,
Слепящий вытянул брусок,
И сразу стены осветило
И расцветило потолок.

— Чай, не забыл свою работу? —
Заговорил, помедлив, дед,—
На ней одной стоит весь свет:
Ни посевной, ни обмолоту
Без кузнеца движенья нет.

Ни отдохнуть, ни вымыть руки...
Чуть недосмотришь— быть беде,
И там поправь,
И тут постукай,
Подкуй, подбей —
Кузнец везде.

И ведь не спросит дед Козлова,
И в мысли не придет ему,
Что, может, «служба» хочет снова
Вернуться к делу своему.

Козлов не вытерпел:
— Дай, дед,
Поколочу, смогу иль нет?

Не торопясь, касаясь стенки,
Он к наковальне подошел,
Взял молоток
(Дрожат коленки!) —
Ударил...
— Дай, старик, еще!

Старик, схватив его под мышки,
Ворчал:
— Довольно, не чуди!
Потом приподнял, как мальчишку,
И на скамейку посадил.

— Остерегись, не надорвись!—
Сказал, как сыну, грубовато.—
Сколь вашего калечат брата,
Ни в грош не стали ставить жизнь!

Эх, дед!
Не смог понять солдата.

*

Обходный завершая круг,
Козлов решил зайти в правленье:
Алены не было в селенье,
И, знал, воротится не вдруг.

21

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В углу плакат, как вывеска,
Двухцветная «Доска».
Стена в газетных вырезках
И «Боевых листках».

Другая — в фотоснимках,
Полученных с войны:
Сидят бойцы в обнимку —
Колхозные сыны.

В простенке карта мира,
Указка на крючке.
У ходиков не гиря —
Кирпич на ремешке.

Артели годовой отчет —
Трехзначные ряды:
Приход — расход, приход — расход,
И тонны, и пуды...

Потом — «Распоряжения»,
Особая стена.
И всюду:
«Предправления
Алена Фомина».

В конторе только счетовод.
Графленый лист в руке.
Козлов вошел
И узнает:
Старик в архалуке!

Кивнул ему, сказал:
— Привет!—
И сел на табурет.
— Что я тебя не помню, дед,
Ты здешний или нет?

Старик откашлялся в кулак,
Бумагу отложил:
— Сказал бы все, не знаю как...
— По совести скажи.

— Так я, коли по совести,
Из дальнего угла:
Потусторонней области,
Сожженного села.

Бежал от горя тяжкого
С семьей куда ни весть.—
И он тряхнул костяшками,
Откинул пальцем
Шесть.

— Нас было шесть.
Дорожкою
Лесной ночами шли.
Сначала под бомбежкою
Две дочки полегли.

Опять костяшки брякнули,
Он молвил:
— Двух долой!
В пути старуха на поле
Простилася с семьей.

А сын пристал к разведчикам,—
Известно: сыновья!
Остался, делать нечего,
С одною дочкой я.

Дошли, когда растаяло,
До здешних палестин.
Здесь дочь меня оставила,
В итоге — я один.

На старых счетах желтая
Одна осталась кость,
Поблекшая, истертая...
— Но я в селе не гость.

Прибилась дочка к городу,
Я не перечу ей,
Но сам я, братец, смолоду
Живу среди полей.

Подай мне дом с землицею,
Хоть плохонький, да двор,
Да чтоб смолой-живицею
Дышал вокруг простор.

Да озером,
Да пожнею...
Увидел я, сосед,
Что ничего надежнее
Земли на свете нет.

Возьми в соображение
Еще статью одну —
Почет и уважение:
Мы кормим всю страну.

В селе я не на выделе:
Свой брат и власть своя,
И службой не обидели.
Выходит— здешний я.

Под старость все меняется,
Но что на жизнь пенять:
В итоге получается —
Семьей живу опять...

*

И ведь, стуча костяшками,
Не спросит старый черт,
С какою думой тяжкою
Солдат Козлов живет.

Прибился с ходу, с волока —
И жизнь ему легка.
И, впрямь, бойка рука!
Перещелкáть попробуй-ка
На счетах старика.

22

Война — и вспомнишь стон и кровь,
Огонь,
Весь мир в огне,
И трупами забитый ров...
Ужель ни разу добрых слов
Не скажешь о войне?

Козлов в землянках жил не год.
Землянка не изба:
Накат не свод,
Не дверь, а ход,
Не печь — времянка,
Кольца вьет
Горыныч-змей — труба.

И не изба,— низка, темна! —
А все бойцу порой
Казалась горенкой она,
Когда из вылазки ночной
Один, усталый допьяна
Он приходил «домой».

Был чайник со свистком в рожке —
Свистел, как закипит.
Бойцы, заботясь о дружке,
Чаек поставят в котелке:
Пускай дружок поспит.

Не клали в печь еловых дров —
Трещат, покоя нет.
Проснешься, спросят:
«Жив-здоров?»
Уже обед тебе готов,
Махрой набит кисет.

Нет, с золотым шитьем погон
Козлов не нашива́л,
Шинели офицерской он
Еще не на́шивал.

Но рядовой, а жил, как бог:
От мыла до вина,
От полотенца до сапог
Все получал сполна.

Когда он так в деревне жил?
Забот невпроворот...
А там ему весь штаб служил,
А не наоборот.

От генерала спуску нет
Начальству за бойца:
Что ест? Тепло ль обут, одет?

Доставь бумагу, дай конверт
Ему для письмеца.

Ему поклоны всей страны,
Награды из наград...
Выходит, нет ему цены,
Хоть он простой солдат.

А положили в лазарет —
С ним нянчилась сестра.
Не спишь — приставит табурет,
Читает до утра.

Напиться даст,
Умыться даст,
И ногти острижет.
И врач с него не сводит глаз—
От смерти бережет.

Найдут, поставят на окне
Какой-нибудь цветок,
Повесят коврик на стене...
Выходит, он в большой цене,
Хотя почти без ног.

23

С серпом попробовал сходить в поля.
Он их вселенной называл когда-то.
Родная, с детства милая земля
До стыдных слез растрогала солдата.

Но и снопа не смог нажать.
Лишь горсть
Колосьев срезал — застонал от боли.
И стало горько, горько:
Значит — гость,
А не хозяин он в родимом поле.

Потом прошел к овину, чтоб мешок
Травы-отавы накосить осенней.
И накосил!
А унести не смог,
И ночь не спал от ломоты в колене...

*

Только бы не в сторожа
С боевого рубежа,
Не на понижение.
Хуже острого ножа
Это унижение!

24

После ужина на печке
За трубой Козлов прилег.
Дым свивается в колечки
И летит под потолок.

Вылезают прусаки
Из пазов засиженных —
И усы, что тесаки,
И глаза бесстыжие.

На подушке пуховой
Отдыхает домовой,
Сытой лапой морду трет,—
Домовой, а может, кот.

И Васютка лег, натружен.
Только Дуня не легла.
Весть недобрая о муже —
Просто сплетня
Или хуже? —
Позабыться не могла...

И тревожный, и сердитый
Голос вдруг услышал он:
— Ты не путайся с Никитой,
Он тебе не компаньон!

Не за тем тебя ждала,
Темных ночек не спала.
Зря болтаться не позволю!..

И Козлова злость взяла.

«Удивительное дело,
Как тихоня вдруг запела.
Где отваги набралась?
Дома всю войну сидела,
А теперь туда же —
Власть!..»

Даже сын вскочил с постели,
Не слыхал он много лет,
Чтоб от крика стекла пели.
— Это что же в самом деле?
Я хозяин или нет?!.

Ты кого учить взялась?
С крыши, что ли, сорвалась?..
Что ж это такое:
Дослужился муженек,
Воротился в свой домок —
Не дают покоя!

Пред Аленой оробел он,
Чуть прикрикнула она,
Отступил,
Но Фомина —
То совсем иное дело.
А теперь кричит жена.

Дуня, к счастью иль к несчастью,
Сразу все концы сдала:
Устоять пред мужней властью —
Где ей бабе? — не смогла.

Злости нет, запала нет:
«И зачем обидела?!
Верно — он изъездил свет,
А она что видела?»

Только боль да бабья жалость
У нее в душе осталась.

И слеза, слеза непрошенно
По щеке уже текла.
Дуня тоже лишь хорошего
От своей судьбы ждала.

С ног, бывало, горе валит,
Мужа вспомнит — и легко:
Вот приедет,
Вот похвалит...
Близко он иль далеко?..

Похвалы не дождалась.
Верно:
«С крыши сорвалась».

Сына к сердцу притянула,
Приласкала, обняла
И с такой тоской вздохнула,
Словно ношу подняла.

— Верно, Коля, я была
Дома,—
Верно, Коля.
И теперь все дни дела
Не пускают с поля.

Мне награда не нужна.
Только ты послушай:
Загляни хоть раз до дна
И в мою душу.

25

Шалаш построить, что ли, в соснике,
Жить, как в скиту,
Без сына и без женки
И не снимать солдатской одежонки,
Купаться с карасями в озерке,
Пить сок брусничный вместо самогонки?..

И снова все, что было на войне,—
Постылый вой, усталость через силу,
И небо в пепле,
И земля в огне,—
Козлову в этой тихой стороне
Представилось значительным и милым.

Эх, то ли дело штык да пулемет
Да тысячи товарищей в походе!
«Ложись!» — лежишь,

«Вперед!» — бежишь вперед...
И гул, и грохот,—
Но кругом народ,
Красна и смерть и песня на народе.

Забот житейских у солдата нет,
Все интендантам свалено на плечи,
Служи Отечеству —
Обут, одет,
Снабдят махоркой, принесут обед,
Газетами, журналом обеспечат.

Там даже смерть к бессмертию зовет.
Там ты — защитник и спаситель мира,
Здесь — вывозка навоза, обмолот;
Там — слава, кровь,
Здесь — только пот и пот;
Там — клич,
Там — зов.
Здесь — окрик бригадира...

Где вы теперь, товарищи мои?
Шагаете по дымным заграницам,
Встречают вас деревни и столицы,
Поят, целуют...
Кончатся бои —
Сама земля начнет на вас молиться.

И нудная, тяжелая тоска
Согнула вдруг,
Состарила Козлова,
Как будто раскаленная подкова
Легла ему на сердце,
Жизнь горька...
И захотелось забытья
Хмельного.

26

Костыли скрипят не в ногу.
Эх, и выпили!
Из телеги на дорогу
Вместе выпали.

Все Никита в жизни мог.
Счастье баловало,
Для него больших дорог
Выпало немало.

Рос веселым, разбитным.
Девушки любили,
Под гармонь гурьбой за ним
До зари ходили.

Понемногу все умел,
Но искал чего-то,
Заниматься не хотел
Маленькой работой.

Без охоты дома жил,
И в полях ни разу
Ни к чему не приложил
Силы до отказу.

На войне, хоть и скрипел,—
Думал до Европы
Дошагать,
Но не терпел
Ползать, рыть окопы.

Много выпало дорог...
А ноги не стало —
Он найти себе не смог
Даже тропки малой.

Как-то сразу посерел
И, на все в обиде,
Ни больших, ни малых дел
Для себя не видел.

Воротился в дом родной —
Все осточертело,
С постаревшею женой
Ладить надоело.

И жена — тиха, грустна —
Плачет на народе;
Уж кончается война —
Ей не легче:
Все одна
На работу ходит.

Большака не узнает:
Что ни день — гуляет.
И почет ему не тот...
Плачет женщина.
Народ
Слезы понимает.

Грех, но больше нету сил...
И не овдовела...
Лучше б он не приходил,
Лучше б голову сложил,
Чем такое дело.

Брат меньшой его не стал
Звать бойцом, как раньше звал,
Не гордился братом,
А дичился и вздыхал.
Что стряслось с солдатом?

Где он душу разменял,
Колеся по свету?
Дом ему немилым стал,
Словно и не воевал
Он за землю эту.

Тряпки, мыло, табачок...
Купля и продажа...
Ездит в город на толчок.
Чем не новый кулачок?
И ухватка та же.

Самогонку в бане гнал
В кон со всяким сбродом.
То ругался, то стонал
Перед всем народом.

Все на свете нипочем...
Если ж напивался,
Шел с опущенным плечом,
Словно в драку рвался.

27

На угор идет Никита —
Разбегается народ,
И скрипит его копыто,
Аж за душу берет.

— Я огнем и пулей мечен,
Дай дорогу для бойца.

Загулявшему навстречу
Николай сошел с крыльца.

— Здравствуй!
— Здравствуй.
— Что ж ты, брат?
Что ни день, то новости,
Недобром тебя честят.
С кем войну ведешь, солдат,
Расскажи по совести.
Снова пьешь,
Стекла бьешь,
Людям ходу не даешь?

У Никиты в кровь разбита
Голова кудлатая.
Стукнул о землю Никита:
«Расступись, проклятая!»

— Эх, брат, слушай, брат!
Ты солдат и я солдат.
На селе с тоски умрешь,
Поживешь — и ты запьешь.
Лужа окаянная,
Скука деревянная.
Да еще —
В сердце нож —
Почта сарафанная!

Отгулял солдат свое,
Как там ни повертывай.
Опостылело житье
В деревеньке чертовой.

Брось ее! Иди служить,
Прибивайся к городу.
Хочешь сказку?
— Расскажи.

Сели рядом на кряжи,
Поскоблил он бороду...

— Черт деревню в землю врыл.
В ста котлах ее варил,
Драил тряпкой-мойкою,
Продирал скребницею,
Думал, станет бойкою,
Станет белолицею.
Жег огнем, железом жег,
Воду лил на ма́кушку,
Сбился с ног,
Изнемог —
Не осилил матушку.
«Пропади ты пропадом,—
Крикнул,— вислобокая!»
Замотала до поту,
Окая да цокая.
«Вы откель?»
«Мы отсель!»
И пойдет канитель.
«Наше дело темнота,
Кость у нас не белая...»
А глаза что у кота.
Плюнул черт:
«Ни черта
С нею не поделаешь!»

Дни и ночи об одном:
Как зерно
Да что с зерном?
Как поля?
Стоят поля?..
Все в земле!
Кругом земля!

А мы брали города,
А мы парни хоть куда,
Неужели ж нам с деревней
Не расстаться никогда!

Вскинул голову Никита,
Посмотрел вокруг сердито.
Взгляд туманный,
Голос пьяный,
Наизнанку все карманы.

— Не хочу служить в артели,
Бабы здесь, как ступки,
Сарафаны надоели,
То ли дело — юбки!
По проспекту ходят пары.
Акают — не окают,
Дамочки о плитуары
Каблучками кокают.
То ли дело дамочки,
На подбородках ямочки!
Буду в городе, на воле,
Не женатый, холостой,
На виду...
А здесь я кто?

Николай спросил:
— А то ли?..
Так ли?.. —
Охнув, как от боли,
Проскрипел он:
— Верно, Коля,
Все не то!

Кепку снял,
Достал кисет.
— Все не то, сосед!

Высек искру из кремня,
Закурил.

— Поверишь ли:
Горожанин из меня
Тоже невсамделишный.
Трудно, Коля, трудно, брат.
Ты поймешь —
Ты сам солдат.
Позабудутся тревоги
Кровь от рук отмоется,
Заровняются дороги,

Города отстроятся,
Может, камни зацветут,
Люди будут жить, как боги,—
У меня другие ноги
Никогда не вырастут.

28

Костыли скрипят не в ногу.
Эх, и выпили!
Из телеги на дорогу
Вместе выпали.

Пьяным море по колено.
Что вселенная!?.
Только свита у военных
Не военная.

Семенит с Козловым в паре
Что-то тертое —
То ли баба, то ли парень? —
Желтомордое.

Не уродец, не калека,
Но в войну прослыл
За больного человека,
Хоть — в расцвете сил.

Чуть подальше прут по следу
За Никитою
Мастера вести беседу
Целой свитою.

Да из встречных-поперечных
Гости прочие,
За увечных и калечных
Пить охочие.

Пили с вечера
И до вечера.
Своего изделья зелье —
Жалеть нечего.

Пили в бане и в избе,
У Никиты в погребе.
Днем Козлов, оставшись дома,
Пригласил гостей к себе.

— Все — свои!
Все — друзья!
Заправилой нынче я,
Не обижу, угощу,
Милости прошу!

Заскрипели половицы.
Распахнули настежь дверь.
— Кабы нам по заграницам
Погулять, друзья, теперь!..

Вот где жизнь,
Эх, и жизнь!
Всё бери — не за пятак...

А потом передрались.
Дело было так:

На солдатскую гулянку
Принесли гармонь-тальянку,
В зеркалах — живой огонь.
Желтомордый в пляс пустился,
К потолку подняв ладонь.

«Ты германец-иностранец,
Попустился воевать,
Отпусти ребят жениться,
Девок некуда девать.

Председательшу свою
Из-за речки узнаю:
Юбка шибко длинная,
Походка журавлиная».

Он плясал и припевал,
За живое задевал.
Николай стакан поставил
И прислушиваться стал.

«Не германцы, а колхозы
Вымотали силушку,
Ройте люди под березой
Темную могилушку.

Не Германия страшна,
Не чужая сторона...»

Николай привстал на стуле:
— Что ты мелешь, сатана?

«На войне-то на войне,
Да и здесь не патока.
На родимой стороне
Не житье, а каторга».

— Стой! — сказал Козлов сердито. —
А за что я воевал?!
А за что Попов Никита
Свою ногу потерял?!

Но плясун уже не слушал,
Хмель запел — не одолеть.
У Козлова стали уши
Багроветь.

«Соловьи поют от жара,
Воробьи от холода,
Солдатня от комиссара,
Мужики от голода».

«Как же это,
О своем
И такое слово?
То мы головы кладем,
То плюем на все, поем
С языка чужого.

О своем, о дорогом?!.
Иль мы всё забыли?
Иль не справились с врагом,
Немцев не побили?

И в своем ли я дому?
Что мы тут справляем?
Люди — в поле,
Почему
Мы одни гуляем?..»

Громыхнув тяжелым стулом,
Николай вскочил рывком
И хватил по желтым скулам
Волосатым кулаком.

— Что ты мелешь, сатана!
Не война тебе страшна?..—
Если б только не стена,
Раздавил бы плясуна.

— Чью ты власть хаешь?!
С кем сидишь — знаешь?
Шелудивый иностранец —
Что ты понимаешь?!.

И опять с размаху
Аж порвал рубаху,
А потом —
Костылем...

Всполошились за столом.

Хмель по жилам загулял.
Друга друг не узнавал.
Николай еще кого-то
По загривку костылял.

Прибежал на шум народ,
Счетовод в архалуке.
В стайку девочки слетелись
От ворот
Вдалеке.

Жницы с поля идут:
— Что за гам?
Самосуд?..—
Счетовод им разъясняет:
— Инвалиды бой ведут!

Еле-еле, еле-еле
Водворилась тишина.
И когда по всей артели
Переулки опустели,
Надвигалась ночь темна —
Николай с Никитой сели
У раскрытого окна.

Боевые ордена
На груди у них краснели.

29

Поздно вечером с гумна
Воротилася жена.
Бабьих слез,
Плаксивых слов
По привычке ждал Козлов.

Дуня избу подмела,
Ужин мужу подала
Да спросила:
— Как дела?
Жив? — И все.
И спать легла.

Хоть бы выругала, что ли,
Дверью б хлопнула хоть раз!..
Он скривился, как от боли,
На еду не поднял глаз.

Сын пришел — уже темно,
Не спеша закрыл окно,
Свет зажег и съел, что было
Для отца поставлено.

От него ни слез, ни слов —
Никаких не ждал Козлов,
Но малец набрался сил
И, краснея, забасил:

— Тятя, ты имей в виду:
Все с Никитой не в ладу,
А мы с мамой у артели
Не последние в ряду.

Ты бы маму не срамил
И меня не подводил!..—
На губе у сына рубчик
И при лампе виден был.

Трудно было удержаться,
И Козлов сынка обнял.
Вот и думай — парень мал!
Обижаться иль смеяться
Над Васюткой — сам не знал...

А потом Козлов сказал:

— Ладно, я не подведу,
Только ты имей в виду —
Дом покину, а не буду
У тебя на поводу.

Место в городе найду!

А с Аленой было хуже.
Ворвалась, а не вошла,
Накричала, как на мужа,
Чуть за горло не брала.

— Ты мне воду не мути
И народ не баламуть.
Слышно, в город хошь уйти?
Уходи, счастливый путь.

Дом родной тебе пустяк...
Скатертью дорога.
А у нас тут и без драк
Дела много.

*

Что же, как ни кинь, в райопе
Побывать Козлову след.
Дело вовсе не в Алене,—
На душе покоя нет.

30

Подвезти до городка
Без худого слова
Племенного рысака
Дали для Козлова.

Конюх Петр Сергеич сам
Ехать согласился,
Утром битых два часа
Чистился и брился.

Что он был за человек,
Знали больше кони.
В одиночку едет — ввек
Лошади не тронет.

Волоками день и два,
Если нет народу,
Он трусит едва-едва,
Через пень-колоду.

Ну, рысцой, куда ни шло,
Только чтобы ехать.
Но покажется село —
И пойдет потеха.

Сразу вожжи подберет
Да как крикнет:
— Трогай! —
И польется, поплывет
Пыльная дорога.

Куры кинутся к плетням:
— Кто-кто-кто так скачет?!.—
И несется по пятам
Вой и лай собачий.

А случится пассажир
Нужный для артели,
Ну тогда, конек, служи,
Чтоб гужи гудели.

Втихомолку горячит,
Незаметно хлещет,
Щеки рвет,
А сам кричит:
— Тише, сумасшедший!

Петр Сергеич знал пути
К сердцу человека:
Угости да прокати —
Так велось от века.

А Козлов, того гляди,
Парень нужный будет...
Ну лети, рысак, лети,
Чтоб дивились люди!

Чтоб и вправду из ушей
Пламя повалило!..

Николаю по душе
Уваженье было.

31

Деревянный городок,
Уголок уездный.
Сто проселочных дорог,
Ни одной железной.

Над крылечками резьба,
Грядки за углами,
Церковь — то же, что изба,
Только с куполами.

В желобах растет трава,
Пыльные листочки.
В низких окнах кружева,
Куклы и цветочки.

Мастерские МТС,
Склады скобяные,
Телеграф да Пенькотрест —
И вся индустрия.

Но гудят, гудят рожки,
Стариков пугая:
Носятся грузовики,
Есть и легковая.

Петр Сергеич в козлы врос,
Вожжи к небу взмылил,
И понес рысак, понес
За автомобилем.

32

По проводу прямому
Из собственного дома
Звонит Алена Фомина
Секретарю райкома.
Зовет к прямому проводу
По хлебу и покосу,
По случаю, по поводу,
По срочному вопросу,
По важному, текущему,
По делу по насущному.

— Привет, товарищ Михалев!
Как жив-здоров?
— Я жив, здоров.
А кто у телефона?
— Да Фомина Алена.

У нас, товарищ Михалев,
Опять простои тракторов.
Что в Мэтэесе деется,
На бога, что ль, надеются?
Напрасно люди маются,
И лошади измучены,
А слесаря слоняются,
Хвосты им не накручены.
В страду прогулы! — шутите.
Уж вы нам помогли бы...
Подвертите?
Подкрутите?..
— Подкрутим.
— Вот спасибо!

Райком для предправления
От всяких бед спасение.
Райком для населения
Почти сама вселенная.
Он — свой.
В него идут, как в дом.
«А что в райкоме?»
«Как райком?..»

Поутру вновь Алена
Стоит у телефона,
К утру свободней линия,
Вдали гудит, гудит...
В окне бело от инея,
Совсем осенний вид.
День начинается звонком:
— Алё, райком!
Алё, райком!..

С райкомом срочный разговор.
— У нас опять с зерном затор,
Семь тонн лежит на месте.
Что спят в Автогужтресте?!
Грязны дороги осенью,
Потом намерзнут глыбы.
Машины бы подбросили!
— Подбросим.
— Ой, спасибо!

А ночью к телефону
Райком позвал Алену.
— У вас там инвалиды
Друг с другом не поладили.
В селе одни обиды:
Мол, драка,—
Все с наградами...
Кого вы не уважили,
Чего недосмотрели?
— А разве всех да каждого
Уважишь в самом деле?!.

Я так и эдак пробую,
Да не доходят руки...
Но тут дела особые:
С Козловым просто муки.
Наверно, вас проведает.

Но думаю:
Райкому
К себе тянуть не следует
Работника из дому...
Недавно с фронта выехал,
К тому ж не одинокий,
Еще в повадке вывихи,
Иль — как их там? — заскоки.
А парень настоящий!
Пока пусть ловит рыбу...
— Ну что ж?!. Звони почаще.
— Почаще?
Вот спасибо!

33

Козлов пороги зря не обивал,
Пред ним в конторах барышни робели,
Он к завам заходил, как генерал.
Но разговор о службе затевал —
Не спрашивали, где он воевал,
А знать хотели:
Из какой артели?

И лица завов оживали вдруг:
— Колхоз заметный,
Даже знаменитый,—
Алену слышно на сто верст вокруг! —
И уж не знал он:
Ради чьих заслуг
Все двери были перед ним открыты.

И, может, прав старик в архалуке:
Нет ничего верней земли на свете!
Почет в стране, не только в городке.
Свой дом, свой хлеб,
И окуни в реке,
И самосад непокупной в кисете.

Пошел в райком.
Там скажут что к чему...
Но там стояла тишина немая,
Двенадцать комнат в каменном дому,

И — никого.
Дежурная ему
Растолковала: мол, пора страдная...

Три дня он ждал.
Горел, как на огне.
А секретарь сновал по сельсоветам,
То на машине жил,
То на коне,
То в Заозерной ездил стороне,
То в Заовражье,
То в Заречье где-то.

Вернулся.
Сразу зашумел райком.
Опять звонки, и молнии, и громы,
Собранья ночью,
Заседанья днем...
И Николай подумал так о нем:
«Да, без хозяина и дом не дом!
Что ж я-то делаю — бегу из дома?..»

В половиках крестьянских кабинет.
На стенах карты,
На столе колосья.
Железный шкаф, семь стульев, табурет,
И сноп в углу, как на дожинках «гостья» [1].

Козлова встретил, встав из-за стола,
Сам секретарь — высокий, запыленный,
«Сам Михалев», как Фомина звала.
— Садитесь!
Из какого вы села?
А... Стало быть, от Фоминой Алены.

Ну, как там жизнь на ваш на свежий взгляд,
Довольны ль женским руководством люди?
Войну ведете с кем-то, говорят?
Мы знаем парня этого, солдат,
Не торопитесь бухать из орудий...

---

[1] Последний большой сноп овса с поля торжественно приносится и надолго ставится в красный угол избы; он называется «гостьей». (*Примеч. А. Яшина.*)

Он как-то сразу так заговорил
Тепло и просто и как равный с равным,—
Как жизнь идет? Где он сегодня был—
Что Николай Козлов совсем забыл,
Зачем пришел, о чем шумел недавно.

Хозяин, видно, тайно тосковал,
Что не в боях его седеет волос.
Спросил: что видел? где повоевал?
А сам в ладонях колос растирал...
Сидели, говорили вполуголос:

О минах, об «эрэсах», их огне,
О танковых боях и переходах,
О напряженье трудовом в стране
(«Район стал хлеба поставлять вдвойне!»)
О многотерпеливости народа.

Как будто люди близкие давно
Припоминали что-то дорогое,
Что знать другим нельзя иль не дано,
И словно сговор был:
Они — одно,
Все остальное, кроме них,—
Другое.

— Так, говоришь, на месте Фомина? —
Козлов ответил:
— Говорю по чести,
Для должности такой и создана,
До старых лет ей быть на этом месте.

Но Михалев не согласился с ним:
— Мы об Алене думаем иначе,
И, если ей условья создадим,
С любою может справиться задачей.

Слыхал, что делает!
Еще война,
Едва войти в Германию успели,
А уж взялась,
Уже корпит она
Над пятилетним планом для артели.

Козлов о том не слышал, но сейчас
Секретарю не захотел признаться...

А у того вдруг начали смеяться,
Растягиваться лучики у глаз.
— Ну, говори, что для конца припас?
Наверно, в город хочешь перебраться?

И уж улыбка по всему лицу,
Как будто зайчик солнечный, играла.
Тогда-то и представилось бойцу,
Что здесь он — как бы в штабе генерала.

Тут не простой район — укрепрайон,
Вокруг пехота, а не населенье,
Что, в лазарете подлечившись, он
Пришел сюда за новым назначеньем.

И он ответил:
— Жить хочу в селенье! —
Так в свой хотел когда-то батальон.

— Что ж, правильно!
А раз пришел в райком,
Должно, договоримся хоть отчасти:
В бою, в колхозе, в городе ль каком
Ты, с орденом,— актив советской власти.

34

Козлова встретил дед в архалуке:
— Скажи, ведь люди набрехали деду,
Что подыскал ты службу в городке,
Что позабыл о женке, о сынке,
Пошел за дочкой за моей по следу?

Что — если все поедут в города,
Все молодые,—
Что с деревней будет?..
Мы перемрем — и вот она, беда:
Задавит нашу землю лебеда...
Признайся, деду набрехали люди?!.

Козлов ему ответил на ходу:
— Я никуда отсюда не уйду.

И о Никите рассказал старик:
— Погиб Никита,
А за что — не знаю.
Я так смекаю: от земли отвык,
Лишился корня своего мужик,
А без земли и травы засыхают.

35

Возвращались с фронта люди,
Одевались в пиджаки,
Поглядишь: тыловики.
И на них Никита — грудью:
— Я солдат!
Вы кто таки?..

Я весь свет прошел с оружьем,
Не склоняя головы,
Мой пиджак не разутюжен,
Но защитник я!
А — вы?..

Не в бою, не знаменито,
А в селе, родном краю
Под машиною Никита
Сложил голову свою.

Разгулялся на угоре
Темной ноченькой мужик
И, водителю на горе,
Залетел под грузовик.

Тяжело Козлову было,
Над могилой грудь сдавило:
Без нужды погиб солдат.
«Эх, брат, слушай, брат!
Рано голову сложил,
Мало пожил, послужил...

Не на смерть тебе награда,
А на жизнь дана была.
Жил солдат не так, как надо...» —
И такая боль-досада
Николая вдруг взяла.

«От клинка, от огнемета
Не ломалась наша стать.
Но и так пора сказать:
Если нынче не работать,
Стоило ли воевать.

Чем тебя помянут в жизни?
Рано силы растерял.
Все ли ты, что мог, Отчизне,
Правде нашей отдавал?..»

И такая вдруг тревога
Сердце стиснула бойцу.
«Бестолковая дорога
Привела тебя к концу.

Эх, брат, слушай, брат!
Я не меньше виноват.

Для хорошего солдата
Что винтовка, что топор,
Что лопата, что граната—
Все единый разговор.

А мы брали города,
А мы парни хоть куда.
Неужели ж наши руки
Опустились навсегда?

Ты солдат, и я солдат.
Слушай, брат!
Эх, брат!..»

36

Ударил дождь надсадный, словно зуд,
День-два— и езди по деревне в лодке,
Сейчас в окопах — отстают подметки.
Зато к тебе под пулями ползут,
А не оставят воина без водки...

В ненастье злей становится война...
И на селе не замерла работа:
Народ пошел на теребленье льна,
Под крышею артельного гумна
Усилилась горячка обмолота.

Постель постыла, опротивел стол...
Козлов искал занятия любого.
Когда он на дом к Фоминой пришел
Вода с него лилась, как с водяного.

В избе на стенке желтый телефон —
Точь-в-точь скворешник, если снимешь трубку.
На председательше заметил он
Не сарафан, а городскую юбку.

— Колхоз-то наш,— сказал он,— на виду!
Весь город знает...
Объяви, Алена,
Что я чиню любую меледу:
Несли б замки, кастрюли, патефоны...
А то — решай:
Хоть в сторожа пойду.

Высокая и крепкая, она
Сняла косынку, и коса слетела,
Рассыпалась пред ним — расплетена.
— У нас порода, Коленька, одна,
Я знала: сам не сможешь жить без дела.

Да и нельзя,— ты нынче на виду,
Зазря у нас не выдают награды.
Теперь тебя узнали в городу.
С народом, Коля, надо жить в ладу,
Не так наградой величаться надо.

И в душу хлынули хмельной волной
Покой и тишина.
А над деревней
Дождь бушевал надсадный, проливной.
Козлов, окно загородив спиной,
Сидел и слушал:
Голос Фоминой
Звучал все горячей, все задушевней.

— Зазря и нас не стоит поносить,
Деревня за войну не поглупела,
Я, к слову, с год на курсах отсидела...
— Недаром юбки начала носить,
— Не в юбках дело, как не в ниве дело.

Ты в партию вступил на фронте?
— Нет.
— А я уж год, как стала коммунисткой.
Козлов от удивленья даже свистнул:
— Я пред тобой, выходит, малолет...—
И разговор пошел о самом близком,

О близких, о знакомых на войне —
Кто на побывку выезжал, кто не был,
Кто жив, кто нет,—
И, как о старине,
О самом светлом предвоенном дне,
И, наконец, о молотьбе, о хлебе...

37

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В витринах все как было.
Но вдоль одной стены
Алена разместила
Рядком *героев тыла*
С героями войны.

Под снимками записки,
Кому за что почет.
Тут конюх, трактористки,
Доярки, счетовод.

Под снимком Евдокии
Газетная статья.
В овалах — звеньевые,
Васютка и другие:
Все люди не чужие —
Своя семья.

Один вопрос в повестке,
Зато какой вопрос!
И не хватало места —
Сходился весь колхоз.

Дымились папироски,
Шипели самокрутки.
Торжественно подростки
Толпились вкруг Васютки,

А он, пригнувшись ниже,
Тихонько лез в дыму
Насколько можно ближе
К портрету своему.

Пока не начат сход,
Откинув в угол счеты,
С Козловым счетовод
Свести пытался счеты.

— Вы обошли Германию,
И мы не подвели:
Трудом, соревнованием,
Сноровкой да старанием
Все страны обошли.

За труд крестьянский Родина
Сторицею воздаст.
Пусть кое-кто без ордена —
Так не дошел Указ.

А страхи там... пожарища...—
Бывало все и тут...

— Потише вы, товарищи,
Сейчас начнут.

*

Все селенье было в сборе.
Секретарь райкома сам
Обещал подъехать вскоре,—
Ожидали по часам.

Место каждому по чину
За столом отведено.
Михалеву в середину
Было сесть предложено.

Он, раскланявшись со всеми,
Сел в сторонке, не за стол.
— Начинать давайте, время!—
Сразу шум в рядах прошел.

У Алены все готово:
Избу взглядом обвела,
Просмотрела папки снова,
Все таблицы и «дела».

— Председатель, ваше слово!—
И Алена начала:

— Мы составили правленьем
План на пять годов вперед,
На твое теперь, народ,
Предлагаем усмотренье.

Первый пункт ее доклада —
Хлеб.
— «...Поля теснит тайга.
Посевную площадь надо
Увеличить на сто га.

Победителям без хлеба
Не к лицу,
И мы должны
Не срамить своей страны.
Манны ждать не будем с неба,
Раскорчуем новины.

Раскорчуем, унавозим...»
Пункт второй — рабочий скот.
«...Ныне лошади в колхозе,
Прямо скажем, страх берет...»

Молоко и масло — третий.
«...То о нас шумит молва:
Лучше нет на целом свете
Масла вологодского.

Мы не делаем погоду.
Но и мы за пять годов
Раздоим своих коров;
Холмогорскую породу
Доведем до ста голов».

Пункт четвертый — парк машинный.—
И пошла, пошла, пошла...—
Деготь — промысел старинный,
Кружева, горшки, корзины —
Что за дом без ремесла!..
Нынче есть гидротурбины
Специально для села.

Победителям без света,
Прямо скажем, ходу нет.
Поднажмем, так за два лета
Ток дадим — и будет свет!

Пункт еще немаловажный —
О культуре.
Прямо стыд:
Все еще в избе не каждой
Репродуктор говорит.

Узел есть, а нету точек,
Виновата молодежь.
Передачи дни и ночи
Из Москвы,
И, между прочим,
Пропадают ни за грош...

Николай сидел в углу
За холодною печуркой,
Жег махорку
И окурки
Клал к порогу под метлу.

Вряд ли он когда хоть раз
Так еще доклады слушал:
Цифры радовали душу,
Принимались, как приказ.

И усталости не стало.
Все понятно — что к чему.

В сердце словно рассветало...
Вот чего недоставало
В эти месяцы ему.

Вот за что велась война,
Вот чего желают люди!
В плане все дано сполна,
Все, к чему рвалась страна,
А записано, так будет.

В плане были тридцать лет
Нашей славы и работы,
До Берлина путь побед,
Марши танков и пехоты...

До чего же прав ты, дед:
Покидать деревню нет
Никакой охоты!

Сев, уборка,
Снова сев...
Нет, ты людям ставь задачи,
Чтобы больше, больше значил
Каждый будний день для всех.

Тут Козлов сказал Алене:
— Надо так вести дела,
Чтобы не было в районе
Лучше нашего села.

Михалев ему заметил:
— Так должно вести дела,
Чтобы вашего села
Лучше не было на свете,

Чтоб счастливей и красивей
Было с каждым днем оно,
Всё для этого дано:
Что другим народам в диво.
То у нас заведено.

Говорили кто о чем,
У кого что наболело
И клялись большое дело
Поднимать одним плечом.

Звеньевые за звено
Воевали — нет спасенья:
— Если план разбить по звеньям,
Будет больше вспахано.

Все охаивали в голос
Свой участок семенной:
— Надо сделать, чтобы колос
Брал длиной и толщиной.

А кузнец, старик лохматый,
Об одном басил везде:
— До каких же пор, ребята,
Пробиваться без гвоздей?

О культуре пару слов
Взялся молвить сын— Козлов:
— Про подростков книг нехватка.
Показать бы нас должны!
Не пора ль призвать к порядку
Всех писателей страны?

До полночи кто о чем
Говорили горячо.

И в конце, перед дорогой,
Секретарь райкома встал,
Он хотел сказать немного,
Он удачи пожелал.

— Мы Отчизну отстояли,
Вижу, мы сильнее стали.
Так держитесь — стар и мал,—
Новым битвам срок настал.

1944—1947

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АП — газета «Алтайская правда».
Б — А. Яшин. Бессонница. М., «Советская Россия», 1968.
БЗ — А. Яшин. Босиком по земле. М., «Советский писатель», 1965.
ВК — газета «Вологодский комсомолец».
ГД — А. Яшин. Границы души. М., «Современник», 1982.
ГЖ — А. Яшин. Годы жизни. М., Гослитиздат, 1961.
ДН — журнал «Дружба народов».
ДП — альманах «День поэзии». М.
ДТ — А. Яшин. День творения. М., 1968.
З — А. Яшин. Земляки. М., «Советский писатель», 1946.
ЗБ — А. Яшин. Земля богатырей. М., «Молодая гвардия», 1945.
ЗВ — газета «Заря Востока» (Тбилиси).
И — газета «Известия».
Избр., 1954 — А. Яшин. Избранное. М., Гослитиздат, 1954.
Избр., 1957 — А. Яшин. Избранные стихотворения. М., «Советский писатель», 1957.
Избр., 1972 — А. Яшин. Избранные произведения в 2-х тт. М., «Художественная литература», 1972.
КБФ — газета «Красный Балтийский флот».
КП — газета «Комсомольская правда».
КС — газета «Красный Север» (Вологда).
КЧ — газета «Красный Черноморец» (Сочи).
Л — А. Яшин. Лирика. М., «Советская Россия», 1979.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛЖ — газета «Литература и жизнь».
ЛР — газета «Литературная Россия».
М — журнал «Москва».
МГ — журнал «Молодая гвардия».
НМ — журнал «Новый мир».
НС — журнал «Наш современник».
О — журнал «Огонек».
Ок. — журнал «Октябрь».
ООХ — журнал «Охота и охотничье хозяйство».
П — газета «Правда».
ПП — газета «Пролетарский путь» (Ульяновск).
ПС — газета «Правда Севера» (Архангельск).
С — А. Яшин. Совесть. М., «Советский писатель», 1961.
Сев. — журнал «Север».
СК — газета «Северный комсомолец» (Архангельск).
С-ка — А. Яшин. Северянка. М., Гослитиздат, 1938.
См. — журнал «Смена».
С-р — альманах «Север» (Архангельск), 1936.
СП — А. Яшин. Стихи и поэмы. Архангельск, ОГИЗ, 1948.
Ст. П — газета «Сталинградская правда».
СХ — А. Яшин. «Свежий хлеб». М., «Советский писатель», 1957.
ТР — А. Яшин. Твоя Родина. М., «Московский рабочий», 1959.
Ю — журнал «Юность».

КОММЕНТАРИИ

Настоящее Собрание сочинений включает наиболее значительные поэтические и прозаические произведения Александра Яковлевича Яшина (1913—1968), созданные им на протяжении четырех десятилетий работы в литературе: т. 1. Стихотворения и поэмы; т. 2. Рассказы и повести; т. 3. Статьи, очерки, дневники.

Стихотворения и поэмы размещены в первом томе по времени написания, а также с учетом состава лирических книг, определенного автором при жизни. Том состоит из девяти разделов, названных по прижизненным изданиям книг или разделов в сборниках. Названия разделов характеризуют этапы биографии поэта, тесно связанной с жизнью страны, а также несут в себе как бы краткое содержание тем определенного творческого периода. Книги, которые входят в эти разделы, являются итогом каждого такого периода. «Нечего бояться писать циклами, книгами — это профессиональная работа и добрая старая традиция»,— записывает Яшин в дневнике.

ПРИСКАЗКИ (*1931—1940*) — название одного из разделов книги «Годы жизни» (М., 1961). В этот раздел вошли стихотворения из первых книг: «Северянка» (М., 1938) и «Стихи» (Архангельск, 1941), а также несколько стихотворений, написанных до войны, но впервые вошедших в сборники военной и послевоенной поры.

ЗАЩИТНИКИ (*1941—1944*) — название одного из разделов кн. «Избранные стихотворения» (М., 1957). В раздел включены стихотворения из книг: «На Балтике было» (М., 1942), «Красная Горка» (М., 1942), «Город гнева» (М., 1943), «Клятва» (Челябинск, 1945), «Земля богатырей» (М., 1945). Раздел «Защитники» имеет подзаголовки: «Балтика», «Волга», «Черное море» — три фронта, на которых находился Яшин во время войны.

ЗЕМЛЯКИ (*1944—1948*) — книга под таким названием вышла в Москве в 1946 г. В раздел включены стихотворения, написанные А. Яшиным в родной деревне после демобилизации и на Алтае.

РОМАНТИКИ (*1951—1955*) — название одного из разделов книги «Избранные стихотворения» (М., 1957). В него вошли стихотворения из книг: «Советский человек» (М., 1952), «Свежий хлеб» (М., 1957). В раздел входят стихотворения, написанные после поездок на стройки коммунизма и на целину.

Три последующих раздела СОВЕСТЬ (*1956—1960*), БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ (*1961—1965*), ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ (*1965—1968*) составлены по прижизненным изданиям книг: «Совесть» (М., 1961), «Босиком по земле» (М., 1965) и «День творенья» (М., 1968). В архиве Яшина сохранились две рукописные книги («Босиком по земле» и «День творенья»), куда включены стихотворения, газетные и журнальные вырезки, записи о первых публикациях, о выходе книг, о рецензиях. Состав рукописных книг в основном соответствует составу изданных книг того же названия. В настоящем издании в соответствии с хронологическим принципом несколько стихотворений книги «Босиком по земле» возвращены в раздел «Совесть», несколько перенесено из книги «День творенья» в раздел «Босиком по земле». Стихотворение «Железные балки», напечатанное в кн. «День творенья», перенесено в раздел «Присказки» (написано в 1939 г.).

ГРАНИЦЫ ДУШИ (*1937—1968*) — так названа посмертная книга, выпущенная в Москве в 1982 г. В раздел вошли стихотворения из поэтических тетрадей, дневников, которые Яшин вел на протяжении всей жизни. В них не однажды встречается такая запись: «Надо вести «стихотворный дневник» — это и будет книга стихов...» Завершается раздел строфами. Такими строфами заполнены все рабочие тетради поэта. Они могут быть рассмотрены как самостоятельный поэтический жанр творчества. Часто строфы похожи на северную частушку, которая в сжатой форме четверостишия выражает настроение, мысль. Иногда эти несколько строчек несут в себе зерно большого стихотворения, иногда — это просто набросок, пейзажная зарисовка.

Завершается том тремя поэмами: МАТЬ И СЫН (*1937—1938*), ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА (*1942*), АЛЕНА ФОМИНА («ВОЗВРАЩЕНИЕ») (*1944—1947*). Эпическое начало всегда было присуще творчеству Яшина. Он почти одновременно начал писать и стихотворения, и поэмы. Первая юношеская поэма, о которой он вспоминает в автобиографии, — «Про Арсеню-батрака». Сохранилось несколько поэм довоенного периода: «Партизаны» (1931—1932), «У самого Белого моря» (1935—1937), «Клад» (1937—1939), «Отец» (1939). В 1942 г. Яшин пишет поэмы «Военный человек» и «Город гнева», в 1948-м — «Сон Макара». Задумана и начата поэма-сказка «Земля богатырей». В дальнейшем творчестве Яшина работа над эпическим жанром поэмы сменилась работой над прозой, в которой отражен тот же круг тем, что и в поэзии. Но мысль о создании новой поэмы — разных поэм — он никогда не оставлял, все время собирая материал для этой работы, накапливая силы. Одна из записей в дневнике 1965 г. такая: «Главная тема поэмы, всей жизни: ложь во спасение — смерть для души...»

Ранние и поздние произведения Яшина, его поэзия и про-

за — это одна «книга жизни». Цельность личности писателя способствовала развитию в его творчестве тем, намеченных еще в юности. Лиричность, гражданственность — все было заложено в начале пути. В разные годы все темы звучат по-своему, приобретая ту или иную окраску определенного жизненного периода. От жанровых повествовательных стихотворений, дающих образ, характер человека, поэт переходит к стихам философского звучания, к страстной исповедальности, о чем он сам пишет уже в 1959 г.: «С возрастом к нам приходит потребность в большей душевной сосредоточенности, в размышлениях и обобщениях, когда для каждого нового стихотворения бывает необходим материал уже многих лет жизни, а не одного-двух дней. Для поэта наступает как бы заново своеобразный переходный возраст со всеми его так называемыми проклятыми вопросами. Писать в это время труднее, но и радостнее». Любовь к Родине, крестьянский труд, хлеб, защита отечества, природа, любовь, творчество, сочувствие к людям, их судьбе, размышления о великодушии и жестокосердии — все эти темы, по-разному преломляясь, образуют особый художественный мир Яшина. В поэте всегда жили крестьянин, воин, художник — все это перекрещивалось, совмещаясь в творчестве: «На поле боя моряки трудились, как на обмолоте», «Как заброшенная пахота — мой рабочий стол».

При жизни А. Яшин не подготовил ни одного собрания сочинений и даже двухтомник избранных призведений (М., 1972), над которым автор начал работать еще при жизни, в основном был подготовлен к печати после его смерти. Тексты в настоящем собрании печатаются по последним прижизненным изданиям с учетом авторской правки, а также по рукописям. Иногда последняя правка встречается в более ранних изданиях. Литературный архив Яшина хранится в семье поэта, в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

Сохранилось множество дневников, записных книжек, рабочих тетрадей и карточек. Замыслы многих стихотворений сначала попадали в записные книжки, в дневники, затем переносились в рабочие тетради размером с машинописный лист. В этих тетрадях в основном и происходило рождение стихов. Мелким четким почерком написаны столбцы, строфы, колонки рифм, которые поэт «проигрывал» как гаммы, выбирая нужные ноты, ища тональность. Встречаются прозаические записи, пометки о переносе на карточку. Все время существовал задел для работы. Яшин часто возвращался к уже законченным стихотворениям. Иногда между первоначальным наброском и работой над окончательным вариантом проходили годы. Постепенно из перечеркнутых, восстановлен-

ных черновиков, заново переписанных десятков вариантов рождается чистовик. В последних рукописных сборниках чистовики часто становятся черновиками, и здесь поэт правит, так же как и в изданных сборниках.

В примечаниях указан источник первой публикации стихотворения, а также в наиболее интересных случаях приведены варианты и дан историко-литературный и биографический комментарий, даны выдержки из дневников и записных книжек Яшина. Многие стихотворения после первой публикации в областных, районных или фронтовых газетах печатались в центральной периодике. Стихотворным текстам предпослана краткая автобиография поэта, написанная для книги: А. Яшин. Стихотворения. М., 1958.

ПРИСКАЗКИ (1931–1940)

Вологда (стр. 25).— *С-р*, 1936, № 1. В первых сборниках была авторская сноска: «При чтении акцентируется *о*», т. к. многие слова писались не по правилам орфографии, а с учетом особенностей вологодского говора: «ещо, пшоница, ёловому, Олёксеёвна» и т. д. При переработке стих. частично произошла потеря колорита народной речи. Сняты строчки:

Опроси прохожих,— город не Росея ведь,—
Скажут, где живёт Овдотья Олёксеёвна.
Скажут: «Около осьми колоколов,
Огороженных оградой обочь — около».
У омётов у соломенных, у омутов
У болотных вознеслись ее хоромы-то.

Н. Асеев писал в *Ок.* (1937, № 3): «Чувство языка, чувство речи — силы ее звучания — выделяет Яшина из множества пишущих стихи. Знание родной речи, ее особенностей, ее характерности — в пренебрежении у большинства наших молодых поэтов. Яшин дает им наглядный урок, что можно сделать, имея чуткое ухо, слыша окружающий говор, понимая звук, связь, образ речи... что значит великая русская речь, великий народный говор, без связи с которым нет и не будет поэзии».

Лепок (стр. 27).— Яшин А. Песни Северу. Архангельск, 1934, под загл. «Льнозавод». Стих. значительно переработано.

Вологодское новогоднее (стр. 28).—*С-р*, 1936, № 1, под загл. «На Новый год».

Олена (стр. 29). — *Ок.*, 1937, № 6. О ранних стих. Яшина К. Симонов писал в предисловии к книге *Избр.*, 1972: «Стихи были уже тогда — мастерские, с инструментовкой на «о», с озорным и метким использованием окающего вологодского говора. Не просто в чтении, а в самом тексте стихов. Помню, что тогда по

первому впечатлению это казалось нам, ровесникам Яшина, чуть ли не самым примечательным в его стихах и лишь потом стало понятно, что инструментовка стихов лишь самое первое, самое очевидное, бросающееся в глаза выражение привязанности к родным местам, душевной неотделимости от них.

Но чем дальше, тем все ясней становилось, что эта неотделимость имеет куда более глубокий, коренной характер, что эта неотделимость составляет содержание стихов, что это не их внешность, а сама их строчечная суть».

«Сло́ва-то красивого...» (стр. 31).— *Сев.*, 1937, № 3.

«Шла я нынче за́имкой...» (стр. 32), «У ворот в цветах и лентах лошадь...» (стр. 33).— *Ок.*, 1937, № 6.

Туча (стр. 33).— *С-ка.*

Вдова (стр. 34).— *С-ка.* Стих. автобиографично: мать поэта Евдокия Григорьевна (1894—1980) дважды оставалась вдовой с маленькими детьми: в 1915 г., когда был убит на первой мировой войне отец поэта Яков Михайлович Попов (1885—1915), и в 1935 г., когда умер его отчим. Стих. навеяно причитаниями, плачами — устной народной поэзией Вологодской обл., которая дала основу самобытному творчеству Яшина.

Художник (стр. 37).— *Ок.*, 1938, № 8. Одно из первых стих., в которых отражена тема творчества, жизненного призвания, отношения к служению искусству как к подвигу, к писательскому труду как к гражданскому долгу.

Мета (стр. 38).— *Ок.*, 1937, № 7.

Девушка затосковала (стр. 39).—*З.*

«Лишь вековые...» (стр. 39). — *С-ка.*

Ожидание (стр. 40).— *Ок.*, 1940, № 11.

Поздней осенью (стр. 41).—*Ок.*, 1940, № 8, под загл. «Осенью». Стих. написано в 1938 г. в Переделкине, где поэт в те годы жил сначала в общежитии Лит. ин-та им. Горького, а затем в однокомнатной квартире, переделанной Литфондом из старой бани.

В минуту гнева (стр. 41).— *СП.*

«Никогда так низко не свисали...» (стр. 42).—*Ок.*, 1940, № 3.

Невеста (стр. 43).— *Ок.*, 1940, № 11.

Сватовство (стр. 44).—Журн. «Красная новь», 1940, № 3. В один из вариантов поэмы «Алена Фомина» включены последние строфы данного стих. Слава Владимировна *Щирина* (1902—1968) — литератор, друг Яшина, в то время зам. директора и парторг Лит. ин-та. В войну вела переписку со всеми студентами, ушедшими на фронт. Друзья называли ее «душой Литературного института». В 1943 г. С. В. Щирина познакомила Яшина с его будущей женой Златой Константиновной.

Сосна (стр. 47).— *Ст. П*, 1941, 18 мая.

Весеннее (стр. 48).— *ЛГ*, 1940, 20 окт. Написано после поездки вместе с Гали Громыко в 1939 г. на родину поэта.

Песочные часы (стр. 49).—*Ок.*, 1940, № 8.

Железные балки (стр. 50).— *ДТ*.

Илье Сельвинскому (стр. 51).— Яшин и И. Л. Сельвинский (1899—1968) познакомились на литературных курсах в Малеевке, в 1935 г. С этого времени началась их дружба, продолжавшаяся до конца дней. Сохранились письма поэтов друг к другу. 1. «Мороз расписал оконные стекла...»— *Ок.*, 1940, № 2, под загл. «Посвящение» (лирические стихи другу). Запись в дневнике 31 авг. 1939 г.: «В узорах на окне каждый видит то, что видеть хочет — море, лес, новостройку, лицо любимой... А ветер за окном подскажет ее голос». 2. «Нам бы жить с тобой до седин...» — *СП*.

Пуговка (стр. 53).— Газ. «На страже», 1940, 22 апр. В кн.: А. Яшин. Стихи. Архангельск, 1941, с подзаголовком: «По рассказу архангельской домохозяйки Наторовой». Этот рассказ, видимо, бытовал в то время в Архангельске как устное народное творчество. У В. Шергина есть рассказ «Пуговка» с тем же подзаголовком (Шергин Б. Океан — море русское. М., 1959). В книге *Избр.*, 1972, дан другой вариант концовки стих.

Авдотьюшка (стр. 55).— *Ок.*, 1940, № 11.

Заречная красавица (стр. 56).— Журн. «Красная новь», 1940, № 7-8, без загл.

Сказочница (стр. 57).— Яшин А. Стихи. Архангельск, 1941, без загл. Стих. связано с памятью бабушки (см. с. 602).

Первые письма (стр. 59).— Впервые цикл из 4-х стих. напечатан в книге *С-ка*, под загл. «Письма к Елене». Книга *С-ка* посвящена Елене Христофоровне Первенцевой (1915—1934 (?)), с которой поэт познакомился в 1932 г. на курсах по подготовке литераторов для школы колхозной молодежи при Вологодском пединституте. Первенцева помогала Яшину подготовить первую книгу стих. Они расстались 17 дек. 1934 г. Запись в дневнике Яшина: «Вечером отправил ее с Казанского вокзала. Долго плакали...» Больше Яшин ее не видел, хотя и искал всю жизнь. Первенцевой посвящен ряд стих., поэма «Мать», ее именем поэт подписал ряд заметок во фронтовых газетах.

«Как целина в цветах весны...», «Ни покоя тебе, ни просто...» — *С-ка*. «Ласточка, от ястреба спасаясь...» — *ЗБ*. «День ли, ночь ли — света нет без милой...»— *С-ка*. Вариант начала стих.:

Сесть за стол
Да развести чернила
И писать, как слезы лить...

«Пусть не пишешь, запираешь двери...»— *С-ка*, под загл. «Размолвка». «Шумит, деревья гнет гроза...», «Никогда не поздно встретиться...» — *Ок.*, 1939, № 3. «Тяжело остаться одному...»—*СП*.

Лисица (стр. 64), Зверолов (стр. 64).— Яшин А. Стихи. Архангельск, 1941.

Присказки (стр. 66).— *МГ*, 1940, № 12. В 1943—1944 гг., находясь на Черноморском флоте, поэт начал писать поэму «Земля богатырей». Написано около 500 строк. Запись в дневнике: «20/X 47 г. Сажусь за поэму-сказку. Сейчас важно четко определить ее сюжет. «Присказки» (метель вертела землю) — вступление к этой сказке-поэме... Это поэма для детской книги». В книге *ЗБ* стих. посвящено бабушке поэта по отцу, Авдотье Павловне Поповой. Это была высокая, статная красавица, известная на всю округу сказительница. Все ее дети учились в школе, которую основал дед Яшина — М. М. Попов, и в которой до сих пор учатся маленькие односельчане поэта. Живя с отчимом, мальчик часто гостил у бабушки. Ее сказки, ее образ повлияли на будущего поэта, помогли созданию сказочно-народных стих. В автобиографии 1954 г. Яшин пишет: «В нашей деревне было много сказочников и песельников. В поле, на новине, на сенокосе — нигде отдых не проходил без сказок. Сказки рассказывались в овинах, в смолокурнях, на посиделках. Брали сказочников и на сплав леса, и на охоту, и на терпентиновые промыслы. А на дальние сенокосы, куда крестьяне уезжали целыми семьями на полмесяца и больше, часто забирали с собой стариков, чтобы они перед сном рассказывали уставшим людям сказки. Невыносимо тяжелый для подростков труд скрашивался, бывало, ожиданием, что в конце дня мы соберемся у костра в охотничьей избушке, ляжем на свежее пахучее сено и дед начнет свою очередную бывальщину. Жарко горят березовые кряжи, шумит вокруг дремучий лес, а дед все говорит, иногда перебивая повествование стихами и протяжной былинной песней... Любовь к сказкам, былинам и песням в наших местах живет и поныне. В колхозах при выездах на дальние лесные сенокосы престарелые сказочники определяются на должность кашеваров, им начисляются трудодни».

ЗАЩИТНИКИ (1941—1945)

Балтика

«Не позабыть мне первых схваток...» (стр. 70.).— *ПП*, 1942, 30 июня. Написано 27 ноябр. 1941 г., когда Яшин был фронтовым редактором газ. «Залп балтийцев» Запольского укрепрайона и участвовал в боях.

Поле (стр. 71).— *ПП*, 1942, 18 июля. Написано в Ижорском

укрепрайоне на фортах под Ораниенбаумом, которые были в то время отрезаны и от Ленинграда, и от Большой земли.

Товарищу по окопу (стр. 72).— Газ. «Боевой залп», 1941, 5 окт. В журн. «Красная новь» (1942, № 5-6) напечатано с посвящением: «Комиссару Андрею Андреевичу Лебедеву».

Русские мы (стр. 72).— *КБФ*, 1941, 5 окт.

Тетерева (стр. 74).— Газ. «Боевой залп», 1941, 14 окт.

Баллада о танке (стр. 75).— *КБФ*, 1942, 25 апр. Стих. написано 27 июня 1941 г. в Москве по рассказу разведчика-десантника Александра Льговского, друга Яшина по г. Никольску.

Лыжи (стр. 76).— *КП*, 1941, 8 янв.

Шинель (стр. 77).— Газ. «Боевой залп», 1941, 29 нояб.

Землянка (стр. 79).— *Ок.*, 1942, № 5-6. Поэт В. Азаров в «Письмах с Балтики» («Звезда», 1943, № 1) вспоминает: «Когда Яшин ночью под огнем переползал из землянки в землянку, собирая материал для газеты, бойцы часто просили его почитать стихи. Он читал только что написанные свои боевые строки, читал наизусть Пушкина, Лермонтова, Маяковского. В эти часы он понял, может быть, в первый раз по-настоящему, как нужна поэзия, какое это разящее оружие».

Наши нелады (стр. 81).— *См.*, 1945, № 2. Написано 16 авг. 1945 г. по пути из Ульяновска в Сталинград. В книге *ЗБ* под загл. «Вспоминаю о тебе», с подзаголовком «Письмо в Карагалы». *Карагалы* — село в Казахстане, где находилась в эвакуации первая жена писателя Е. С. Смирницкая (1909—1984).

«Опять о далекой милой...» (стр. 81).— *Избр.*, 1957.

«Как мало мы дорожили счастьем...» (стр. 82).— *КП*, 1944, 16 июня, под загл. «Из письма».

Волга

Высота (стр. 83).— *КП*, 1943, 19 марта. В *Избр.*, *1954*, Яшин изменил строку «Лучшего друга немцы убили...» на «Брата родного немцы убили...». 3 апр. 1943 г., после разгрома немцев под Сталинградом, Яшин записал в дневнике: «В груде писем нашел сообщение о том, что брат Михаил героически погиб». Оказалось, что Михаил Горчаков (р. 1922 г.), сводный брат поэта, воевал под Сталинградом, как и Александр Яшин.

Это было на Волге (стр. 84).— *ПП*, 1942, 17 дек. Стих. автобиографично: Яшин сам участвовал в боях на бронекатерах.

Флаг (стр. 85).— *ПП*, 1942, 23 дек.

Контр-адмирал (стр. 85).— *См.*, 1943, № 7-8. Стих. было посвящено контр-адмиралу Б. В. Хорошихину, командовавшему отдельной бригадой траления ВВФ (погиб 1 авг. 1942 г.).

Телеграмма (стр. 87).— *ПП*, 1942, 6 дек. Стих. имело большой успех на выступлениях Яшина, к которым он, как и многие

фронтовые поэты, относился как к важному и серьезному делу. Перед чтением этого стих. Яшин пояснял: «Во время войны телеграммы стали приходить во все уголки Родины, туда, где их раньше и в глаза не видели,— не было заведено это и у нас в Блуднове...»

На станции (стр. 88).— Журн. «Красноармеец», 1943, № 16.

Поле боя (стр. 89).— «На страже» (краснофлотская газ.), 1943, 18 нояб.

Атака (стр. 90).— *КЧ,* 1944, 7 янв.

Богатырь (стр. 91).— *КП*, 1943, 23 июля.

Наблюдательный пост (стр. 92).— Яшин А. Клятва. Челябинск, 1945.

Хищники (стр. 93).— *ЗБ.*

Пленные в Сталинграде (стр. 94).— Сб. «Стихи о Сталинграде». Сталинград, 1944, под загл. «Пленные».

Памяти брата (стр. 95).— *О,* 1945, № 20.

Канава (стр. 95). — Яшин А. Клятва. Челябинск, 1945.

Из поэмы «Город гнева» (Сталинградские эпизоды) (стр. 97).— *Ст.П,* 1942, 13—14 окт. В кн.: Яшин А. Город гнева (М., 1943) помещено авторское предисловие: «Эта работа писалась на кораблях Волжской военной флотилии в августе — сентябре 1942 года, в первый период боев за Сталинград... Создание поэмы, достойной грандиозной Сталинградской битвы,— дело времени. Весьма вероятно, что такую поэму напишет человек, не принимавший непосредственного участия в боях за волжскую твердыню, но несомненно, что он в своей работе не сможет обойтись без воспоминаний участников и свидетелей сталинградской эпопеи. Исходя из этого, автор решил сохранить свои эпизоды «Город гнева» как зарисовки, сделанные в ходе великих боев и в какой-то мере отображающие великолепное мужество и стойкость моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта». Поэма «Город гнева» состояла из 10 глав. Впоследствии Яшин сокращал поэму, но после 1943 г. целиком не переиздавал ее. В книге *СП* выделен раздел «Из книги «Город гнева», состоящий из 5 отрывков. Позже поэт включал отрывки из поэмы в свои сборники как отдельные стих.: «Триста моряков», «Батальон», «Листья осенние шелестят...» и др.

Черное море

Не умру (стр. 107).— Газ. «Красный флот», 1943, 13 окт. Написано в Центральном военно-морском госпитале в Москве. Позже были опущены строфы:

О чем подумал я в тот краткий миг,
Когда с душою расставалось тело,
Когда щекой к сырой земле приник,
Когда, казалось, солнце потемнело?

О чем мы все тоскуем, чем живем,
Когда в морские дали уплываем,
Что золотою юностью зовем,
О чем вздыхаем,
Что припоминаем?

Матросский сын (стр. 108).— *КЧ*, 1943, 4 дек., без загл.

После боя (стр. 109).— *КЧ*, 1944, 26 янв., под загл. «Я живой». Написано в сент. 1943 г. в Кисловодске, в Военно-морском санатории, куда Яшин был направлен из госпиталя. На эту же тему в 1956 г. был написан рассказ «После боя».

В Новороссийске (стр. 110).— *ЗБ*, под загл. «Человек пришел», с посвящением: «Новороссийску».

Наша сила (стр. 111).— Газ. «Красный флот», 1943, 28 нояб. Первая часть стих. написана 10 марта 1942 г. как *главка поэмы «Военный* человек». Поэма напеч. в *Ю*, 1976, № 5.

Из лирического дневника

«Назови меня именем светлым...» (стр. 113).— *КП*, 1944, 12 авг. под загл. «Голос любви». «Дым, дым окрест...» (стр. 113).— *ЗБ*. «Жил я в доме у синих скал...» (стр. 114), Ночью в степи (стр. 114).— *СП*. Рассвет (стр. 115).— *ЗБ*. «Очень много солнечного света...» (стр. 115).— Журн. «Краснофлотец», 1944, № 8, под загл. «Солнечный свет». «Ты и Россия для меня одно...» (стр. 116).— *КЧ*, 1944, 26 янв. Вариант первой строки: «Хмелит не бражный полдень, не вино...» Речка и тропка (стр. 117).— *ЗБ*, без загл.

Шторм (стр. 119).— *КЧ*, 1944, 15 февр. По дороге в госпиталь из Новороссийска в Сочи Яшин записал: «11/I 44. На море шторм баллов в 9. Из окна Политуправления виден мол Туапсе (8 км. по прямой). Волны, разбиваясь о мол, поднимают столбы воды. Похоже, как рвутся глубинные бомбы».

В Крыму (стр. 119).— *КЧ*, 1944, 9 февр.

Малая земля (стр.121), Лицо врага (стр. 122).— *ЗБ*.

Клятва (стр. 123).— *ЛГ*, 1945, 31 марта. Стих. дало название книге «Клятва» (Челябинск, 1945).

ЗЕМЛЯКИ (1944—1948)

Не разучился ль ходить за плугом?.. (стр. 128).— *См.*, 1945, № 2. В книге *СП* под загл. «Из записной книжки бойца».

«Здесь орудийные раскаты...» (стр. 128).— *Ок.*, 1946, № 3-4. Яшин демобилизовался весной 1944 г. С 5 авг. по 30 сент. 1944 г. он был на родине. На материале этой поездки была написана книга стих. «Земляки» (М., 1946). Данное стих. — одно из первых, написанных для этой книги.

Раннее утро (стр. 129). — *НМ*, 1945, № 7.

Отпускник (стр. 130).— *Ок.*, 1945, № 5-6.

Деревня Блудново (стр. 132).— Журн. «Звезда», 1945, № 4.

Осень-красавица (стр. 133).— *П*, 1945, 1 окт.

Время любви (стр. 134).— *Ок.*, 1946, № 1-2, под загл. «Прогулки». Вариант начала последней строфы: «Зоя свет Павловна — ясный свет!» *Зоя Павловна* Ермолина (1919—1964) — врач, зав. хирургическим отд. районной больницы г. Никольска. В 1951 г. Ермолина серьезно заболела, и Яшин спас ей жизнь, купив путевку в санаторий на 3 месяца.

«Ночка лунная светла...» (стр. 135).— *Ок.*, 1945, № 5-6.

По рукам пошла красавица (стр. 135).— *Избр., 1957.*

Хмель (стр. 136).— *О*, 1946, № 20. На родине Яшина пиво варят много дней — это своеобразный обряд. Рецепт приготовления пива записан у Яшина в дневнике.

Баллада о рыбаках (стр. 138).— *Ок.*, 1946, № 3-4.

Осина (стр. 139).— *КП*, 1945, 29 апр.

Детство большеглазое (стр. 140).— *Ок.*, 1945, № 5-6.

Хозяева (стр. 141).— Журн. «Звезда», 1945, № 4. Стих. переработано для книги *Избр., 1954.* Из записной книжки 1947 г.: «Надо писать стихи о детях на полях, о подростках. Со стихами о них из «Земляков» можно составить книжку для Детгиза (Подростки, Хозяева, Встреча, На сенокосе, Первый урок, Над синим заливом, Канава и другие). Надо девчонок показать».

Подростки (стр. 143).— *З.*

Настасья (стр. 144).— *Ок.*, 1946, № 1-2.

Сорок первый год (стр. 147), На сенокосе (стр. 148). — *З.*

Байка (стр. 149).—*З.* В 1947 г. композитор М. О. Грачев написал сюиту «В родном колхозе» на стих. Яшина «Зеркальце», «Песня в поле», «Байка», «Хмель» и др.

Письмо на фронт (стр. 150).—*З.*

Зеркальце (стр. 151).— *Ок.*, 1945, № 5-6.

«Весна по всем дорогам...» (стр. 154).— *ЛГ*, 1945, 1 мая.

«Каждый год весна как чудо...» (стр. 154).— *Ст. П*, 1946, 9 мая, под загл. «9 мая 1945 г.». Стих. заканчивало один из вариантов поэмы «Алена Фомина».

Далекие походы (стр. 155).— *ЛГ*, 1945, 1 мая.

О дружбе (стр. 156).— *См.*, 1947, № 4, без загл.

«Да, дни твои не будничны, не серы...» (стр. 156).— *СП.* В книге *СП* лирические стих. разных лет входят в раздел «Живая вода». В 1947 г. Яшин задумал и собрал книгу «Живая вода», которая состояла из пяти глав: «Солнечная сторона», «Первые письма», «Живая вода», «Воспоминания» и «Клятва».

«Что-то есть в тебе очень хорошее...» (стр. 157).— *НМ*, 1947, № 2.

«Если б ты в реку упала...» (стр. 157), «Пожелай — и останусь навеки...» (стр. 158).— *СП*.

«Опять не пришла...» (стр. 159).— *См.*, 1947, № 4, без загл.

«Я тебя не хочу встречать...» (стр. 159), Все расскажи (стр. 159).— *СП*.

«Скрутит тебя любовь...» (стр. 160), «И что из того, что уходят года...» (стр. 161).— *См.*, 1947, № 4.

Михаилу Пришвину (стр. 161).— Яшин познакомился с М. М. Пришвиным (1873—1954) 1 янв. 1947 г. 1. Сосновая грива.— *Ок.*, 1945, № 5-6. 2. Величальная.— Альманах «Алтай», 1947, № 1, под загл. «За праздничным столом». Стих. объединены в цикл в книге *ГЖ*.

Солдатской матери (стр. 162).— *О*, 1946, № 33.

Мать (стр. 163).— *НМ*, 1949, № 11. Написано как самостоятельное стих. Переработанное, печаталось в одном из вариантов поэмы «Алена Фомина». В наст. издании печатается по рукописи.

Сама победа (стр. 164).— *О*, 1946, № 33, под загл. «Праздник».

Конюх (стр. 166).— *О*, 1947, № 11. В октябре 1946 г. Яшин впервые был в Алтайском крае с выездной редакцией «Правды». Стих. «Конюх» и «Свежий хлеб» написаны по впечатлениям этой поездки.

Свежий хлеб (стр. 168).— *О*, 1947, № 11, под загл. «Теплый хлеб».

Дожинки (стр. 169).— *Ок.*, 1948, № 8, как заключительная глава поэмы «Сон Макара». Впервые как самостоятельное стих. в книге *ГЖ*.

Мы — люди мира (стр. 170).— *П*, 1950, 13 июня, под загл. «Наша сила».

РОМАНТИКИ (1951—1955)

Первые стихи (стр. 172).— *ЛГ*, 1951, 10 мая. С 13 по 25 февр. 1951 г. Яшин был в Куйбышеве на строительстве ГЭС. По заданию *ЛГ* он написал стихотворный репортаж о выборах в Верховный Совет (*ЛГ*, 1951, 20 февр.). Стих., созданные в этот период, составили основу книги «Советский человек» (М., 1951).

Совершеннолетие (стр. 173).— *Ст. П*, 1951, 4 нояб. Запись в дневнике (1951 г.): «Могилы солдат с места канала переносят на высокий холм.

Не воскресить уже ребят,
Но все-таки пускай глядят,
Что делаем вокруг,
Что кровь недаром пролилась.

Строители торжественно переносят прах солдат Сталинграда. Биографии солдат. Обращения к матерям. Миша Горчаков» (см. с. 603).

В з р ы в (стр. 174).— Газ. «Волжская коммуна» (Куйбышев), 1951, 27 мая.

У ч е т ч и ц а н а л ь д у (стр. 175).— *ЛГ*, 1951, 10 мая.

Р о м а н т и к (стр. 177).— Журн. «Знамя», 1951, № 7. Дало название разделу в кн. *Избр., 1957.*

В г о с т я х у с ы н а (стр. 178).— *КС*, 1951, 4 нояб. Написано в дер. Дунино, где рядом с дачей М. Пришвина Яшин жил летом 1951 г. Восхищенный стройками коммунизма, Яшин настойчиво приглашал старого писателя в поездку на строительство Сталинградской ГЭС.

В в ы х о д н о й д е н ь (стр. 180).— *ЛГ*, 1951, 10 мая.

П л о т н и к (стр. 181).— *ЛГ*, 1951, 10 мая. Яшин посвятил описанию сосны много стих. Запись в дневнике (1951 г.): «Описать сосну, что из нее можно сделать. Сосна — это мать».

П о л я Б а т р а к о в а (стр. 184).— *ЛГ*, 1951, 10 мая. *Полина Батракова* — реальное лицо, гидролог на Куйбышевской ГЭС.

Ш л ю з о т к р ы т (стр. 186).— *Ст. П*, 1952, 17 мая, под загл. «У входа в канал». В мае 1952 г. Яшин присутствовал при соединении Волги и Дона. На флагманском теплоходе поэт прошел от Москвы до Сталинграда и 27 июня принял участие в официальном открытии канала. Запись в дневнике: «В Сталинграде встречали так, что я плакал от волнения».

С т е п н о е м о р е (стр. 187).— *О*, 1952, 23 июня, под загл. «Карповское водохранилище».

Т е т е р е в (стр. 188).— *ЛГ*, 1953, 19 мая.

Т о л ь к о н а р о д и н е (стр. 189).— *И*, 1953, 27 дек., под загл. «На родине». Поэт мечтал, чтобы его родина стала известной на всю страну. Он отыскивал на никольской земле различные камушки, минералы и показывал их геологам: не обнаружат ли они в них сокровища, которые прославят его край — «только бы привлечь внимание страны к району, вывести его «в люди» (5/XII 49 г.).

Т о в а р и щ а м п о о р у ж и ю (стр. 189).— *ЛГ*, 1954, 25 нояб. Написано 2 янв. 1953 г. в Голицыне. Из рабочей тетради (рядом со стих.): «Что за жизнь, если нет борьбы, страсти, горения... Надо, чтобы воздух был свежий, воздух борьбы, опасности, тревоги... Идешь, едешь ночью по лесу и знаешь, что в любую минуту могут выскочить на дорогу волки — вот жизнь!» В первоначальном варианте есть строфы:

Даже небо и то бездушно,
Воду в речке лучше не пить.
И глядеть и дышать здесь скучно,
И, конечно, нет силы жить,

То ли дело наши просторы,
Наши северные сосняки!..

На взморье (стр. 190).— Журн. «Знамя», 1956, № 8.

В Морском музее (стр. 191).— Журн. «Советский моряк», 1954, № 2, под загл. «Размышление перед картиной».

Спокойнее вдвоем (стр. 192).— *АП*, 1954, 11 июня, под загл. «В гостях у дружка».

«И в лесу не нашел покоя...» (стр. 194).— *ДП*, 1956.

Охотник (стр. 195).— *О*, 1954, № 45.

Перед дорогой (стр. 197).— *О*, 1956, № 7, без загл.

Судьба (стр. 197).— *О*, 1954, № 45. В книге *Избр.*, *1957*, так назван раздел лирических стих. Книга имеет посвящение: «Злате Константиновне все и навсегда». *Злата Константиновна* Яшина — жена поэта.

«Тянет в простор полей...» (стр. 198).— *АП*, 1954, 11 июня, под загл. «Начало».

Первая песня (стр. 199).— Журн. «Молодой колхозник», 1954, 11.

Алтайская весна (стр. 200).— *ЛГ*, 1954, 12 июня. Стих. написано в селе Гилевке Алтайского края, где поэт жил на полевом стане и участвовал во всех полевых работах.

«Снег наконец сошел на нет...» (стр. 201).— *П*, 1954, 1 мая.

Первая борозда (стр. 202).— *О*, 1956, № 7.

Березовые колки (стр. 202).— *АП*, 1954, 11 июня.

В ночную смену (стр. 203).— *АП*, 1954, 29 авг. Запись в дневнике: «25/V 54 г. Гилевка. Доработал стихотворение «В ночную смену», был так доволен, что даже прочитал дедушке и бабушке (у которых жил на квартире Яшин.— *Примеч. сост.*). Дед умиленно сказал: «Хорошо, складно!»

Пшеница (стр. 204).— *АП*, 1954, 13 авг. После посевной и курсов механизации Яшин попал в больницу на долгое время. Вернувшись в Завьялово, он был поражен богатым урожаем.

В Горном Алтае (стр. 205).— *О*, 1954, № 45.

После дождя (стр. 206).— *О*, 1956, № 7. Написано в Голицыне 28 июля 1955 г., куда Яшин доехал из Мичуринца на велосипеде и неожиданно для себя остался там на три дня, чтобы не пропустить рабочее настроение.

Первый эшелон (стр. 207).— *П*, 1955, 6 ноября.

Вагон в степи (стр. 207).— *НМ*, 1956, № 6. Поводом к написанию послужило стих. Евг. Евтушенко «Вагон». Запись в дневнике: «1954, август. «Вагон» — стихотворение Евтушенко решено не верно. Вагон должен жить полной жизнью и на остановке...»

У п р е к (стр. 208).— Журн. «Знамя», 1956, № 8, под загл. «Лектору».

Живая душа (стр. 209).— Журн. «Нева», 1955, № 1.

Сдается комната (стр. 210).— *СХ*.

Извечное (стр. 211).— *НМ*, 1956, № 6.

В день рождения (стр. 212).— Журн. «Знамя», 1956, № 8.

Утром не умирают (стр. 212).— *НМ*, 1956, № 6. Яшин и до войны часто болел, т. к. в юности перенес много лишений. Сильно подорвала его здоровье Ленинградская блокада. Он часто лежал в больницах. Приступы удушья, астмы, которой он страдал, обыкновенно начинались ночью и затихали к утру. Первый вариант начала стих.:

Ночь все темней, все ближе,
Жестче моя кровать,
А потолок все ниже,
Все тяжелей дышать.

СОВЕСТЬ (1956—1960)

Твоя Родина (стр. 214).— *ДН*, 1956, № 11. В рукописи под загл. «О Родине», с пометкой: «Родина — это люди».

О насущном (стр. 215).— *Ю*, 1956, № 12.

Орел (стр. 216).— *ДП*, 1956. Яшин был членом редколлегии первого выпуска альманаха «День поэзии», в котором были напечатаны его стих. «Орел», «И в лесу не нашел покоя...», «Зайчонок», «Опять я целый день негодовал...», «Нищий», «В родном дому», а также статья «Что же такое структурная почва в поэзии?». Стих. «Орел» и «Зайчонок» связаны с поездкой по Горному Алтаю летом 1956 г.

Пробуждение (стр. 216).— *П*, 1956, 8 апр.

На проталинах (стр. 217).— *НМ*, 1958, № 9, без загл.

Зайчонок (стр. 218).— *ДП*, 1956.

Приметы (стр. 219), Елочка (стр. 219), У кабинета Ильича (стр. 221).— *НМ*, 1956, № 6.

Показуха (стр. 222).— *СХ*, под загл. «Прочитали мы рассказ...». В рукописной книге *БЗ* под загл. «Слезы из глаз».

«В несметном нашем богатстве...» (стр. 224).— «Нева», 1959, № 8.

Март (стр. 224).— *ДП*, 1957, без загл.

Москва — Вологда (стр. 225).— *КС*, 1958, 20 окт., под загл. «Вологда». Написано в сент. 1958 г., во время длительной командировки писателя в Вологду и на родину в Никольский район. Стих., созданные в это время, составили книгу «Совесть»,

о которой Яшин писал: «Это плод моего запоздалого «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена».

Бессонница (стр. 226).— «Нева», 1959, № 8. Дало название книге (М., 1968).

«Я давно на родине не был...» (стр. 228).— *НМ*, 1958, № 9.

Земной поклон (стр. 229).— *НС*, 1959, № 1. Стих. дало название разделу в сборнике стихов о Вологде: Яшин А. Тебе, любимая! (Вологда, 1960).

Спешите делать добрые дела (стр. 230).— *НМ*, 1958, № 9, без загл. В. Солоухин написал в предисловии к книге А. Яшина из серии «Библиотечка избранной лирики» (М., 1972): «Знаменитая строка Яшина — «Спешите делать добрые дела!» была не просто стихотворной строкой или призывом, но сутью его отношения к миру».

«Всполошились над лесом вoрóны...» (стр. 231).— *НС*, 1959, № 1.

Все можем (стр. 231).— *НС*, 1959, № 1, без загл.

Гость (стр. 232).— *ВК*, 1958, 20 нояб.

Юг-река (стр. 233).— *НМ*, 1958, № 9, без загл. *Юг* — река на родине Яшина, на ней стоят деревни, г. Никольск, Кич-Городок, а около ее устья — г. Великий Устюг; реки Сухона и Юг, сливаясь, образуют Северную Двину. В 3-х км. от дер. Блудново на берегу Юг-реки, на Бобришном Угоре похоронен поэт. Книга *С* первоначально была названа «Юг-река». Так же назван раздел в книге «Годы жизни» (М., 1961). В 1958 г. Яшин записал: «Юг-река — моя жизнь! Об этом книга».

Мать (стр. 233).— Сб. «День русской поэзии». М., 1958.

«Весна — куда ни кинешь взгляд...» (стр. 234).— *НМ*, 1958, № 9. Написано в Малеевке 26 апр. 1958 г. Перед этим Яшин записал: «Стихотворный дневник. Весна. Вода стоять на месте не любит. Сейчас каждая речушка бурлит, водопадит, пенится — сроку-то всего несколько дней дано. Вертушинка, Вертушинка!»

Родничок (стр. 235).— *НС*, 1959, № 1, без загл. 25 мая 1958 г. был сделан набросок:

«Море видит всякий, слышит каждый,
Видал и я не однажды, шум его слыхал.
А вот ручейка — нужно остановиться, замереть,
чтобы расслышать его песню, его звучание неповторимое, вечное...»

«Тишина над рекою...» (стр. 235), «Все земное могучим...» (стр. 236).— *НС*, 1959, № 1, как одно стих. В 1967 г. было разделено автором на два стих.

«Я встретил женщину...» (стр. 237).— *НМ*, 1958, № 9.

По свежему снегу (стр. 238).— *ЛЖ*, 1959, 13 мая, без загл. В кн. *С* под загл. «Утро в Вологде». В книге *Б* под настоящим загл.

Память (стр. 238).— *ЛГ*, 1959, 26 февр.

«И я обманывал...» (стр. 239).— *НС*, 1959, № 1.

Сны (стр. 240). — «Нева», 1959, № 8.

Чудо-сабля (стр. 241).— *ВК*, 1958, 20 нояб., под загл. «Сыну». В основу стих. положен реальный случай, когда Яшин сломал саблю своего четырехлетнего сына Миши. В стих. эпизод переосмыслен.

«Да, отзывчивая, да, сердечная!..» (стр. 242).— *НМ*, 1958, № 9.

«Все удивительно в тебе опять...» (стр. 243).— *С*.

«Опять я целый день негодовал...» (стр. 243).— *ДП*, 1956.

Пустырь (стр. 244).— *НМ*, 1958, № 9, без загл. В книге *С* под настоящим загл.

Исповедь (стр. 244).— «Нева», 1959, № 8.

Хочу весну! (стр. 245).— *ЛЖ*, 1959, 13 мая, без загл. В книге *С* под настоящим загл.

Переходный возраст (стр. 246).— *ЛГ*, 1959, 29 авг. Тема «переходного возраста» важна для творчества Яшина, ей посвящено ряд стих. в книгах *С, БЗ, ДТ*. Была начата драматическая комедия «Переходный возраст», посвященная проблемам жизни подрастающего поколения, старшеклассников. Главный герой пьесы — отец семейства, «у которого вдруг открылись глаза на все... Детей хочет воспитывать по-другому... Переходный возраст — это о том, как в человеке проснулась совесть. (А проснется ли она?)» (запись 1959 г.).

Торжественное обещание (стр. 247), В чужом краю (стр. 248).— *НС*, 1960, № 6.

«Не верю, что звери не говорят...» (стр. 249).— *МГ*, 1960, № 5, без загл. В книге *С* под настоящим загл. Из дневника А. Яшина: «5/X 59 г. Начал курить и писать. Сегодня стихотворение: «Не верю, что звери и птицы не разговаривают между собой».

Находка (стр. 250).— *ДП*, 1960. Написано в связи с поездкой на Дальний Восток с выездной редакцией *ЛГ* с 25 нояб. по 21 дек. 1959 г. (Владивосток, бухта Находка, Приморье).

Русский язык (стр. 251).— Газ. «Правда Востока», 1960, 29 янв., под загл. «Родной язык». Невошедшая строфа:

Изучайте русский язык!
Он велик, он богат, он певуч...
Это совесть наших отцов,
Это слава русских бойцов...

Заморозок (стр. 251).— *С*.

Люблю все живое (стр. 252).— *ЛГ*, 1959, 29 авг., без загл.

Неулыбчивому человеку (стр. 252).— *С*.

«Промыли в окнах стекла...» (стр. 253).— *НС*, 1960, № 6.

Чудеса (стр. 254).— *ЛГ*, 1959, 26 февр.

Районная красавица (стр. 255).— *ЛГ*, 1959, 29 авг., без загл.

Добрый праздник (стр. 256).— *П*, 1959, 3 мая.

«Боюсь любви, а не любить — не жить...» (стр. 257).— *НС*, 1960, № 6. Стих. написано в 1939 г., в 1959 г. был сделан последний вариант, вошедший в книгу *С*.

«Странно, ты стала какой-то стыдливой...» (стр. 257).— *ЛЖ*, 1959, 13 мая.

Только живи! (стр. 257).— *ЛЖ*, 1959, 25 окт.

«Ты такое прощала...» (стр. 258).— *ЛГ*, 1959, 29 авг. Вариант последней строфы:

Так умела безмерно,
Бесконечно любить...
Только смерти, наверно,
Не сумеешь простить.

Меня добру учила вся родня (стр. 259).— *ЛГ*, 1959, 29 авг., без загл.

«Страшно любить и быть нелюбимым...» (стр. 259).— *ДП*, 1960.

По своей орбите (стр. 260).— «Нева», 1959, № 8, без загл. Стих. дало название разделу в книге «Годы жизни» (М., 1961).

Письмо в «Лесную газету» (стр. 261).— *ЛГ*, 1960, 8 окт. Посвящено писателю В. В. Бианки (1894—1959), с которым Яшин познакомился в марте 1959 г. Первоначальный набросок:

Столько птиц в перелеске,
Как мы мало их знаем—
Побеседовать не с кем,
Чтобы дать имена им.

Голосами, обличьем
Все друг с другом не схожи.
Только мы в царстве птичьем
Разобраться не можем.

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ (1961—1965)

О моей святыне (стр. 263).— *ДП*, 1962. В книге *БЗ* в цикле «Из дневника» 5 стих.: «Больше не могу...» (О моей святыне), «Ночую у председателя...» («И стали мы пить чаек...»), «Я сочиняю стихи про желтые листья...» (Желтые листья), «Что

я за человек?..» (Счастлив ли я?), «Задолго до света...» (Топятся печи). В книге *Б* цикл разрознен.

Лирическое беспокойство (стр. 264).— *ЗВ*, 1962, 4 дек.

Чего боюсь? (стр. 265).— *Ю*, 1964, № 7.

Таруса (стр. 266).— *НС*, 1963, № 6. Написано в Тарусе 13 июня 1961 г., куда Яшины ездили на машине всей семьей, ночевали в палатке у дер. Лодыжино. Яшин передал жившему в Тарусе К. Г. Паустовскому (1892—1968) повести «Сирота» и «Выскочка», которые Паустовский высоко оценил.

Бабочка ожила (стр. 267).— *ДП*, 1962.

Пришвинский мостик (стр. 267).— *М*, 1968, № 2. Так назвал Яшин мостик через овражек в конце аллеи Дома творчества в Малеевке, по которому прежде ходил с Пришвиным.

Жили-были... (стр. 268).— *ЛЖ*, 1962, 22 июля.

Домбай (стр. 269).— «Курортная газета» (Ялта), 1961, 21 марта, под загл. «В горах юга». Написано после поездки с семьей на машине на Кавказ (20 июля — 15 авг. 1961 г.).

В городе Кассиане (стр. 270).— *ЛГ*, 1961, 7 окт., под загл. «Встреча». В книге *БЗ* под загл. «Из дорожных встреч». В книге *Б* под данным заглавием входит в цикл «Дунайские контрасты». Стих. обращено к румынской поэтессе Нине Кассиан (р. 1924 г.). После поездки в Румынию Яшин перевел стих. румынских поэтов Н. Кассиан, М. Драгомир, В. Парумбаку.

Смерть березки (стр. 270).— *ЛЖ*, 1962, 22 июня. Начато во время поездки Яшина на родину в мае 1962 г., когда поэт задумал построить свой дом на Бобришном Угоре, где бы он мог работать. Первый набросок стих. сделан в г. Великом Устюге, через который поэт возвращался в Москву.

Босиком по земле (стр. 271).— Газ. «Маяк» (Вологда), 1962, 1 мая, с заметкой Яшина: «Желаю новой вологодской газете «Маяк» «светить всегда, светить везде», а читателям ее — трудовой славы, счастья и благосостояния». Написано в дер. Скочково в избе Анны Григорьевны Поникаровой, сестры матери. В это же время написана «Вологодская свадьба», рассказы «Живодер», «Старый валенок» и ряд стих., составивших основу книги *БЗ*, которая посвящена Бобришному Угору.

Чистый бор (стр. 272).— *ЛЖ*, 1962, 4 апр.

На Бобришном Угоре (стр. 272).— *ДП*, 1963. 30 мая 1962 г. началось строительство избы, в это время и написано стих. Вариант последней строфы:

Хорошо будет летом
На речном одуване —
Приезжайте поэты:
Москвичи, вологжане.

В бору случилось невозможное (стр. 274).— *НС*, 1963, № 6. Написано в связи с проведением радиосети в дер. Блудново.

Мы уже боялись... (стр. 275).— *НМ*, 1962, № 7.

Топятся печи (стр. 275).— *ЛЖ*, 1962, 4 апр. В книге *БЗ* в цикле «Из дневника» без загл. Позже загл. возвращено. Написано в дер. Скочково 20 янв. 1962 г. утром, когда топилась русская печь.

Лесные дуги (стр. 276).— *НМ*, 1962, № 7.

После снегопада (стр. 277).— *НМ*, 1963, № 3, с заметкой от редакции: «27 марта 1963 г. Александру Яшину исполняется 50 лет. Редакция «Нового мира» сердечно поздравляет юбиляра, желает ему здоровья и творческих успехов».

На заячьих тропках (стр. 278).— *НС*, 1963, № 6.

Рябчики в снегу (стр. 279).— *Ю*, 1963, № 1. Запись в дневнике 8 янв. 1962 г., дер. Скочково: «При выходе из леса натолкнулся на рябчиков, «взрывавших» снег».

Два брата (стр. 280), Век не тот (стр. 281).— *ДП*, 1962.

И стали мы пить чаек... (стр. 283).— *М*, 1963, № 3, с заметкой от редакции: «Александру Яшину исполнилось пятьдесят, но он обладает счастливым даром — оставаться молодым в поэзии и в прозе. Редакция журнала «Москва» искренне и горячо приветствует юбиляра и ждет от него новых талантливых страниц стихов и прозы». В книге *БЗ* в цикле «Из дневника».

Родные слова (стр. 285).— *ЛЖ*, 1962, 22 июля. *Сугрёвушка* — родной, милый, сердечный (обл.). *Дежéнь* — творог с толокном (обл.). *Воркуны* — большие бубенчики (обл.).

Песня без слов (стр. 286).— *ЗВ*, 1962, 4 дек. Тема возникла 21 мая 1960 г. во время прогулки по лесу в Мичуринце: «Из лесу не выйдешь с пустыми руками. Если ни грибов, ни ягод, то хоть кусок коры захвати или песню...» Первоначально стих. имело другую концовку:

Скучный и злой, наверно, был
Тот, кто, надев мундир,
«Мертвой природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.

На одной волне (стр. 286).— *О*, 1963, № 15. С 24 нояб. по 18 дек. 1962 г. Яшин находился в Грузии, куда приехал на празднование 125-летия Ильи Чавчавадзе. В связи с этой поездкой им написаны также стих. «Просьба» и «Не дразни меня...».

Просьба (стр. 288).— *ЗВ*, 1962, 16 дек.

Терек (стр. 289).— *ЛР*, 1963, 29 марта, с заметкой К. Паустовского «Поэт-северянин»: «Первое, что я услышал от Александра Яшина, когда много лет назад мы с ним познакомились, были его удивительные рассказы о его родных вологодских местах, реке Юг, великих тамошних лесах, друзьях-односельчанах и медвежьей охоте. Мы часто пользуемся выражением «сын народа». Это высокое звание надо заслужить самоотверженной любовью к своему народу, знанием его, честностью, проникновением в поэзию родной страны. В этом смысле Александр Яшин — подлинный, талантливый сын нашего Севера, вологодских краев, сын и поэт. Я не представляю себе оседлого Яшина. Он всегда в движении, в поэтическом беспокойстве, в пристальном изучении своих северных мест, в накоплении «запасов» поэзии, в создании стихов. Стихи его пристальны, свежи. Яшин не бросает поэзию па ветер...»

Не дразни меня... (стр. 290).— *ДП*, 1963.

Со стороны (стр. 291).— *ЛЖ*, 1962, 22 июля, под загл. «Загородное».

Дебора (стр. 292).— *ЛЖ*, 1962, 4 апр.

«Я опять хочу притулиться...» (стр. 293).— *ДТ*.

Мир — из огня (стр. 293).— *ДП*, 1962. Оканчивалось строфой:

Может, я стану навеки нем,
Все вдохновенье — в прах,
Может, создам десятки поэм —
Все у нее в руках.

Последнее посвящение (стр. 294).— *ЛР*, 1965, 8 окт. Второе стих. цикла — *ДП*, 1963, под загл. «Все не по мне».

Огонек (стр. 295).— *НМ*, 1963, № 3.

Вся жизнь на виду (стр. 295).— *ЛГ*, 1964, 1 мая, под загл. «Ни конца, ни края...».

Обнова (стр. 296), Вешние воды (стр. 297).— *ИС*, 1963, № 6.

Весенняя болтовня (стр. 298).— Альманах «День поэзии Севера», 1968.

Добру откроется сердце (стр. 299).— *ЛГ*, 1963, 21 дек.

Желтые листья (стр. 300).— *ДП*, 1965.

Все для человека (стр. 301).— *ООХ*, 1965.

Спасибо солнцу! (стр. 302).— *Ю*, 1964, № 7. Первая запись на эту тему 5 июля 1962 г.: «Солнечный день. И ветви деревьев — лучи, и хвойные иглы — лучики. И папоротниковые, и пальмовые листья, и всякие зонтичные растения, все — везде лучи. И когда из водопроводной колонки пустили струю, то она ударилась в асфальт и разлетелась в стороны светящимися лучами. Поливная машина — лучи. О подсолнечнике и говорить нечего».

Кричали грачи (стр. 303).— *М*, 1966, № 10, под загл. «Немного истории». В книге *Б* – второе стих. цикла «Дунайские контрасты».

К собственному юбилею (стр. 305).— *ЛГ*, 1968, 26 июня. В ноябре 1962 г. в Тбилиси во время празднования юбилея Ильи Чавчавадзе Яшин тяжело заболел и попал в больницу, где накануне своего юбилея начал писать это стих. Закончил его в вологодской больнице в 1967 г.

Зазимовавшая ласточка (стр. 306).— *Ю*, 1964, № 7. Авторизованный перевод стих. Г. Леонидзе (1899—1966).

Остуда (стр. 306).— *ПС*, 1964, 4 сент.

Аэлита (стр. 307).— *ДП*, 1963.

Хлеб созрел (стр. 308).— *И*, 1964, 24 авг. В книге *Б* включено в цикл «Дунайские контрасты».

Дунайские контрасты (стр. 309).— *СК*, 1964, 4 сент., под загл. «Контрасты». В книге *Б* под загл. «На дорогах» включено в цикл «Дунайские контрасты». Написано после поездки в Румынию (июль 1961 г.) с бригадой писателей: А. Дементьев, В. Боков, М. Танк, М. Алигер. Это была единственная поездка Яшина за границу.

Сказка про медведя (стр. 310).— *ООХ*, 1965, № 2. Описанный случай произошел на тракте между г. Никольском и дер. Блудново.

Если б ты подал голос... (стр. 311).— *ВК*, 1965, 9 мая.

О безответной любви (стр. 311).— *ПС*, 1964, 4 сент. В сент. 1964 г. в Архангельске, который Яшин называл своей литературной родиной, состоялась Неделя литературы с участием А. Яшина, К. Копичева, В. Гончарова, В. Белова и др.

Гнус (стр. 312).— *СК*, 1964, 4 сент., под загл. «В тайге», в книге *Б* под настоящим загл. Стих. писалось на Бобришном Угоре летом 1963 г.

Запасаемся светом (стр. 313).— *ПС*, 1964, 5 июля. В 1963 г. Ф. А. Абрамов (1920—1983) приезжал на Бобришный Угор познакомиться с Яшиным.

Голоса весны (стр. 315).— *ЛГ*, 1964, 14 июля.

Ясный день (стр. 315).— *П*, 1968, 26 янв.

С матерью наедине (стр. 316).— *ПС*, 1964, 4 сент. Первый набросок 14 сент. 1960 г.: «Стихи о матери... Пока есть ты — есть у меня и родина, есть куда приехать. Дом неказистый, а свой».

«Думалось, не прибраться...» (стр. 317).— *ПС*, 1964, 5 июля.

Мертвые деревья (стр. 317).— *СК*, 1964, 4 сент., без загл.

Беличьи свадьбы (стр. 318).— *Ю*, 1964, № 7.

Покормите птиц (стр. 319).— *Ю*, 1964, № 7.

Улыбка (стр. 319).— Газ. «Советская Кубань», 1964, 7 июня, с заметкой Яшина: «Собственная биография в работе любого писателя имеет определяющее значение. Почти невозможно уйти от сельской тематики, когда ты родился и вырос в деревне, когда живут там и сейчас твои «родичи и дедичи». Так произошло и со мной. Живя в городе, я остаюсь деревенским человеком, радуюсь радостям деревни, болею ее болями. По существу, я перестаю писать, когда долго не бываю на родине. Поэтому я бываю там ежегодно и живу подолгу. Хорошо идут дела у моих земляков — и мне хорошо пишется, плохо они живут — и я живу плохо. Для успешной и удачливой творческой работы мне прежде всего необходимо, чтобы мои земляки на Вологодчине хорошо жили в своих колхозах...» С 8 по 10 июня 1964 г. в Краснодаре состоялся пленум Правления СП РСФСР, в котором участвовали Л. Соболев, Ф. Абрамов, Е. Исаев, П. Нилин, А. Яшин и др.

«Опять больница!..» (стр. 320).— *ЛГ*, 1968, 26 июня.

Кто рассудил (стр. 321).— Газ. «Советская Кубань», 1964, 7 июня.

Сухое вино (стр. 322).— *ДП*, 1965.

Сиверко (стр. 323).— *ЛР*, 1965, 8 окт.

Пора и мне (стр. 324).— *НМ*, 1964, № 6.

Счастлив ли я? (стр. 325).— *СК*, 1964, 4 сент., под загл. «Из дневника». В книге *БЗ* в цикле «Из дневника», под загл. «Что я за человек?», в книге *Б* под данным заглавием.

К тебе обращаюсь, душа моя!.. (стр. 326).— *СК*, 1964, 4 сент.

Ваши успехи (стр. 327).— *ДТ*.

Хлеб-соль (стр. 327).— *ПС*, 1964, 4 сент. Запись Яшина: «Вчера, 13/VIII 64, пообещал Мих. Львову написать 12 строк о хлебе для журн. «Юность» № 9 на обложку. А чего написать — ума не приложу...», и далее:

МОЛИТВА О ХЛЕБЕ

Хлеб наш насущный,
Расти, расти,
Он потому и насущный,
Что без него не прожить.
Вся мощь, вся техника, вся индустрия
На службе у хлеба. Хлебу почет.

В *Ю*, 1964, № 9, под загл. «Урожай».

Ночная охота (стр. 328).— *ЛР*, 1965, 8 окт. Стих. написано под впечатлением нескольких охот: в 1948 г. Яшин с мужиками из дер. Липово сидел на лабазе за Юг-рекой «на овсах», затем охота 1958 г., в 1963 г. такая же охота повторилась за Пермасом вместе с Вадимом Каплиным и Федором Абрамовым.

«Лес поседел от инея...» (стр. 330), Про березку (стр. 330), Дорога в небо (стр. 331), Первый птенец (стр. 332).— *ЛР*, 1965, 8 окт.

Медведя мы не убили... (стр. 333).— *ВК*, 1965, 9 апр.

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ (1965—1968)

Перед исповедью (стр. 334).— *КС*, 1967, 25 авг. Первая запись будущего стих. в дневнике 10 февр. 1965 г.:

Хочется исповедаться,
За будущее не бояться,
Прошлого не жалеть,
С прошлым расквитаться...

В газ. *КС* подборка из 8 стих. Яшина, который в это время с бригадой вологодских писателей совершил творческую поездку по Волго-Балту. Впечатление от поездки легло в основу стих. Н. Рубцова «Последний пароход», посвященного памяти А. Яшина.

Утренники (стр. 335).— *ЛГ*, 1965, 26 окт., под загл. «Начало зимы».

Свежей выпечки (стр. 335).— *М*, 1966, № 10.

«Я обречен на подвиг...» (стр. 336).— *ДП*, 1968.

Отходная (стр. 337).— *ДП*, 1966, без загл. В записной книжке: «4/IV 68 г. Чутье, интуиция даны художнику, по-видимому, как и талант, поэтому в его творчестве, в стихах предчувствием определяется многое гораздо раньше, чем осознанием. Я еще в 1966 году написал «Отходную» и многое другое из того, что определило мой сегодняшний день. В Академгородке я начал писать поэму с мольбой о куске шагреневой кожи, — она тоже шла от предчувствия».

О погожих днях и хороших людях (стр. 338), Эко дело! (стр. 339).— *М*, 1966, № 10.

День творенья (стр. 341).— *И*, 1966, 6 авг. Подарено М. А. Дудину (р. 1916 г.) в день его юбилея в Ленинграде. Первая запись о спасении цыпленка дочерью Златой была сделана в дер. Блудново в 1966 г.

Следы на снегу (стр. 343).— *М*, 1966, № 10, под загл. «Следы».

Сказать иль промолчать? (стр. 344).— *КС*, 1967, 17 февр.

Твои письма (стр. 344).— Газ. «Защитник Родины» (Одесса), 1966, 14 окт.

Вместо ответа (стр. 345).— Газ. «Наддніпрянська правда» (Херсон), 1966, 18 сент. «Написал 18/V 66 г. в Блуднове — после черной бани...»

Грачи (стр. 346).— *ЛГ*, 1967, 22 нояб. «23/V 66 г. На чердаке моем хорошо, но слышны все разговоры и бесконечный крик грачей...»

Переходные вопросы (стр. 347).— «Комсомольская искра» (Одесса), 1966, 2 сент., под загл. «В чем моя вера». Дано по рукописной книге *ДТ*. Один из разделов последней прижизненной книги *ДТ* называется «Переходные вопросы». Стих. посвящено К. Г. Паустовскому, с которым поэт был в дружеских отношениях, мнением которого очень дорожил. Паустовский умер через три дня после смерти Яшина. Его последнее письмо: «Милый Яшин, я тоже болен и поэтому не могу прийти к Вам сейчас, чтобы немного утешить Вас. Держитесь. Нас осталось мало — лес редеет, и мы должны беречь себя и верить, что все будет хорошо...».

Соловей (стр. 348).— *И*, 1966, 6 авг. Написано 29 мая 1966 г. в дер. Вырыпаево в доме сводной сестры Марии Антипьевны (р. 1929 г.). Дом стоит на краю деревни на высоком угоре. В этих живописных краях за 10 дней, с 21 по 30 мая 1966 г., поэт написал более десяти стих.

Новый берег (стр. 349).— Газ. «Защитник Родины» (Одесса), 1966, 3 сент. Имеется в виду Новый берег под Бобришным Угором, где из-за крутых поворотов река каждый год изменяет русло, особенно в ледоход и лесосплав.

Почему не удивляемся (стр. 349).— *ДП*, 1966.

Кулик (стр. 350).— *И*, 1966, 6 авг. Запись в дневнике 26 мая 1966 г.: «Сквозь сон задумал стихотворение о кулике на гнезде со своим длинным носом, как ПТР...» (ПТР — противотанковое ружье).

Вадиму Каплину, медвежатнику (стр. 351).— *ПС*, 1966, 10 дек. *Каплин Вадим* Николаевич (р. 1928 г.) — писатель-журналист, охотник, житель г. Никольска Вологодской обл.

Глухая зима (стр. 352).— *ВК*, 1967, 3 сент., под загл. «В лесной глуши». Начато 4—7 янв. 1966 г. Вернулся к нему 18 авг. 1967 г. и записал: «Стихотворение было почти готово, чего же я его не доделывал, не пускал в ход. Странно, как трудно порой дается стихотворение. Год лежит, два, а потом оказывается, что и править было нечего».

Лесосека (стр. 353).— *КС*, 1967, 25 авг.

Развод (стр. 355).— *КС,* 1967, 17 февр.

Скорые поезда (стр. 355).— *ВК*, 1967, 3 сент., под загл. «Я ничего о тебе не знаю».

В конце пути (стр. 356).— *И*, 1968, 2 февр. Начал писать 7 апр. 1966 г. в поезде Шарья — Москва. Поэт возвращался домой после длительного путешествия: февраль — март был в Тимонихе, апрель — май в Блуднове. Дописано стих. 27 нояб. 1967 г. в больнице МОНИКИ, где врач предоставил ему для ра-

боты в вечерние часы свой кабинет. В это время в основном шло составление двухтомника «Избранные произведения» (М., 1972) и правка стих. разных лет.

Чего еще сердце просит? (стр. 357).— *ЛГ,* 1967, 22 нояб., без загл. Начато 6 мая 1966 г. на Бобришном Угоре во время ледохода и лесосплава, закончено в сент. 1967 г. в Блуднове, где поэт был с 10 сент. по 3 окт. — последний раз.

Новогодняя почта (стр. 358).— *П*, 1967, 1 янв. Написано 30 дек. 1966 г. в Вологодской областной больнице.

Ночная уха

Вот и все (стр. 360). — *ДТ.* В рукописной книге *БЗ* без загл. О чужой душе (стр. 360).— *ММ*, 1966, № 10. Речка Вертушинка (стр. 361). — *ЛГ*, 1961, 16 марта. Там небо выше (стр. 362).— *ДП*, 1968. *ВМТ* (стр. 363).— *ЛГ*, 1964, 14 июля. Вариант последней строфы:

И мне думается, что
Верхняя Мертвая точка
Для человека — смерть.
Я не хочу быть ни маховиком,
Ни поршнем.

ВМТ — инициалы поэтессы Вероники Михайловны Тушновой (1914—1965). Бог (стр. 364).— *ЛГ*, 1965, 26 окт. Вот теперь-то мне и любить (стр. 365). — *ЛГ*, 1965, 26 окт., без загл. «Мы с тобой теперь не подсудны...» (стр. 365).— *ЛР*, 1965, 8 окт. Навсегда (стр. 366).— *ЛГ*, 1965, 26 окт. «Может, и надо мною...» (стр. 367), «А мы друг друга и там узнаем...» (стр. 367).— *М*, 1968, № 2. Заклинание (стр. 368).— *И*, 1966, 6 авг. Ночная уха (стр. 369).— Газ. «Комсомольская искра» (Одесса), 1966, 2 сент. Так назван раздел в книге *ДТ*. Стих. написано 14 мая 1966 г., перед этим 24 апр. записано:

«Зоя Павловна, вы ко мне?
Рад, что слухи людские лживы.
Заходите, коли вы живы,
Будьте снова светом в окне.

Это ты пришла, Вероника?
. . . . немножко дико,
Что кругом растут васильки.

Саша, сын мой, любимый мой,
Что ж так робко остановился?
Как ты вытянулся. Не женился?
Вот и славно,
Живи со мной...»

Душа (стр. 370). — *М*, 1966, № 10. Не надо каяться (стр. 370).— *КС*, 1968, 13 янв. Думалось да казалось... (стр. 371).— *КС*, 1967, 25 авг.

Весенние ожидания (стр. 373).— *ЛГ*, 1967, 22 нояб.

Зимой в речном порту (стр. 373).— *КС*, 1967, 25 авг.

Для тех, кто не спит (стр. 375).— *НМ*, 1968, № 1. Начато 24 мая 1966 г. в дер. Вырыпаево. Дописал через год — 6 авг. 1967 г.: «Долго мучился, но, кажется, не зря».

Мы были молоды (стр. 376).— *КС*, 1968, 13 янв. Написано 7 февр. 1967 г. в вологодской больнице, где Яшин находился с 26 дек. 1966 г. по 14 февр. 1967 г. Ему были разрешены прогулки, и путь его каждый день лежал мимо тех мест, где прошла его молодость. Стих. навеяно воспоминаниями о Елене Первенцевой (см. с. 601). Созданию стих. предшествовали записи, которые встречаются в рабочих тетрадях с 1958 г.

Сопоставления (стр. 378).— *КС*, 1967, 25 авг. Написано в селе Екатериновке на Украине, где Яшин был с 11 по 21 июля 1967 г. у двоюродного брата Анатолия Сорокина. Дало название одному из разделов книги *ДТ*.

О форме и содержании (стр. 380).— *КС*, 1967, 25 авг. На эту тему есть строфа, написанная 13 нояб. 1947 г.:

Мы набрали васильков,
Наплели из них венков,
Ненаглядны васильки,
Но ведь это сорняки.

Птичья тема (стр. 381).— *КС*, 1967, 25 авг.

Молитва матери (стр. 381).— *ВК*, 1967, 3 сент.

Разлюбила жена (стр. 382).— *ЛГ*, 1968, 26 июня.

Об одиночестве (стр. 384).— *КС*, 1967, 25 авг.

Лунная ночь (стр. 384).— *ДТ*. На рабочем листе рядом со стих. написаны строфы:

Сам я печку затоплю,
Сам себе уху сварю,
Это дело я люблю —
Напою и накормлю.

Если б все мое тепло
На меня бы только шло,
Я б не знал ничьих обид,
Я бы жил, как бог велит.

Джин (стр. 385).— *Ю*, 1968, № 6. «27 марта (1964) — день рождения Саши и мой. Мне был подарен щенок, ирландский сеттер. Щенок родился 27/II 64 г. Я вынужден был уехать на партсобрание и застрял... А семья моя 27/III была у К. И. Чуковского — около 1,5 часов. Чаепитие. Все страшно довольны. Он читал стихи, рассказывал много, проверял знание литературных дат (годы рождения и смерти великих русских писателей), подарил Саше книгу».

Милое мое горе (стр. 386).— *КС*, 1968, 13 янв.

Скорая помощь (стр. 388).—*ДТ*.

Свое добро (стр. 390).—*КС*, 1968, 13 янв. Написано в последний приезд на Бобришный Угор.

Мухоморы (стр. 391).—*КС*, 1968, 13 янв.

Ночной поезд (стр. 392).—*ЛГ*, 1968, 1 янв. Дача Яшина в Мичуринце, арендуемая у Литфонда, находилась в пяти минутах ходьбы от станции — ночью казалось, что поезда идут рядом с домом, через лес, окружавший дом. Так же страшен был придавливающий грохот самолетов, идущих на посадку на Внуковский аэродром.

Последняя глава (стр. 392).—*НМ*, 1968, № 1.

И так всю жизнь (стр. 393).—*П*, 1968, 26 янв. Тема возникла после поездки на машине из Вологды на Кубенское озеро (30 марта 1958 г.): «Мне надо было все снимать на кинопленку, а я как взялся за канат, так и забыл о том, что я «кинооператор». Так в течение всей войны я забывал о своих обязанностях писателя, все хотелось быть самому во всех переделках в качестве бойца. И результат грустный — я мог написать о войне гораздо больше».

Рогатый Пегас (стр. 395).—*ЛГ*, 1968, 24 янв.

С добрым утром! (стр. 396).—*П*, 1968, 26 янв.

ГРАНИЦЫ ДУШИ (1937–1968)

Любовь (стр. 398).—*Ок.*, 1939, № 3. В книге *ГД* под загл. «Белый стих».

«Я уезжаю — ты тоскуешь...» (стр. 399).—*ДП*, 1974.

Сосна (стр. 399).— Альманах «Поэзия», М., 1975.

На даче в Переделкино (стр. 400).—*Ок.*, 1940, № 8. Со студенческих лет вся жизнь Яшина была связана с Переделкином — подмосковная природа помогала ему переносить разлуку с Вологодской землей.

«Любо-дорого, как мы бегали...» (стр. 401).— Газ. «Московский комсомолец», 1941, 4 янв., под загл. «Каникулы», в *НС* (1975, № 1) под загл. «Любо-дорого».

«Когда бы ты видела этот город...» (стр. 402).— Печатается впервые.

В госпитале (стр. 402).—*Ст. П*, 1942, 23 авг. На газете имеется надпись: «Это последний номер «Ст. правды», выпущенный в Сталинграде. Утром 24/VIII прямым попаданием бомбы разрушена типография. Днем сгорела типография и редакция. А. Яшин».

«Мне надо так глядеть вперед...» (стр. 403).— Альманах «Поэзия», М., 1975.

«Только дождь да ветер за оградою...» (стр. 403).— *НМ*, 1973, № 7. Написано в Переделкине 24 авг. 1946 г. с пометкой: «Для поэмы о ревности».

«Как избавиться от лени?..» (стр. 404).— *НМ*, 1973, № 7.

«Моей любимице...» (стр. 404).— Печатается впервые.

Первый снег (стр. 406).— *Сев.*, 1975, № 6.

«Лес зайндевел, закуржевел...» (стр. 407).— *Сев.*, 1975, № 6, под загл. «По дороге». Этим стих. открывается тетрадь, названная Яшиным «Зеленое золото»; ее подарил ему коллектив рабочих и служащих Архбумкомбината им. К. Е. Ворошилова. «Зеленое золото»— в книге стих. о лесорубах, лесозаготовителях.

«Лес. Темно. Скрипят ботинки...» (стр. 407).— *НС*, 1975, № 1. В рукописи пометка: «Для поэмы «Отец».

«Сине-зеленый, издалека...» (стр. 408).— *НС*, 1973, № 7.

«Бор, казалось, был не широк...» (стр. 408).— Альманах «Поэзия», М., 1975.

«Для меня любые расставанья...»(стр. 409).— *НМ*, 1973, № 7, под загл. «Ностальгия».

«Прости меня, любимая, за то...» (стр. 409).— *НС*, 1973, № 7.

«Утро бесшумное, раннее...» (стр. 410).— «Неделя», 1983, № 13.

«Много есть хорошего на свете...» (стр. 411).— Газ. «Московский комсомолец», 1970, 23 окт.

Буран в степи (стр. 411).— «Неделя», 1983, № 13, без загл.

«Не пишется! Зачем молчу...»(стр. 412).— *ЛР*, 1973, 23 марта, под загл. «Счастливый дар не на года...».

Секретарь райкома (стр. 413).— *Сев.*, 1973, № 9.

«Прости меня, мама...» (стр. 414).— *ГД*.

Есть ощущенье силы и в упрямстве...» (стр. 414).— *ДП*, 1973. В одном из вариантов стих. есть строфа:

Самосожженцы — прадеды мои.
Пусть времена и люди несравнимы,
Но что-то есть от тех неукротимых
В характере моей большой семьи.

«Старушке, матери своей, на диво...» (стр. 415).— Газ. «Московский комсомолец», 1973, 6 апр.

«Всё к лучшему...» (стр. 415).— *ЛР*, 1973, 23 марта.

«Тянется тропинка...» (стр. 416).— *ДП*, 1973.

Повышение по службе (стр. 416).— Печатается впервые.

«В каждом доме свое богатство...» (стр. 417).— *ДП*, 1974.

Почему? (стр. 418).— *ИС*, 1973, № 7. Написано по впечатлениям от прогулок с младшим сыном Михаилом.

В сельском клубе (стр. 419).— *ГД*.

«Мы с детства верили примете...» (стр. 420).— Печатается впервые.

«С сединою да с лысиной...» (стр. 420).— *ДП*, 1973.

«В дни юности ранней...» (стр. 421).— Альманах «Поэзия», 1975.

Новозеро (стр. 421).— *Сев.*, 1973, № 9. Стих. написано одновременно с циклом рассказов «Сладкий остров» после поездки Яшина в Белозерский край Вологодской обл.

Испытание славой (стр. 422).— *И*, 1962, 14 апр., под загл. «Слава!».

Бухара (стр. 424).— «Неделя», 1983, № 13, без загл. Написано во время поездки от *ЛГ* в Узбекистан (Ташкент, Самарканд, Бухара) и Таджикистан.

«Костер догорел...» (стр. 424).— Альманах «Поэзия», 1975.

«Когда все силы на исходе...» (стр. 425).— *ПС*, 1973, № 1.

«От кустика да к кустику...» (стр. 425).— *ДП*, 1974.

«На многих охотах я побывал...» (стр. 426).— *ЛР*, 1973, 23 марта, под загл. «О собаках». Яшин собирал книгу стих. об охоте, сам был заядлым охотником, любил собак.

Переходная проблема (стр. 427).— Печатается впервые.

«Когда на улице метель...» (стр. 428).— «Неделя», 1983, № 13.

«Осенью засыпает вода...» (стр. 428).— *ИС*, 1973, № 1.

«В этом поле замерзнуть можно...» (стр. 429).— *ГД*.

Перегрузка (стр. 429).— Газ. «Московский комсомолец», 1970, 23 окт.

Границы души (стр. 430).— *НМ*, 1973, № 7.

Родина Есенина (стр. 431).— «Неделя», 1983, № 13, без загл.

«Не хочу озлобленья!..» (стр. 431).— *ДП*, 1973.

«...И когда, может быть, впервые...» (стр. 431).— *НМ*, 1973, № 7.

«Который день метет метель...» (стр. 432).— «Неделя», 1983, № 13.

Черемуха (стр. 432).— «Неделя», 1983, № 13, без загл.

«Если бы знать нам, что завтра...» (стр. 433).— Газ. «Московский комсомолец», 1973, 6 апр.

Саше (стр. 433).— *Сев.*, 1973, № 9. Стих. посвящено памяти сына Яшина — Александра (1949—1965).

Снег (стр. 435).— *ЛГ*, 1973, № 13. Снег для поэта — образ северной родины. Первое стих. под таким загл. было написано в 1937 г. и вошло в кн.: Яшин А. Северянка, М., 1938, начиналось оно так:

Я с детства сроднился с его холодком,
Я брал его в руки,
Ел и ахал,
Знаком с его светом и с хрустом знаком,
Я с детства ходил по нему босиком —
О пятки отцовская билась рубаха.

«Схороните меня на Бобришном Угоре...» (стр. 435).— *НМ*, 1973, № 7.

«Мне верить надо...» (стр. 436).— «Неделя», 1983, № 13.

Не ко времени (стр. 437), Наслаждение в верности (стр. 437).— «Неделя», 1983, № 13, без загл.

«Счастливы однолюбы...» (стр. 438).— *ДП*, 1973.

«Что ж ты спишь, ветер...» (стр. 438).— Газ. «Московский комсомолец», 1970, 28 окт.

Академгородок (стр. 439).— Газ. «Московский комсомолец», 1970, 23 окт. Стих. написано в больнице новосибирского Академгородка. Запись около стих.: «Даже больница для того, чтобы писать».

«...Подари, боже...» (стр. 440).— ДП, 1973.

Вильнюс (стр. 442).— *Избр., 1972.* Одно из последних стих. поэта. Запись в стих. тетради: «Город чужой, улицы без названий, пока не появится женщина. Она дает имя всему — городу, реке, лесам и паркам — и все становится родным и знакомым». Эта запись, сделанная в февр. 1968 г. в Новосибирске, легла в основу стих. Написано после поездки в Вильнюс на Декаду русской литературы и искусства в марте 1968 г.

«Две матери...» (стр. 442).— *Избр., 1972.*

Утренняя почта (стр. 443).— *ЛР*, 1973, 23 марта.

«Так же будут юноши писать...» (стр. 444).— *Избр., 1972.* Последнее стихотворение, написано 28 апреля 1968 г., после операции.

Строфы (стр. 446).— Печатались в периодич. изданиях и в кн. *ГД*.

ПОЭМЫ

Мать и сын (стр. 453).— *Ок*, 1938, № 10, под загл. «Сын». Под данным загл. опубликована в книге *СП* после коренной переработки: написаны главки-вступления перед каждой частью,

сделана значительная правка. Окончательный вариант поэмы в кн.: Яшин А. Тебе, любимая! (Вологда, 1960). В. Инбер в статье «Две поэмы Александра Яшина» (*ЛГ*, 1940, 13 окт.) писала: «Яшин владеет кладом подлинным, неподдельным. Это его знание деревни. Умение показать ее изнутри сложно и многообразно».

Ленинградская поэма (стр. 499). — *НС*, 1976, № 5. В 1942 г. Яшин находился под Ленинградом. Записи в дневнике о работе над поэмой: «13/II 42. Задумал поэму о Ленинграде (осажденном)...», «24/VI 42. Пишу по 10 строк «Ленинградскую поэму». Части поэмы публиковались как отдельные стих.: «Обстрел», «Не бомби ты меня на заре...» — *ЗБ*; «Ленинград, 1942 год» — *ДТ*.

Алена Фомина (стр. 522). — *НМ*, 1949, № 11. Сохранилось 12 вариантов поэмы под разными загл.: «Николай Козлов», «Возвращение», «После войны». А. Фадеев горячо поддерживал поэта в его работе, торопил с ее окончанием. Когда поэма была написана и отдана в *Ок*, оказалось, что тема возвращения инвалида с войны перекликается сюжетно и композиционно с темой только что опубликованной поэмы А. Недогонова «Флаг над сельсоветом». В 1946 г. Яшин совершает поездку на Алтай с выездной редакцией газеты «Правда». Там, в колхозе «Сибирский меринос», он встречает энергичную, властную женщину — председателя колхоза Феклу Митусову, которая явилась прообразом Алены Фоминой. Поездка на Алтай сильно повлияла на переделку поэмы. Произошло смещение: впечатления от богатого алтайского колхоза перенесены в северную деревню, тогда еще трудно жившую. Образ инвалида становится второстепенным, образ Алены — главным. В 1949 г. поэма удостоена Государственной премии СССР. В процессе работы над поэмой для переиздания Яшин начал ее сокращать, но до конца эту работу так и не довел. В воспоминаниях о Фадееве «С большой буквы» Яшин пишет: «Я не раз возвращался к «Алене Фоминой», сократил ее почти на тысячу строк, старался выкинуть все, что оказалось в ней наносного. Буду работать еще, возможно, обращусь к первоначальному варианту, чтобы, насколько хватит сил, сделать поэму достойной памяти человека, которому она посвящена». В наст. изд. поэма печат. по одному из первых вариантов («Возвращение») — наиболее цельному и завершенному. История создания поэмы породила новый творческий замысел, который вынашивался много лет, но остался в записях, набросках. В архиве сохранился неоконченный рассказ «Лауреат» — история о том, как меняется жизнь человека, отношение к нему окружающих после получения премии.

З. К. Яшина, Н. А. Яшина

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЩИТНИКИ (1941—1944)

Балтика

Волга

Черное море

ЗЕМЛЯКИ
(1944—1948)

РОМАНТИКИ
(1951—1955)

СОВЕСТЬ
(1956—1960)

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ
(1961—1965)

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ
(1965—1968)

ГРАНИЦЫ ДУШИ

(Стихи из дневников)
(1937—1968)

Строфы

ПОЭМЫ
(1937—1947)

3р. 30к.